СЭМ САЙКС

18+

СЕМЬ КЛИНКОВ ВО МРАКЕ

Фэнтези: открытие

Сэм Сайкс

Семь клинков во мраке

«Издательство АСТ»
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Сайкс С.

Семь клинков во мраке / С. Сайкс — «Издательство АСТ», 2019 — (Фэнтези: открытие)

ISBN 978-5-17-120121-0

У нее украли магию. Бросили умирать. Сэл Какофония была предана теми, кому больше всех доверяла, и теперь у нее не осталось ничего, кроме имени, истории ее жизни и оружия. Однако воля Сэл сильнее всякой магии, и она точно знает, чего хочет. Шрам – земля, которую раздирают могущественные империи, где скрываются маги-изгои и куда уходят на смерть обесчещенные солдаты, и именно в Шрам держит путь ассасин Сэл. С собой у нее клинок, револьвер и список из семи имен. Возмездие – вот ее награда.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-120121-0

© Сайкс С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1 6
2 10
3 16
4 22
5 26
6 31
7 36
8 42
9 47
10 52
11 57
12 62
13 67
14 73
15 79
16 86
Конец ознакомительного фрагмента. 91

Сэм Сайкс
Семь клинков во мраке
Роман

Читателям, которые ни за что не останутся в стороне.

Sam Sykes
Seven Blades in Black

*** * ***

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Copyright © 2019 by Sam Sykes
© К. Гусакова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

1
Высокая Башня

Кто же не любит старой доброй казни?

Ни один житель Шрама, от суверенной Катамы и до самых дальних границ Революции, не нашел бы зрелища лучше, чем разлетающиеся по камням ошметки отступников. И в тот день за стенами Революционной Высокой Башни накал в воздухе чувствовали все.

Толпы людей стягивались поглазеть, как сметают месиво из грязи, еще влажной, которое осталось у столба после вчерашней казни. В стороне расположился расстрельный отряд – шлифовали штыки и делали ставки, кто попадет точно в сердце несчастного придурка, обреченного сегодня на смерть. Неподалеку перекрикивали друг друга торговцы, продававшие всякую всячину, от еды с питьем до памятных вещиц о дне, когда все ушли с работы пораньше – увидеть, как очередного врага Революции вздернут у столба.

В последнее время в стенах Высокой Башни делать было особо нечего.

Военный губернатор Третта Суровая пыталась игнорировать толпы под окном тюрьмы, кровожадные вопли, рев детей и смех мужчин. Она сосредоточилась на отражении в зеркале и поправила синюю военную форму. Горожанам можно простить столь малодушную жестокость. Офицерам Революции надлежало быть выше.

Подобающая прическа: черные волосы, остриженные безжалостно коротко и приглаженные к голове. Плотно стянутый мундир, отутюженные брюки, перехваченные ремнем, сабля у бедра – ни пылинки, ни ворсинки, ни следа ржавчины. И, самое главное, из зеркала смотрело решительное лицо человека, без колебания уложившего в могилу сотню врагов.

Наверное, странно было так наряжаться для казни. Шваль, которую через шесть часов кое-как прикопают, вряд ли это оценит. Однако офицеру Революции надлежало держаться принципов. И Третта получила звание отнюдь не за расхлябанность.

Она поправила на лацкане ордена – и лишь затем покинула свое жилище. Двое караульных отчеканили приветствие, вскинули штык-ружья на плечи и двинулись следом, держась ровно в трех шагах позади. В лучах утреннего солнца, проникавших сквозь окна, они промаршировали вниз по ступенькам к Ставке Командования. При приближении Третты часовые и офицеры вытягивались в струнку и вскидывали руки. Третта, продолжая путь, коротко кивала в ответ, мол, «вольно».

Солдат, дежуривший у дальней двери, поднял взгляд.

– Воен-губернатор, – обратился он, отдавая честь.

– Сержант, – отозвалась Третта. – Как пленница?

– Строптива, дерзостна. Начала утро с того, что швырнула выданную ей кашу в охранника, изрыгнула несколько непристойностей и резко высказалась как о профессиональном, так и о личном поведении его матери. – Сержант фыркнул, скривив губы. – В общем и целом, обычное поведение скитальца.

Военный губернатор не впечатлилась – могло быть и хуже, – а затем отдала приказ коротким жестом. Караульный без лишних слов отпер замок и толкнул массивную железную дверь. Третта со своим эскортом спустилась во мрак тюрьмы Высокой Башни. Их встретило безмолвие пустых камер.

Высокую Башню, как и другие революционные форпосты, возвели для заточения имперских захватчиков, противников революции, бандитов и даже случайных скитальцев. Но, в отличие от прочих форпостов, она располагалась слишком далеко от сражений, а потому камеры зарастали паутиной за ненадобностью. Пленников, осужденных за преступления про-

тив Революции, отправляли на казнь довольно быстро – ибо без развлечений среди горожан поднимались волнения.

С тех пор, как Третта прибыла в Высокую Башню, она спускалась в казематы лишь дважды, сегодня – второй раз. Первый был, чтобы предложить имперскому шпиону, выдававшему себя за бандита, помилование в обмен на сведения. Тридцать минут спустя она выставила его перед расстрельной командой. И считалось, что он пробыл под стражей дольше всех.

Нынешняя заключенная уже побила его рекорд на два дня.

Допросная располагалась в самом конце коридора, в который выходили камеры, за очередной железной дверью, под охраной двух солдат. Отсалютовав, они толкнули тяжелую створку. Скрипнули петли.

Двадцать на двадцать футов, ничего, кроме стола и пары стульев – допросная отличалась от камеры разве что чуть бóльшим размером и дверью поприличней. Вдобавок там царила духота: узенькое окошко под потолком, куда едва проникал свет, почти не пропускало и воздух.

Но пленницу, кажется, это не угнетало.

У стола сидела женщина лет тридцати, как показалось Третте, не больше. Грязные штаны и ботинки, белая рубаха с обрезанными рукавами и подолом – были видны змеящиеся по предплечьям татуировки и внушительный шрам от ключицы до живота. Безвкусное одеяние, как у любого встречного скитальца. Белые, как у жителя Империума, волосы неаккуратно срезаны на висках и стянуты на затылке в небрежный хвост. И, невзирая на удушающую жару, пленница казалась спокойной, даже безмятежной, и бледной, как лед.

Все это Третта презирала.

Когда военный губернатор вошла, эта женщина не подняла взгляда, не обратила внимания и на вооруженных мужчин. Ее скованные руки мирно лежали на столе. Даже когда Третта заняла место напротив, заключенная словно ничего не заметила. Глаза ее, голубые и прозрачные, как вода на отмели, смотрели будто мимо. На лице, худощавом и заостренном, обезображенном длинным шрамом над правым глазом, не отражалось ни следа страха перед неизбежной, чудовищной смертью.

И это раздражало Третту куда больше, чем она была готова признать.

Военный губернатор подалась ближе и сцепила пальцы перед собой, давая заключенной понять, среди какого дерьма та оказалась. После минутной тишины Третта протянула руку в сторону. Спустя мгновение сопровождающий вложил ей в ладонь стопку бумаг. Опустив их на стол, военный губернатор лениво перелистнула несколько страниц.

– Не стану говорить, что ты можешь спастись, – произнесла она наконец. – Офицер Революции никогда не лжет. – Третта подняла взгляд на женщину, которая никак не отреагировала. – Через шесть часов тебя казнят за преступления против Великой Революции Кулака и Пламени. Что бы ты ни сказала, этого не изменить. За свои деяния ты заслужила смерти. – Третта сощурилась. – И ты умрешь.

Женщина все-таки шелохнулась. Кандалы слегка лязгнули, она подняла руку и поскребла шрамы на лице.

Третта презрительно усмехнулась и продолжила:

– Но кое-что изменить ты можешь. То, как быстро все свершится. Революции не чуждо милосердие. – Военный губернатор нашла нужный лист и протянула его пленнице. – В обмен на сведения о событиях недели Масенов, с одиннадцатого по двадцатое, включая резню в поселении Старкова Блажь, уничтожение фригольда Нижеград и исчезновение младшего сержанта Революции Кэврика Гордого – я, от имени Ставки Командования, готова обещать тебе быструю и легкую смерть.

Она отложила документ и наклонилась ближе. Заключенная смотрела куда-то влево.

– Из-за тебя погибло много людей. Из-за тебя без вести пропал наш солдат. Прежде чем минуют эти шесть часов и тебя похоронят, случатся две вещи: я узнаю, что в точности произо-

шло, и ты решишь, хочешь ли умереть от единственной пули или от сотни клинков. – Третта уперлась ладонями в стол. – От того, что ты сейчас скажешь, зависит, сколько крови сегодня прольется на наших глазах. Подумай хорошенько.

Заключенная наконец взглянула ей в глаза. Без страха, все такая же спокойная, безмятежная.

– Можно мне, – проговорила она, и голос ее был слаб, – промочить горло?

Третта моргнула.

– Промочить горло.

Женщина с легкой улыбкой кивнула на свои скованные руки.

– Жарко.

Третта сощурилась, но все же сделала знак. Солдат выскользнул за дверь, через мгновение принес кувшин со стаканом, наполнил стакан и подтолкнул его пленнице. Та отхлебнула, причмокнула губами… и вдруг уставилась на стакан в руке.

– Что это за херь?

Третта нахмурилась.

– Вода. Что ж еще?

– А я-то надеялась на джин или вроде того.

– Ты просила воду.

– Я просила промочить горло, – парировала пленница. – Столько шороху о том, как вы меня будете убивать, что я уж подумала, дадите напоследок чего поприличнее. Что, даже последнюю просьбу не выполните?

Третта оскорбленно скривилась.

– *Нет*.

Пленница надула губы.

– В Катаме бы выполнили.

– А ты не в Катаме! – рявкнула Третта. – Ты далеко от Империума, и вся имперская мразь на тысячи миль вокруг лежит по могилам, и ты отправишься туда же.

– Ага, это ты ясно дала понять, – легкомысленно отмахнулась заключенная. – Преступления против Революции, бла-бла-бла. Не то чтобы я обвиняла кого-то во лжи, мэм, но вы уверены, что поймали нужную девчонку? В Шраме полным-полно отродья, которое наверняка оскорбило вас сильнее меня.

– Я *уверена*, – Третта взялась за бумаги и перелистнула в начало. – Узник номер пятнадцать-пятнадцать-пять, также известная, – она уставилась на заключенную поверх документа, – как Сэл Какофония.

Сэл криво усмехнулась. А потом изобразила изящный поклон – насколько это было возможно, сидя в кандалах.

– Мэм.

– Настоящее имя неизвестно, место рождения неизвестно, где обитает – неизвестно, – продолжила зачитывать Третта. – Род деятельности: охотник за наживой.

– Предпочитаю «охотник за головами». Звучит эффектнее.

– Осужденная – как минимум – за убийства в двенадцати городах, поджоги в трех владениях, незаконное присвоение Реликвий Революции, ересь против Обители, мелкое воровство…

– В воровстве нет ничего мелкого. – Сэл протянула руку. – Дайте-ка взглянуть.

– …богохульство, незаконное использование магии, похищение людей, вымогательство и так далее, и тому подобное. – Третта припечатала бумаги ладонью к столу. – Словом, все, что можно ожидать от типичного скитальца. И сомневаюсь, что по типичному скитальцу хоть кто-то станет лить слезы. Но в отличие от твоих собратьев-подонков у тебя есть шанс сделать перед смертью доброе дело.

Третта стиснула зубы.

– Так что, – выплюнула она, – если за твоим именем, сколь бы фальшивым оно ни было, стоит хоть капля чести, ты расскажешь мне, что произошло. В Старковой Блажи, в Нижеграде и с моим солдатом, Кэвриком Гордым.

Сэл сжала губы и окинула военного губернатора ледяным взглядом. А затем напряженно застыла, и Третта повторила ее позу. Женщины не сводили друг с друга глаз, словно каждая ждала, что собеседница вот-вот выхватит клинок и нападет.

Впрочем, Третта чуть так и не поступила – но Сэл все же нарушила молчание.

– Много ли мертвых скитальцев довелось вам увидеть, мэм? – негромко спросила она.

– Много, – коротко ответила Третта.

– Что они говорили, когда умирали?

Третта сощурилась.

– По большей части сквернословили. Проклинали Империум, проклинали удачу, которая свела их со мной, проклинали меня, ведь я отправляла их обратно в изрыгнувшую их преисподнюю.

– Думаю, никто не знает, с какими словами на губах умрет. – Сэл провела пальцем по шраму над глазом, глядя куда-то сквозь стены. – Но я знаю, что не стану проклинать. – Она цокнула языком. – Я расскажу, что вы хотите, мэм, о Нижеграде, о Кэврике, обо всем. Я выдам все, что вы пожелаете, а вы всадите мне пулю в лоб, или отрубите мне голову, или отдайте меня на растерзание птицам. Я не стану возражать. Попрошу лишь одного.

Третта, напрягшись, потянулась к сабле, а Сэл подалась ближе. И на ее лице отразилась усмешка, столь же острая, как клинок.

– Запомните мои последние слова.

Третта получила звание отнюдь не за то, что потакала пленникам, особенно таким гнусным, как скитальцы. Она достигла всего благодаря поддержке и уважению людей, которые салютовали ей каждое утро. А все потому, что ей не была безразлична их судьба.

И потому, ради них и Революции, которой она служила, Третта кивнула. А женщина-скиталец откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

– Все началось, – тихо произнесла она, – с последним дождем.

2
Ринова Яма

Если хочешь узнать, из чего сделан человек, нужны три вещи.

Первое – смотри, как он поступит, когда погода испортится.

В Катаме во время дождя неженки-имперцы толпятся под навесами своих кофейных и ждут, когда же маги разгонят тучи. Если в Обители идет снег, народ набивается в церковь и возносит хвалу своему Богу. А когда в Уэйлесс приходит жара, как известно, ее объясняют имперским заговором и клянутся бросить вдвое больше сил на Революцию.

А вот в Шраме? Когда грохочет и льет так, что по улицам ты плывешь и незаметно тонешь? Ну, просто-напросто запахивают плащи поплотнее и шагают дальше.

Так я и сделала той самой ночью, когда влипла в эту заварушку.

Ринова Яма – как можно догадаться по названию – такой городок, где люди не слишком переживают из-за дождей. Жизнь в Шраме тяжела, и даже если молния сверкала так, что становилось светло как днем, небольшой конец света за окном никому особенно не мешал. И, когда улицы превращались в месиво, а крыши содрогались под натиском ливня, местные просто прятали лицо в воротник, сдвигали шляпу пониже и шли дальше по своим делам.

Прямо как я. Просто еще один бесформенный, бесполый силуэт под плащом и с палантином на голове. Никто не косился на мои белые волосы, не рассматривал, пытаясь угадать, что же скрывается под тканью, вообще не обращал на меня внимания. Им той ночью своего дерьма хватало.

Это меня вполне устраивало. Мне тоже было чем заняться. А для моих дел чем меньше любопытных глаз – тем лучше.

Окна каждого второго дома темнели, а вот в таверне – обшарпанной двухэтажной лачуге в центре городка – горел свет. Причем так ярко, что видны были грязь на стеклах, облупившаяся краска фасада и уродливая вывеска на скрипящих петлях: «Последняя надежда Ральпа».

Уместное название.

В этом я еще больше убедилась, когда распахнула дверь.

Стоя там, насквозь мокрая – у ботинок постепенно натекал небольшой океан, – я напоминала себе мертвую кошку, которую выволокли из нужника. И *все равно* выглядела, черт возьми, куда лучше обстановки этой таверны.

Восхитительный слой пыли доблестно пытался скрыть менее восхитительную щербатость столов и стульев общей залы. Подмостки, наверняка видавшие массу паршивых выступлений, были окутаны полумраком; теперь там стоял одинокий вокафон, играющий мелодию, которая была на слуху разве что при жизни ее автора. В комнатах наверху когда-то явно обретались проститутки, если вообще существовали настолько невезучие, чтобы попасть в подобный город. Я бы назвала эту дыру склепом, если бы не посетители – правда, видок у них был такой, будто они просто нашли гробницу поуютнее.

Несколько подростков – два парня и девчонка – в дальнем углу потягивали пойло, какое они там могли себе позволить, и пялились в стол. Работяги, мелкая шпана, бьюсь об заклад, которая нанималась к местным жителям на грошовую работу за грошовую плату на грошовую выпивку. А за стойкой маячил крупный мужик в грязном шмотье, лениво протирая тряпкой единственный чистый стакан.

Я подошла, мужик отставил стакан. Судя по черным разводам на стекле – тряпкой здесь вытирали не только посуду.

Плевать. Все равно надолго не задержусь.

Ральп – по всей видимости, это был он – даже не стал спрашивать, что мне нужно. В Шраме в лучшем случае предложат выбор из пары бутылок. А если удача на твоей стороне, то ты не окажешься в местечке под названием Ринова Яма.

Мужик потянулся было к бочонку под стойкой, но замер, когда я кашлянула и предупреждающе взглянула на него. Кивнув, он достал бутылку виски – «Эвонин и сыновья», гласила черная этикетка – и уставился в ожидании отмашки. Кивнув, я бросила на стойку серебряный накл. Прежде чем налить, Ральп взял его в руки, убедился, что настоящий, и сунул в карман.

– Проездом? – спросил он скорее по привычке, чем из интереса.

– А что, здесь вообще кто-нибудь задерживается? – отозвалась я, глотнув горькую бурую жидкость.

– Только если наделают достаточно глупостей. – Ральп выразительно глянул на пьющих в углу ребят. – Твоя первая – зайти сюда. Дороги сейчас превратятся в месиво на долгие дни. Из города без птицы не выбраться.

– Птица-то есть, – усмехнулась я из-за стакана. – А я уж думала, лишняя монетка тебе в радость.

– От металла не откажусь. – Он окинул меня взглядом и вскинул бровь, словно вдруг понял, что под мокрым, вонючим плащом скрывается женщина. – Но если ты и правда хочешь меня порадовать…

– Знаешь что. – Я подняла палец. – Закончишь эту мысль – может, чутка и порадуешься. А оставишь при себе – зубы целы будут. – Я мило улыбнулась всеми своими шрамами. – Простое удовольствие, сэр, зато надолго.

Ральп снова оглядел меня, задумчиво потер подбородок и кивнул.

– М-да, дело говоришь.

– Но все же предложу не менее приятное. – Я бросила на стойку еще три накла. А когда Ральп за ними потянулся, добавила кое-что еще. – Если, конечно, ты порадуешь меня.

Я развернула лист и придвинула его к Ральпу. На желтой бумаге чернилами было намалевано лицо в ухмыляющейся оперной маске под всклокоченной копной волос. В изящной черной рамке внизу значилась внушительная сумма, а сверху шла надпись: «СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР».

– Ах ты ж сукин сын! – воскликнул Ральп, вскинув брови. – Ты ищешь *этого* сукина сына?!

Я поднесла палец к губам и мельком огляделась. Детишки, кажется, ничего не заметили, продолжая пялиться на бутылку.

– У сукина сына есть имя, – произнесла я. – Дайга Фантом. Что ты о нем знаешь?

С моей работенкой довольно быстро учишься читать по лицам. Лжец опознается с одного взгляда. Судя по морщинкам вокруг глаз и рта, Ральп привык широко улыбаться. Значит, наверняка в свое время и прибрехивал – скорее всего, самому себе.

Но не слишком преуспел в этом.

– Ничего, – ответил Ральп. – Слыхал имя, да и все.

– Прям-таки *и все*?

– Знаю, что какое бы богатство за его голову ни предлагали, оно того не стоит, – выразительно посмотрел на меня Ральп.

Я оглянулась. И не менее выразительно сдвинула плащ так, чтобы блеснуть эфесом клинка у бедра.

– Хочу у него кое-что забрать.

– Надеюсь, что найдешь для этого дельца кого еще. – Ральп поискал, чем бы занять руки, в конце концов выбрал очередной грязный стакан из кучи и принялся его натирать. – Не знаю ничего о магах, не говоря уже о скитальцах вроде этого… мужика. Это все байки, которые

травят в тавернах. А у меня давным-давно уже некому их слушать. – Он фыркнул. – Но, мэм, я не уверен, что вообще заметил бы такого в наших краях.

– Дерьмо птичье. – Я наклонилась ближе, зашипев сквозь зубы. – Я здесь уже три дня, и самое занятное, что увидела, – как старик уличал свою бутылку вина в распутстве.

– Он не в…

– А прежде чем заглянуть на огонек, я обошла твой кабак и увидела кое-что. – Я сощурилась. – Многовато ящиков с вином для полупустой таверны. Куда отправляешь?

Ральп уставился на стойку.

– Не знаю. Но если ты сейчас не уберешься, позову примирителей и…

– Ральп, – нахмурилась я. – Будет грустно, если придется из-за столь жалкой лжи прищемить тебе хвост.

– Сказал же – не знаю, – пробормотал он. – Их забирают другие.

– Кто? Для чего это Дайге?

– И тут понятия не имею. Стараюсь вообще ни хера не знать об этом выродке или ему подобных. – Его притворство сменилось подлинным страхом. – Не хочу ничего слышать ни о каких магах, скитальцах и прочих. Вредно для здоровья.

– Но, как посмотрю, металл из его рук все же берешь.

– Из твоих тоже. Если в других концах Шрама золото рекой хлещет, то Ринова Яма высохла, как лежалое птичье дерьмо. Если скиталец дает денег, чтоб вопросов не задавали, я охереть как счастлив.

– М-да?

Я сдвинула другую полу плаща, приоткрывая рукоять оружия совсем иного рода. Резное дерево, гладкое, черное, как воплощение греха, ни царапины, ни скола. Бронза мерцала так, будто сама просилась в руку.

Я буквально бедром чувствовала, как револьвер горит, умоляя дать ему волю.

– А знаешь, я тоже не люблю вопросики, Ральп. Что думаешь, как поступим?

Ральп взмок. Он облизнул губы, бешеными глазами уставился на мой ствол, а потом поднял взгляд на самую мерзкую из моих ухмылок.

Не поймите меня неправильно, не то чтобы мне особенно было по душе нечто столь банальное, как размахивание револьвером. Выглядит ужасно пафосно, причем не в хорошем смысле. Но поверьте уж: я-то думала, все пройдет гладенько. Так что ничего поумнее не подготовила. И – если начистоту – конкретно этот малыш чертовски умел убеждать.

Так что беспокоиться я не собиралась.

Позади щелкнул курок. К моей шее прижался холодный металл.

– Есть мыслишки, – проворчал кто-то.

А вот теперь стоило обеспокоиться.

Ральп попятился от стойки – хотя наклы, которые я там оставила, все-таки успел сгрести, говнюк, – и удрал в подсобку. Я прижала ладони к столешнице, застыв неподвижно, словно статуя.

– Фантом не любит, когда о нем разнюхивают. – Голос мужской. Юный. Это я поняла, даже если бы он не тыкал в меня оружием, как будто кое-чем другим. – Мол, невежливо это. И я вот с ним согласен.

– Я тоже. Должно быть, грубо так вот стоять к тебе спиной. – Я говорила медленно, спокойно. – Так что сейчас повернусь.

– Н-нет! – Его голос дрогнул. – Не смей.

Но я, в общем-то, уже посмела. И сдвинула палантин с головы, сжав губы и изобразив на лице саму безмятежность.

Не то чтобы меня эта безмятежность действительно переполняла, знаете ли. Сердце колотилось о ребра; сколько бы тебе в лицо дулом ни тыкали, каждый раз – почти как в первый.

Впрочем, у меня подобных оказий случалось достаточно, чтобы кое-что усвоить. Во-первых, когда металл упирается в голову, ты чувствуешь, что ручки-то подрагивают. Во-вторых, по звуку можно понять, насколько сильно взведен курок.

И в-третьих: если тебя собираются прикончить, лучше заставить стрелка смотреть тебе в глаза.

Развернувшись, я узнала пацана из-за стола – на меня пялился растрепанный паршивец с еще по-детски мягкими, но уже прыщавыми щеками. На уровне моего лица он держал ручницу. Позади обнаружились еще один пацан и девчонка, державшие автострелы наперевес с таким видом, будто умели ими пользоваться.

Слишком добротное оружие для этой дыры, прикидывающейся городком. Неслыханная штука – увидеть в такой глуши снаряжение, которое работает на севериуме. Правда, добротное оружие не сделает тебя хорошим бойцом. Я видела, как детишки нервно метали взгляды, как тряслись у них ручки, слишком маленькие для тяжелой стали.

– Ты юн, – заметила я.

– Ну?.. И чо? – поинтересовался пацан.

– Скитальцы не берут к себе таких неженок. Дайга, должно быть, в отчаянии.

– Фантом не в отчаянии! – Парнишка попытался изобразить уверенность, но голосок предательски дрогнул. – Он просто скрывается. Он скоро выберется из этой вонючей дыры и заберет нас с собой.

– Ага, – рыкнула девчонка из-за спины парнишки. – Он покажет нам магию, научит быть магами. Мы даже ограбили имперский караван вместе с ним! Добыча была…

– Уверена, он был впечатлен. – Не отрывая взгляда от глаз пацана, стоящего передо мной, я указала на бочку. – Иначе зачем же он дал вам важнейшее поручение – забирать для него вино?

– Заткнись! – взвизгнул парнишка. – Заткни, блядь, пасть! Фантом…

– Дайга, – поправила я.

– Фантом сказал валить всех, кто о нем будет разнюхивать. Любого имперца или… или… революционера или…

– Малыш, – перебила я. – Я не имперка и не революционерка. Дайга – не герой, который вытащит вас отсюда. – Я смотрела пацану в глаза, не моргая. – А ты – не убийца.

Его ладони дрогнули, мышцы парня уставали от тяжести. Он задрал ручницу повыше.

– Положение у вас тут дрянное, – заметила я. – Понимаю. Но если спустишь курок – лучше-то не станет. – Я вздохнула. – Убери.

Второе, что нужно, если хочешь узнать, из чего сделан человек, – вложить в его руки оружие.

Если у человека есть хоть капля разума, он это оружие мигом уберет. Если тебе везет как утопленнику – будет держать его так нежно, как собственную жену. Хоть я и не верю в удачу, в разумных людей я верю еще меньше, и чаще попадаются такие, как этот пацан, – испуганные, бессильные. Они еще не знают, что железяка, издающая громкие звуки, ничего не изменит.

Когда парнишка это осознал и его рука немного опустилась, я поняла, что дело в шляпе.

Одним движением я схватила его запястье, выбила оружие и заломила руку за спину. А потом дернула к себе – он заорал, – взяла за горло свободной рукой и глянула поверх его плеча на товарищей паренька. Те даже сообразить толком ничего не успели.

– А ну слушать сюда, – прорычала я. – Хотите понаделать в своем дружочке дыр – вперед. Хотите, чтобы все отсюда вышли живыми, – убирайте эти свои штуковины и говорите, где прячется Дайга.

Я внимательно следила за ними, выжидая, когда мальцы поймут, в какое дерьмо вляпались, когда опустят сперва взгляды, потом автострелы.

Но нет.

Они нервно переглянулись, увидели в глазах друг друга страх, и это придало им сил. Вскинув оружие, они направили его на меня, держа пальцы на спусковом рычаге. Прицелились так, чтобы – как им казалось – не задеть друга.

И вот тут я поняла, что все принакрылось медным тазом.

Я оттолкнула пацана, уже слыша, как завыли автострелы и как воздух пришел в движение. Зажужжали крошечные моторы, загудела тетива. Болты пролетели мимо, не задев ни меня, ни пацана. Я нырнула за стойку.

Дерево затрещало под градом болтов. Кажется, они надеются нашпиговать стойку железом так, чтобы она развалилась. Рано или поздно снаряды у них кончатся, но дожидаться я не могла.

Особенно когда расслышала звук выстрела из ручницы.

Помещение озарила невероятная вспышка огня. Воздух заполнила затхлая вонь северия. И половины стойки как не бывало.

Я натянула палантин пониже, прикрываясь от града дымящихся щепок. Пацан держал в руках примитивное оружие – с равным успехом оно могло выстрелить или взорваться, – но оно здорово грохотало и разносило все вокруг, так что, видимо, ему было насрать.

Вдобавок, расслышав, как он перезаряжает, я пришла к тому же выводу, что и, несомненно, сам пацан.

Попасть ему нужно всего раз. А у меня осталась только половина стойки.

Я вытащила из кобуры револьвер, и он приветственно блеснул, готовый меня потешить. Он горел теплом, бурлил радостью, которая текла сквозь перчатку мне в ладонь. Его бронзовый ствол, вырезанный в виде драконьей пасти, ухмыльнулся, словно спрашивая, как же мы собираемся повеселиться.

Ненавижу его разочаровывать.

Свободной рукой я нырнула в сумку на бедре. Нащупала патроны. На серебряной гильзе каждого есть гравировка. Я пробежала пальцами по ним, произнося буквы одними губами.

Геенна – слишком смертоносно. Изморозь – слишком медленно. Руина – о, вот девонька моего калибра.

Я распахнула гнездо, патрон скользнул в барабан. Взвела курок, досчитала до трех, поднялась на ноги.

И на долю мгновения уловила выражение лица пацана. Я видела его уже тысячу раз, и мне никогда не надоест. Когда человек смотрит в дуло моего револьвера, глаза распахиваются, челюсть отвисает, онемевшие губы шепчут одно и то же слово.

Его имя.

Я не целилась; с Руиной этого не нужно. Спустила курок, направив выстрел ровненько мальцам под ноги. Пуля ринулась вперед, через миг ударила в пол. И что же случилось еще через миг?

Ну, думаю, я разгромила Ральпу таверну.

Заклинание сработало, как только металл ударился об пол. Яркая вспышка – а потом воздух вспух мерцающей сферой и с оглушительным грохотом рванул.

Детишек расшвыряло по сторонам. Они взлетели, словно на крыльях, вместе с обломками досок и стульев. Если бы у них хватило воздуха заорать, крики все равно бы утонули в звуковой волне. Девчонка врезалась в перила и скатилась по ступенькам безвольным мешком. Парнишка снес столы и приложился о стену.

Перепрыгнув через стойку, я окинула взглядом картину. Разбитые столы и стулья, вырванные половицы и идеально ровная яма в земле там, куда угодила пуля.

Руина та еще штучка: не убьет, но больно будет так, что наверняка подумаешь – лучше б помер. С ее помощью имперцы подавляли в колониях восстания, пока те не переросли в революции, с которыми несмертоносные чары уже не справились бы.

Пацан лежал у двери и едва дышал. Я оглянулась на его дружков – убедиться, что они в том же состоянии. Глупо, наверное, оставлять их вот так. Но неужто я не смогу справиться с кучкой паршивцев без смертоубийства?

Им, разумеется, об этом знать не обязательно, верно?

Я схватила пацана за грудки, шваркнула его спиной об стену, ткнула в лицо ухмылкой своего огромного револьвера.

– Дайга рассказал вам, что это? – Я вжала дуло пацану под подбородок. – Дайга рассказал вам обо мне?

Пацан уставился на меня круглыми глазами и лихорадочно закивал.

– Тогда ты знаешь, что я этой штукой творила, – прорычала я. – Знаешь, что не стану повторять. Где он?

– Д-древние руины, – запнулся он. – Четыре часа пути на восток отсюда, у подножья горы. Я… я могу показать, если вы…

– Я – нет. – Я швырнула пацана на пол. – Я не стану тебя убивать, малец. Но ты кое-что для меня сделаешь.

– Д-да! Что угодно!

– Во-первых – говори, чем зарабатываешь на жизнь?

– Я подмастерье! Подмастерье писаря!

– И для этого тебе нужны две руки?

Он опять вытаращил глаза.

– Э-э… нет…

И заорал – я с размаху саданула каблуком ботинка ему по кисти и услышала хруст каждого пальца.

Наверное, куда лиричнее было бы взять с него клятву, что он навсегда оставит преступную жизнь. По правде говоря, в юности я пыталась так делать. После множества шрамов и ошибок я усвоила, что лучший учитель – это опыт.

Я не убивала детишек, разумеется, но и не позволяла им тыкать мне в лицо оружием и уходить невредимыми.

– Во-вторых, – наклонилась я ближе, – говори, что расскажешь вашим примирителям, когда они тебя спросят, кто виноват.

Под конец, если хочешь знать, из чего сделан человек, нужно взглянуть ему в лицо и услышать, как он произнесет твое имя.

Парнишка поерзал, потянул время, пытаясь справиться со страхом в глазах и болью в руке, а потом наконец произнес:

– Сэл Какофония.

Вот-вот обделается, право слово.

Я убрала оружие, натянула на голову палантин и шагнула обратно в бурю. Скоро здесь будет толпа народу с кучей вопросов. А времени на них у меня не было.

Мне еще надо разделаться с магом.

3
Шрам

Дождь кончился через пятнадцать минут после того, как я покинула таверну Ральпа, оставив мне запах сырой земли и мокрую траву.

Спустя четыре часа, ровнехонько перед тем, как солнце показалось из-за горизонта и ужаснулось тому, что ему придется лицезреть Шрам еще один день, я обнаружила руины.

И уже через две минуты поняла, что этот день хорошим не будет.

Когда-то, судя по всему, здесь стояла крепость – нагромождение частоколов, казарм и башен, которые во время войн играли важную роль. Эти форты так часто переходили из рук в руки между Империумом и Революцией, что уже и не вспомнить, кто изначально их построил. А когда кошмарно дождливые осени, лютые зимы и палящие лета взяли свое, ни одна из сторон не захотела иметь дела с таким сокровищем.

В эти крепости не стоит соваться. Если, конечно, тебе не нужно убежище в смертельной западне.

А Дайге Фантому, как и любому скитальцу, это гиблое место пригодилось бы.

Как пацан и сказал, у подножья горы. Две огромные каменные башни с темными амбразурами и раскрошившимися лестницами поддерживали высокую стену, черт знает когда расколотую внушительной пробоиной – то ли пушечным выстрелом, то ли магическим залпом.

Мы медленно приблизились; я, навострив уши, изо всех сил прислушивалась. Не обнаружив засады, я спешилась и внимательно оглядела эту развалину.

– Думаю, он схоронился поглубже, – я указала на башни. – Он мастер хвата, так что легко спрячется там, где есть что поднять и швырнуть. Готова поспорить, какая бы шайка за ним ни явилась, он уронит на них эти башенки. Правда, ради одного человека он вряд ли будет напрягаться. – Я обернулась. – Логично?

Ездовая животина уставилась в ответ. Если она и заметила в моих размышлениях косяк, то виду не подала.

И это тоже логично.

Потому что она всего лишь огромная сраная птица.

Четыре фута лап с жуткими когтями, два фута голой шеи со злыми глазищами и острым, уродливым клювом – и все это крепилось к жирному шару из жестких черных перьев. Конгениальность выглядела гнусной, тупой и злобной, как всякая порода, выведенная в Пустоши. Шрам – не место для красивых птичек.

Наконец она низко гукнула.

– Рада, что тут мы сходимся.

Я порылась в седельных сумках и нащупала на дне знакомую прохладу трех увесистых патронов. Толщиной в палец богача, из чистого серебра, каждый с изящной кроваво-алой гравировкой на мертвом языке.

Геенна.

Иней.

Руина.

Закаленные, верные товарищи – сотни трупов тому подтверждение. Вот что нужно иметь с собой, чтобы сразиться со скитальцем. Я вытащила револьвер, щелчком открыла барабан. Заполнила все три гнезда и защелкнула. Прицел и курок проверять не стала.

Это за меня делал сам револьвер.

Я убрала своего мальчика обратно в кобуру, снова полезла в седельную сумку и вытащила обмякший и пушистый комок.

– Держите, барышня, – швырнула я Конгениальности мертвого кролика.

Та мгновение следила за траекторией полета тушки, а потом резко вытянула шею, щелкнула кривым клювом и принялась заглатывать.

– Не так быстро, милая. Тяни удовольствие.

Доверять пустошникам зачастую можно только в одном – в стремлении выжить. А мне совсем не нужно, чтобы эта своевольная девица сбежала в поисках еды или еще что удумала, вместо того чтобы терпеливо ждать, пока я прикончу ублюдка-мага. С кроликом она должна была справиться за несколько минут и выблевать кости и мех примерно через час.

В живых сегодня останется только один. Вряд ли мы так долго будем выяснять, кто именно.

Итак, с палантином на лице, грязью под ногами и светлеющим небом над головой я отправилась сражаться с человеком, который способен убить меня одной силой мысли.

Я осторожно прокралась сквозь брешь. После дождя старая древесина воняла затхлостью, башни зловеще скрежетали, сочась влагой.

Если у меня и были сомнения, тут ли Дайга, они мигом улетучились, стоило мне расслышать плывущий по руинам, слабо различимый звук. Женский голос, чистый и глубокий, набирал высоту под негромкие вздохи скрипок; песня была тягучей, печальной.

Опера. «Плач госпожи», если я не ошибаюсь.

И отсюда можно сделать три вывода.

В музыке у Дайги очень старомодный вкус.

Дайга знал, что я здесь.

И ему было насрать.

Винить его я не могла. Бóльшую часть казарм и складов сожгли и разграбили, среди голых остовов валялись только жалкие кучи булыжников и древесины. Засаду устраивать негде. Тайком не подкрасться. Приблизиться я могла лишь открыто.

Так я и поступила.

Так я и обнаружила Дайгу Фантома.

Высокий, тощий, облаченный в изысканные – хоть и поношенные – одежды черных и красных тонов, он восседал в новеньком кресле. Ноги его покоились на коврике, расстеленном на сырой земле. На тонкой шее красовалось ожерелье из безделушек – кольца, свернутые письма, даже ложка. Лицо скрывала оперная маска зловещего демона, с черными, пустыми глазницами и кривой, клыкастой ухмылкой. Прямо как на плакате.

Вокруг, словно сокровища великого зверя, высились груды оружия – мечи, копья, щиты, луки, – а ящиков с запасами хватило бы на целую армию, помершую тут. Однако все внимание Дайги сосредоточилось на крошечном столике перед ним и вокафоне, из трубы которого лилась сладкая оперная музыка.

Дайга как будто меня не замечал. Лишь покачивался в такт; затянутые в перчатку пальцы дирижировали воображаемым оркестром.

– Мне нет дела до происков варваров и их революционного фарса, – не глядя на меня, проговорил Дайга слащаво-светским шелковым голосом. – Орудия войны силятся делать то, что магии подвластно столь непринужденно. Даже сие приспособление – ничто в сравнении с настоящей сценой Катамы. – Он вздохнул, когда певица взяла высокую ноту. – Однако, в столь неутешительном положении, утратив милость Императрицы, обладать хоть крупицами культуры – это благословение, не так ли?

Я шагнула во внутренний двор – смысла скрываться не было. Подобралась так близко, насколько осмелилась, глянула на вопящий вокафон. Пожала плечами.

– Хрипит всякий раз, как она берет высокую ноту, – заметила я. – Они мастерят арбалеты, которые выдают десяток болтов в три секунды, но никак не исправят эту сраную трескотню.

– Следите-ка за языком. – Дайга продолжил дирижировать воображаемым оркестром. – Вы, боюсь, пробыли тут слишком долго. Нисколько не цените столь изумительные вещи. Даже сомнительная культура здешних мест предпочтительнее полного отсутствия оной, м-м?

Он взмахнул рукой. Глаза под маской слегка блеснули фиолетовым. Чашка на столе вдруг поднялась и прилетела Дайге в ладонь. Он сделал большой глоток, затем укоризненно цокнул языком.

– Прошу прощения, госпожа.

Еще взмах – и, оторвавшись со стола, передо мной зависла вторая чашка. Я взяла ее, кивнула в знак благодарности, отхлебнула крепкий жасмин. И, прежде чем начать убивать друг друга, мы долго сидели просто так, попивая чай.

– Не ожидал, что меня найдут, – произнес Дайга с мрачной торжественностью, как на похоронах. – В особенности – что найдете вы.

Я уставилась на него на мгновение.

– Значит, ты меня знаешь.

– Доводилось слышать рассказы.

– Которые?

– Меня интересует лишь один. – Дайга тоже уставился на меня сквозь пустые глазницы маски. – Вы и в самом деле были при Бессонной?

– Была, – кивнула я.

– Ясно. И в самом деле совершили то, о чем говорят?

Я помедлила.

– Совершила.

– И теперь вы здесь по мою душу. – Он отвел взгляд. – Вас послала Императрица?

В его голосе прозвучала надежда, прорвавшись сквозь шероховатость разочарований. Я покачала головой и поставила чашку на ближайший ящик.

– Я здесь по иной причине.

Дайга уронил голову, из пасти демона вырвался вздох.

– Я отдал Империуму все – годы, плоть, всю мудрость и бурную силу, которые им сопутствовали. И теперь на меня ведут охоту, я лишь очередной бродячий пес, окруженный гончими.

– Смерть не выбирают, – отозвалась я. – Ее можно только заслужить. – Я окинула взглядом блестящие влагой горы оружия. – Ждал войско?

– Всякий добрый господин нуждается в вассалах, – пробормотал Дайга в ответ.

– Скитальцам не дано быть господами. И вассалы у них обычно получше тех детишек.

Мелодия завершилась мягкой, угасающей нотой. Вокафон затих, и воцарилась тишина, которую нарушало лишь тихое потрескивание. Ладонь Дайги зависла в воздухе.

– Вы их убили? – негромко поинтересовался он.

– На помощь не подоспеют.

Дайга мрачно кивнул.

– Они чаяли обрести предназначение. Я чаял им его дать. – Он стиснул подлокотники. – Ах, сколько же у меня было чаяний.

Он поднялся. Я отступила на шаг, потянувшись за револьвером. Впрочем, глупо доставать его так рано. При магах нельзя лишний раз рыпаться, особенно если это Дайга.

– Когда все кончится, я почту их память. И вашу. – Он выпрямился во весь рост; ожерелье звякнуло. Он уставился на меня сквозь пустые глазницы маски. – Слышал рассказы, что вы чтите давние традиции.

Это не всегда было правдой. Но сегодня – да. Я кивнула, отвела полу плаща и показала рукоять револьвера.

В ответ Дайга раскинул длинные руки в стороны и низко поклонился, не сводя с меня глаз.

– Приступим?

Такие люди, как Дайга, нынче редкость. По крайней мере, в Шраме. Многие здесь, особенно попав в такой переплет, больше не следуют давним традициям. Теперь все дело в засадах, хитростях и убийствах. Кодекса придерживаются только скитальцы – даже если это не всегда разумно.

Мы оказываем друг другу уважение. Больше-то некому.

– Я готова.

– Что ж, да воздаст Госпожа Негоциант достойному.

Дайга пробежал длинными пальцами по ожерелью, остановился на расческе. Потертой, щербатой, с вырезанными инициалами «Д. К. Й.». Старенькой на вид.

Тут-то я и заподозрила, что мне кранты.

– *Окумани ос ретар*.

А теперь – убедилась в этом.

Слова прогремели из-за маски раскатом грома. Вдали раздался едва различимый звон колокола на ветру. С ужасающей стремительностью он набрал силу, захлестнул мой плащ, коснулся кожи, тронул самое сердце. Расческа в пальцах Дайги вспыхнула фиолетовым и рассыпалась в пыль.

Он отдал Мену всего за пару секунд.

Я направила револьвер точно между его глаз и спустила курок за три.

Но разница в один миг – все, что нужно мастеру хвата.

Громкий треск выстрела, яркая вспышка, хохот пламени и его гулкий удар о металл. Огонь поглотило нечто.

Нечто вроде железного щита, который завис перед Дайгой, почерневший от жара.

Дайга опустил руку, щит скользнул ниже и слабо засветился охранными чарами. Лицо демона над ним зловеще уставилось на меня. Дайга поднял вторую ладонь, и, повинуясь, в движение пришел ящик с оружием. Мечи, копья, штыки – все взвились вверх, словно на невидимых нитях, превращаясь в стальной ореол над его головой. Маска ухмыльнулась; в дюжине клинков отразился мой страх.

Ну, теперь тебе ясно, почему его называют Фантом.

И почему я бросилась удирать.

Сзади загудели арбалеты. Мимо лица просвистели болты. Влажная земля впереди содрогнулась – в нее вонзилось копье, чудом не задев мою голову.

Я рывком развернулась; клинок прыгнул в ладонь как раз вовремя. Взметнув сноп искр, я отбила летящий в меня меч, за ним тут же ринулся следующий. Один за другим я парировала удары фантомов, выплевывая проклятия сквозь лязг стали. Очередной замахнулся низко, целясь в живот. Я отпрыгнула и наступила пяткой на обломок доски.

Я рухнула спиной на груду булыжников и, перекатившись, распласталась за ней. Херовое укрытие даже от придурка с ружьем, не говоря уже о мастере хвата. Но вариантов у меня было немного.

И один я как раз собиралась использовать.

Револьвер лег в ладонь, под бронзовой кожей билась теплая металлическая кровь. Он взметнулся – ровно в тот миг, когда я подняла руку и направила его на Фантома. Я знала, куда мой мальчик целится. Он всегда целился прямиком в сердце. Пришлось лишь немного надавить, чтобы увести его чуть ниже, и я спустила курок.

Дайга вскинул щит. Зря, намерения у меня были совсем иные. Патрон ударил в землю у его ног. Сумрак озарила яркая голубая вспышка. Земля окрасилась белым. За полсекунды на ней толстым слоем расцвел иней. А еще через одну – вверх ледяным терновником ринулись четырехфутовые копья.

Изморозь. Ей нужно время. Но результат того стоит.

Дайга едва успел. Он взмыл вверх, спасаясь от ледяных игл, завис в воздухе, развернулся, припечатал меня взглядом пустых глазниц.

– Это оружие, – прошипел он уже без следа притворной вежливости. – Ты.

– Я, – отозвалась я. Распахнула барабан, вставила новый патрон, снова подняла револьвер. – И вот это.

Выстрелить Дайга не дал. Он взмахнул рукой. Болты запели, посыпавшись из шести арбалетов, и загнали меня обратно за баррикаду. Я выглянула, увидела, как он тянется к горлу.

На этот раз Дайга сорвал с ожерелья ложку. И подбросил ее в воздух. Снова раздался вой, вспыхнуло фиолетовым, брызнула пыль.

И к шести повисшим в воздухе орудиям добавились еще двадцать.

Вместе с вихрем болтов взвились и новые арбалеты. Вот только они были странными. Деревянные ложа бугрились венами голубого света. Тетива натянулась, болты, оживая, затрещали разрядами.

Погодите-ка. Мысль пришла внезапно. Девчонка в таверне. Девчонка говорила, что они ограбили имперский караван, так? А имперские караваны везут с собой магию. Меня осенило.

Твою ж мать, у него грозострелы.

И я рванула оттуда.

За мной полетела песня молний, злая скрипучая строфа, что вырвалась из двадцати хриплых глоток. Болты взрезали землю, дрожа разрядами, взрываясь яркими шумными вспышками, взметая комья грязи в небо.

За первой строфой последовала вторая – разъяренной сталью и воющим металлом. Мечи вылетели стремительной дугой, пытаясь порубить меня на куски; я низко нырнула и метнулась в сторону. Копья хлынули с неба проливным дождем, едва не задели ногу. Хватники аккуратностью не славились, но им и не нужно, когда они обладают такой мощью, как Дайга.

Ложка, по всей видимости, была ему особенно дорога.

Каждым взмахом руки он извлекал из ящиков все больше оружия, посылал его в меня стрелять, колоть, резать. Приходилось все чаще уклоняться и отскакивать. В конце концов я устану или споткнусь, или Дайга обрушит на меня весь свой сраный форт. Долго я не выдержу.

Впрочем, долго мне и не нужно.

Скользнув в сторону, я вскинула револьвер.

Как раз вовремя, чтобы увидеть грозострел, пронизанный светом и направленный на меня.

Взвыла буря. Из моих легких вырвался крик. Болт ударил мне в бок, прошил плащ, и взрыв подкинул меня в воздух. Я прокатилась по земле, окутанная клубами дыма. Орудия зависли, выжидая; Дайга наблюдал, его маска, ухмыляясь, упивалась зрелищем смерти недавнего врага.

Жаль, я не видела его лица, когда, пошатываясь, поднялась на ноги.

По телу пронеслась вспышка боли. Я охнула, силясь вдохнуть воздух, который из меня вышибло. Больно адски, но я осталась жива. Плащ замерцал, длинная нить символов на нем ярко вспыхнула и погасла, магия ушла.

Сраная магия.

– Расписанный на удачу плащ, – хмыкнул Дайга. – А ты полна неожиданностей, м-м?

Увиденное его не впечатлило. С чего бы? Он знал, что удачепись спасет в лучшем случае от одного удара, а потом магии нужна перезарядка. А у него в запасе ударов полным-полно.

С неподвижно парящим над ним фантомным арсеналом Дайга напоминал ангела с зазубренными крыльями и нимбом из стрел. Однако смотрела я не на оружие. Я не сводила глаз с самого Дайги, зависшего в добрых десяти дюймах от земли. А под ним по-прежнему жадно блестела и тянулась ледяными копьями Изморозь.

Я подняла револьвер; он вытянул ухмыляющееся дуло к Фантому. Я спустила курок. Пуля вылетела ярко-алой вспышкой. Геенна изверглась миниатюрным взрывом и сбила щиты. Дайга вскрикнул – пламя просочилось сквозь его оборону, лизнуло одежды. Он рухнул вниз, к земле, стремясь сбежать от потрескивающего огня.

Я прицелилась еще раз. Выстрелила. Револьвер громогласно расхохотался.

Дайга вскинул руку. Новый щит отразил последнюю пулю.

Отлично.

Алая вспышка. Стена звука и мощи. Руина ударила в щит гребаным тараном и взорвалась. Металл уберег Дайгу, и волна просто откинула его назад. Но это ничего. Руине убивать не нужно.

Это работа Изморози.

Дайга отлетел назад, испустив крик, который продлился всего секунду. После раздался влажный треск насаженной на острие плоти.

Орудия провисели на мгновение дольше. Затем они дрогнули, накренились и с лязгом рухнули на землю кольцом. А в его центре висел Дайга.

Пронзенный.

Раскинутые в стороны руки. Безвольно обвисшие ноги. Тело дернулось. Пока он смотрел на торчащую из своей груди внушительную сосульку, пятнающую ожерелье красным, маска демона продолжала ухмыляться.

Еще через миг лед сломался под его весом. Дайга тяжело рухнул на колени и остался в этой позе. Хватал воздух ртом, цепляясь за острие ладонями. Взгляд пустых глазниц устремился вниз, к земле.

Я обнажила клинок, медленно приблизилась. Не стоит искушать судьбу, имея дело с магами, особенно если это тот, кто способен вырвать сосульку из своей груди и метнуть в меня. Но, оказавшись рядом, я впервые увидела его глаза.

Они были широко распахнуты. И в них стоял ужас.

– Последние… – охнул Дайга и кашлянул кровью. – Последние… слова…

Я поморщилась. Вот, значит, и все. Никаких проклятий на прощание, отчаянных попыток отыграться, даже никакой мольбы. Дайга по прозвищу Фантом оставался джентльменом до самого конца.

Кивнув, я протянула руку и бережно сняла с него маску.

Не знаю, почему я представляла его моложе. Не знаю, почему было странно смотреть на его лицо – лицо, которое могло принадлежать моему деду, если бы мы в свое время принимали решения получше, – и видеть, как слезящиеся глаза блестят последними каплями жизни. Даже вытатуированные на горле кисти скелета не делали выражение его лица менее благодушным.

Не знаю, почему я позволила ему устремить взгляд в небо и проговорить с полным крови ртом:

– Госпожа… сочти меня достойным… – Дайга кашлянул. – *Окумани… ос ретар*.

Я прижала клинок к его горлу. Дайга закрыл глаза. Я тоже.

– *Эрес ва атали*, – прошептала я в ответ.

Прежде чем стать мятежником и превратиться в скитальца, Дайгалотен ки-Йантури по праву занимал место среди величайших мастеров хвата Империума. Лектор, ученый, в молодости – удостоенный наград герой войны против Революции. Его телекинез был так силен, словно род Дайги насчитывал сотню хватников.

Но когда я провела по его горлу клинком, знаете, что потекло?

Обычная красная жижа. Что и у всех.

4
Высокая Башня

– Так вы были знакомы?

Третта подалась ближе, не сводя с пленницы сурового взгляда. Беловолосая женщина пожала плечами, откинулась на спинку стула и водрузила на стол ноги в пыльных ботинках.

– Я знала о нем, – ответила Сэл. – Он слышал мое имя, знал, что я творила. Среди скитальцев только это, в общем-то, и имеет значение.

– Даже среди скитальцев, которые охотятся на других скитальцев? – поинтересовалась Третта, презрительно усмехнувшись.

– Это выгодно, – опять пожала плечами Сэл. – Но бóльшая часть нашего маленького семейства предпочитает добывать легкую наживу в роли военных баронов или грабителей караванов.

– Как Дайга, – пробормотала Третта. – О твоем оружии он тоже слышал.

– Ясное дело, что слышал, – усмехнулась Сэл так широко, что шрамы стали как будто глубже. – Кто вообще в Шраме не слышал о Какофонии?

Третта не потерпела бы таких дерзких речей от собственных солдат, не говоря уже о пленниках. Она гневливо сощурилась, на лбу залегли глубокие морщины. Не отводя взгляда, Третта подняла руку.

– Внести.

– Воен-губернатор! – гаркнул в ответ солдат, отдавая честь.

Он поспешно выскользнул наружу, в считаные мгновения вернулся, поставил на стол металлический ящик, еще раз отдал честь и вновь занял пост у двери.

Третта выудила из кармана ключ, открыла крепкий железный замок и откинула крышку ящика. Пристально оглядела его содержимое, помедлила.

Имперцы, со всем их гнусным колдовством и предрассудками, верили в развращенную магию и доверяли невозможному. Люди Революции скроены разумнее. Они верили в жесткие вещи: жесткий металл, жесткие ответы, жесткую правду.

Третта устыдилась своей робости перед оружием в ящике.

Какофония – револьвер крупный, даже по сравнению с прочим замысловатым и непрактичным вооружением скитальцев. Цветом он напоминал древний бронзовый орга́н, а в руках казался легче, чем можно было предположить по его виду. Рукоять гладкая и черная, внушительный барабан, ствол в виде дракона. Третта рассмотрела морду – рогатый лоб, ухмылку клыкастой пасти, – как вдруг уставилась в его пустые глаза.

И подумала, мимолетно и стыдливо, не уставился ли дракон в ответ.

– Смехотворное оружие, – фыркнула она. – Кичливое, даже по имперским меркам. – Третта прикинула его вес. – Не представляю, как этой штуковиной можно целиться. – Она откинула барабан, нахмурилась. – Три гнезда? Оружием даже не назвать. Смешно.

Третта вдруг поняла, насколько тихим сделался ее голос. Какое-то мгновение она говорила не с пленницей, а сама с собой.

– Он легче, чем кажется, верно? – Сэл подалась ближе, ее улыбка стала озорной и немного жестокой. – Скажи-ка мне честно, военный губернатор… а ты пыталась выстрелить из этого мальчишки?

Третта бросила на нее удивленный и слегка оскорбленный взгляд.

– Мальчишки? Это же всего лишь револьвер.

– У Какофонии есть имя, – отозвалась Сэл. – Логично, разве нет?

– Возможно. Но если «Какофония», тогда почему мужчина?

Сэл криво усмехнулась.

– А кем еще он должен быть?

– Наши инженеры его изучали. – Третта вернула Какофонию в ящик. – Мы не нашли подходящих под этот барабан патронов. Как бы ты его ни называла, это всего лишь очередная скитальничья гнусь, негодная, смехотворная и гротескная.

– Не стал для тебя стрелять, да? – Сэл хмыкнула. – Не надо притворяться, милая. Какофония – капризный мальчишка. Его надо вдохновить.

– Но ты им командуешь, разве нет?

– Нечасто ходишь по свиданиям, да, военный губернатор?

У Третты дернулся левый глаз, и она подумала, не облегчить ли себе дело, пристрелив эту женщину прямо сейчас.

– Команды хороши для армии, – усмехнулась Сэл. – Отношения же строятся на сотрудничестве. – Она указала на револьвер. – Я выбираю чары, которые заключаются в пули. Я выбираю пули, которые ложатся в гнезда. Я выбираю, куда его направить. Его же задача – и повод для гордости – это придать форму магии.

– Это сумасшествие.

– Это Какофония.

– Какофония. – Третта извлекла из ящика следующий предмет – старый, хоть и холеный клинок в потертых кожаных ножнах, – вытащила его наполовину, окинула взглядом. – И какое же паскудное наименование тогда носит это оружие?

Сэл пожала плечами.

– Не знаю. Джефф?

– Что?

– Это просто меч. – Сэл откинулась на спинку стула. – И даже не из лучших.

– Имперский, – уточнила Третта, изучая клинок. Сталь такой закалки позволяла заточку, но, судя по всему, точили его крайне редко. Край был окрашен синим. Третта нахмурилась. – Офицерский.

– Тебе они знакомы, что ли? – удивилась Сэл.

– Ставка прекрасно наслышана об имперской извращенной иерархии. За службу их порочной Императрице награждают окрашенными клинками вроде этого. – Третта вытянула меч, продолжая его изучать. – От низших чинов до высших, каждому офицеру даруют клинок. Медный, бронзовый, серебряный, золотой, синий, алый – и, наконец, черный.

– А мне всегда нравились женщины, смыслящие в клинках, – усмехнулась Сэл. – Правда, очарования убавляет то, что ты вот-вот меня убьешь, и все дела.

– Но зачем тебе меч, когда есть Какофония?

– Две причины. – Сэл подняла палец и указала на револьвер. – Во-первых, эта штука не разменивается на мелочи. Не особо подходит для повседневной стрельбы. – Она подняла второй палец. – Во-вторых, он стреляет огненными шарами и огромными, мать их, звуковыми стенами. Патроны, мать их, не дешевые.

Третта подалась ближе, ее голос зазвучал угрожающе низко.

– Вот так, значит, и принял смерть Кэврик? Нам придется искать его ошметки в грязи?

– Ох, не стоит так драматизировать. – Беспечно отмахнувшись, Сэл снова откинулась на спинку стула. – Какофония – для охоты на скитальцев, крупных тварей или для тех редких случаев, когда надо впечатлить кого-то с отменным бюстом. Но прям вообще отменным, знаешь? За такой, типа, убить можно, не просто обычный…

– Испытываешь мое терпение.

– Так вот, Какофония слишком горд, чтобы использовать его против ваших среднестатистических революционных мордоворотов. Для этого у меня есть Джефф. – Сэл зевнула –

что привело Третту в еще большую ярость. – А в случае с вашим солдатом Кэвриком – я не использовала ни того, ни другого.

– И ты ждешь, что я поверю? – прорычала Третта.

– А почему бы и нет?

– Потому что весь твой рассказ – полная чушь! – Третта вскинула руки. – Я должна поверить в то, что ты как ни в чем не бывало приблизилась к Дайге Фантому, мило с ним побеседовала и только потом вы сразились? Почему ты не всадила ему пулю в лоб с сотни футов?

Веселье Сэл улетучилось.

– Потому что это не по кодексу.

– Опять этот кодекс. – Третта с презрительной усмешкой закатила глаза. – Разве у скитальцев вообще есть кодекс? Я слышала только рыдания и мольбы тех, кого вы грабите, вой и крики тех, на кого вы охотитесь, и усталые вздохи людей, которые хоронят тех, кого вы убили. Этим кодексом, я думаю, вы просто прикрываете свою звериную сущность. С чего бы мне верить, что кучка самых обычных подонков-изгоев станет подчиняться некому кодексу?

– Погоди-погоди, я только что рассказала тебе о револьвере, который стреляет сосульками, и мужике, который двигает предметы силой мысли. В каком смысле, бля, мы обычные? – Сэл покачала головой. – Кодекс от скитальцев для скитальцев. Пережиток времен до Восстания при Собачьей Пасти, которое заставило их бежать в Шрам. – Она пожала плечами. – Горбатого могила исправит, что уж.

– И откуда тогда взялся этот смехотворный язык? Это… Как там ты говорила? *Оку… окка…*

– *Окумани ос ретар*, – закончила за нее Сэл.

– Что это? Заклинание?

– Магия исходит из Мены, не из слова. – Сэл наклонилась, оперлась подбородком о ладонь и лениво усмехнулась. – Вы в своей Революции редко оперу смотрите, да?

– Прославленные Уэйлесские Гласы Непреложной Истины считаются одними из лучших исполнителей среди всей Революции, – ушла в оборону Третта.

– Не-не. Не сраная пропаганда и проповеди, которые вы, нули, выдаете за оперу. Я про настоящую. Истории о любви, потере, о том, как одинокий человек проклинает небеса, воздев к ним руку.

Третта фыркнула.

– Чушь и пустая трата времени для испорченных имперских франтов.

– В общем, если бы ты видела настоящую оперу, ты знала бы эти слова. «*Окумани ос ретар*» – это староимперский, на котором говорили еще во время коронации первого Императора. Фразу произносят в начале и конце каждой оперы в Катаме, согласно традиции и согласно закону.

Третта снова фыркнула.

– И что же она означает?

Сэл ответила улыбкой.

– Грубо говоря, «взгляни на меня и трепещи». Что-то в духе: «Вот я здесь». Провозглашение присутствия, слова, которыми даешь всем знать, что ты прибыл. И которыми привлекаешь ее внимание.

Третта наклонилась, упираясь ладонями в стол и сверля Сэл взглядом.

– Чье внимание?

– Той, чей взор стремится обратить на себя всякий скиталец, – произнесла Сэл. – Господи Негоц…

Раздался стук. Третта рывком развернулась, сощурившись; она давала четкие указания – во время допроса не беспокоить.

– Войдите, – процедила она сквозь зубы.

Дверь приоткрылась. В камеру заглянуло кроткое усатое лицо, увенчанное редеющей черной шевелюрой, и донесся слабый, почти скулящий голосок:

– Военный губернатор? Я не вовремя?..

– Клерк Вдохновляющий, – отозвалась Третта. – Крайне не вовремя.

– Ой.

Невзирая на сталь в ее голосе, он, шаркая, протиснулся в камеру. Вдохновляющий, годный только на то, чтобы за столом заседать, стоя выглядел еще менее внушительно. Мундир висел на тощем теле, как на вешалке. С длинного носа сползали очки.

– Дело в том, что я здесь с запросом на возвращение оружия. – Вдохновляющий выразительно глянул на ящик с Какофонией. – Ставке не терпится услышать, что оно находится под охраной.

– Охраны надежнее меня нет, – отрезала Третта. – Мы вернем оружие, когда закончим.

– Да. Конечно, военный губернатор. – Вдохновляющий направился было к выходу, но замешкался. И повернулся обратно. – Дело просто в том, что они крайне настойчивы. Мой революционный долг – убедиться, что…

– Все запросы Ставки Командования насчет сего оружия вы можете перенаправлять мне, клерк. И только в случае, если упомянутые запросы доставят лично, вы можете меня побеспокоить вновь. Я понятно выразилась?

Вдохновляющий робко кивнул.

– Д-да, военный губернатор. Прошу прощения, военный губернатор. – Он выскользнул за дверь и прошептал, уже закрывая ее: – Просто… это самое… дайте знать, когда я смогу его забрать.

Раздался щелчок замка. Сэл задержала взгляд на двери, а потом зевнула и снова посмотрела на Третту.

– Вдохновляющий, м-м? – поинтересовалась она. – Вы тут в Революции сами себе имена выбираете? Всегда было любопытно.

– Довольно! – ударила Третта кулаком по столу; ящик грохотнул. Она наклонилась и рявкнула на пленницу, чуть ее не оплевав: – Хватит волынить! Ты сию же минуту расскажешь нам, что произошло с Кэвриком, или, клянусь, я с безграничной радостью помогу тебе узнать, сколько дюймов раскаленной стали может войти в человека.

Сэл моргнула. Она открыла рот, словно хотела уточнить, как же именно можно добыть подобные знания. Однако совершила первый разумный ход за весь день – решив заговорить о другом.

– Между прочим, – произнесла она, – я как раз переходила к этой части истории…

5
Шрам

Не знаю, в какой момент я задремала, но, как только услышала его голос, поняла, что вижу сон.

«И над чем ты смеешься?»

Он улыбался одними глазами. Его лицо состояло из углов, острых, идеальных, словно клинок, который он держал на коленях и шлифовал; таким же прямым и жестким было его тело. И пусть, глядя на меня, он пытался казаться суровым, он не мог скрыть смех в глазах.

И я не пыталась скрыть свой смех. В те времена мой смех был звонким, громким, и единственным шрамом на моем лице была улыбка.

Он держал оружие обеими руками, рассматривал, изучал, словно ответ – как и все ответы – лежал на поверхности острой кромки.

«В мече есть честность, коей лишена магия, – произнес он. – Магия требует Мены. Чтобы ей воспользоваться, ты отдаешь часть себя, и ты никогда не узнаешь, с чем расстаешься, пока оно не утеряно навсегда. А вот меч? Это партнерство».

«Это странно».

«Смотри».

Он у меня за спиной, меч в моей ладони, его пальцы поверх моих. Одной рукой он обхватил мою талию, притянул ближе. Другой направил мою руку, выполняя рубящие удары, блоки, выпады, убивая воображаемых врагов.

«Видишь? Он просит тебя его использовать. И взамен делает то, что должен. – Его губы скользнули ближе к моей шее; горячее дыхание коснулось уха. – Прямо как мы».

«Как мы», – прошептала я, закрывая глаза.

«Ты и я, – проговорил он. – Я – твой клинок. Используй меня, и я сделаю то, что должен».

На моем животе расцвела горячая влага.

«Итак», – шепнул он.

Меж его пальцев сочилась моя кровь.

«Оставишь ли ты меня ради магии?»

* * *

Горячее дыхание на моем лице. Голос в ушах. Длинный, мокрый клюв, щекочущий щеку.

Я приоткрыла один глаз. Конгениальность уставилась на меня и раздраженно гукнула. Позади нее в блестящей луже слюны валялся комок меха и костей.

– Что, уже? – поинтересовалась я, зевая. Отпихнув ее, я привалилась спиной к дереву, под которым заснула. – Леди надлежит терпеливо ждать ужина.

Конгениальность распушила перья и издала мерзкое шипение, намекая, что она ждать не станет. Я вздохнула, поднялась на ноги и подхватила плащ, служивший мне подушкой. Стоило его встряхнуть, как он мгновенно уменьшился до размеров палантина, который я повязала на шею. Не самые впечатляющие чары, но помогают сэкономить место.

Я нашла в седельных сумках очередную тушку. Швырнув ее Конгениальности и оставив ту со жратвой наедине, я прошла мимо человека, которого только что прикончила, и взялась за премерзкое занятие – копаться в его барахле.

В Катаме ученые называют это искусством. В Уэйлессе пропагандисты называют это угнетением. В Обители фанатики называют это колдовством.

Но здесь, в Шраме, нужно быть скитальцем, чтобы понять, что на самом деле есть магия: сделка.

И, как и во всякой сделке, ее сила заключается в Мене.

Называть ее жертвоприношением было бы слишком возвышенно. Скитальцы – народ не настолько самоотверженный. А Госпожа Негоциант, с каким бы почтением мы ни произносили ее имя, не покровительствует нам. Хочешь власти – Госпожа называет цену. Предлагаешь ей Мену – получаешь то, за что платишь.

Дайга об этом знал.

Я взяла его ожерелье, перебрала безделушки. Если не знать, на что смотришь, оно покажется хламом. Прядь золотистых волос, потрепанная красная ленточка, погнутая ложка – сокровища голодранца, не мага.

Тут же висело несколько свернутых бумажек. Я сорвала одну наугад, развернула. Оттуда на меня посмотрела семья: хмурое дитя, женщина с печальной улыбкой и мужчина, которого я только что убила. Тут он моложе, волосы гуще и темнее, а его длинный нос и подбородок еще не были столь испещрены морщинами.

Если бы он решил обменять этот портрет, я влипла бы по-настоящему. Может, он был настолько дорог, что Дайга не смог с ним расстаться.

Воспоминания – вот что Госпожа Негоциант просит в обмен на силу мастеров хвата. Годятся памятные вещицы – дорогие сердцу безделушки, всякая всячина, которая важна для мага. Если задуматься, это не лишено смысла: чтобы уметь схватить, нужно уметь и отпустить. И чем вещь важнее, тем колоссальней сила.

Дайга знал и об этом.

Но не знал меня.

И поэтому под утренним солнышком остывал его труп.

Копаться было особо не в чем. Дайга предусмотрительно оставил мне кучу дерьма, которое я не смогу унести отсюда. Оружие он собрал достойное, но при себе я могу держать не более двух штук, а по хорошей цене их купят только в крупном фригольде, до которого в лучшем случае несколько дней пути. Что ж, удачи тому разбойнику, что их найдет, и еще больше удачи тем несчастным, на ком он все это богатство опробует.

И вот я, Сэл Какофония, Бич Сотни Скитальцев, отправилась в шатер – копаться в белье старика.

Бельишко, по крайней мере, оказалось неплохим. Вкус у Дайги все-таки был. А еще у него было полно бесполезного храма, в котором мне пришлось покопаться в поисках нужной мне вещи. Вздохнув, я с грохотом захлопнула крышку сундука и повернулась к полке у бархатного изголовья довольно непрактичной кровати. Рассеянно пролистала книги, которые Дайга собирал в изгнании, – либретто опер, пара любовных романов, несколько военных трактатов. Глаз вдруг зацепился за экземпляр в красном кожаном переплете.

«Третья монография Эдуарме о естественных законах и контрсложностях Шрама».

Одно название прочитаешь – уже захочешь мозги себе вышибить со скуки. Так что я, разумеется, сунула томик в сумку. Благодаря своему ремеслу я усвоила кое-какие правила выживания в Шраме. Например, я знала, что всегда найдется богатенький говнюк, который отвалит за такой кирпич деньжат.

Опять вздохнув, я посмотрела из шатра на тело Дайги. С тех пор, как я его зарезала и уложила на его же мантию, прошло два часа. Конгениальность переваривала завтрак у полуразрушенной стены форта. Еще через два часа утреннее солнце станет дневным.

Скоро.

Я поддела матрас, обнаружила стопку бумаг. Янтарный блеск под ними заставил меня улыбнуться. Из ниши, которую Дайга вырезал в раме кровати, я выудила бутылку виски –

добротного виски, марки «Эвонин», которая еще не успела стать «Эвонин и сыновья»; должно быть, старик берег ее для особого случая. Смерть – как раз такой.

Я развалилась на постели, глотнула из горла и развернула первый лист.

Почтенному взору профессора ки-Йантури.

Считайте сие нашим последним предложением снисходительности. Лишь благодаря бесконечной мудрости Императрицы Атуры, четырнадцатой сего имени, и немалой милости ее сына, Грядущего Императора Алтона, третьего сего имени, мы направляем приглашение вам, скитальцу.

Ваша обеспокоенность относительно магических способностей Алтона была принята к сведению, однако его родословная чиста и право наследования законно. Мы призываем вас отказаться от своих изменнических деяний и вернуться в столицу.

Помните, иным скитальцам подобного не было предложено. И даже среди столь непотребных кругов ваши преступления – подстрекательство, поборы, злоупотребление имперскими знаниями и прочее – особенно гнусны. Но, невзирая на это, Императрица по-прежнему помнит ваши советы и вашу прозорливость и посему готова предложить вам последнюю возможность искупить вину, отречься от идей Восстания при Собачьей Пасти, принести присягу и вернуться на службу Империуму.

Надеюсь, ради вашего же блага, что вы одумаетесь и вернетесь в Катаму.

Не то, за чем я пришла.

Внизу листа значился надлежаще длинный и напыщенный титул, а под ним стояла имперская печать. Я сняла с десяток таких бумажек с трупов собственноручно убитых скитальцев. Да, это правда, что в Шраме не любят скитальцев и что никто не питает столь глубокую ненависть к своим бывшим подданным, как Империум. Однако правда и то, что куда сильнее, чем предателей, они ненавидят нолей. Так что скитальцам вечно подбрасывали эти письма – в надежде заманить их обратно, сражаться против Революции.

Я смяла лист, выбросила, взялась за следующий.

Душенька,

О, как мне описать тебя,
Глаза чисты и столь жестоко
Даны тебе узреть презренный мир,
Уста чисты и голос мягок
Даны тебе о бессердечье…
…блядь.

Я часами бился над следующей строфой. Все звучит… избито, никчемно. Ты любила поэзию. Мы ведь так и познакомились, помнишь? На лекции профессора ки-Малкая? Любишь ли ты ее до сих пор, хотел бы я знать? Или она так же тебе претит, как и все, что ты любила во мне?

Не стану молить о прощении. Я клятвопреступник. Здесь, на этой варварской земле, я творил жуткие вещи. Но все же умоляю, ради Матеники,

прими деньги, которые я отправляю. Знаю, мое имя навлекло на тебя незаслуженный позор. Но она столь хрупка, и Имперцум не помогает, так что

Снова не то.

Второй лист я тоже скомкала и выбросила. Нетерпеливее, чем первый.

У других скитальцев тоже попадались такие письма. Правда, гораздо реже, и зачастую были написаны не так хорошо. Но после их прочтения во мне всегда поднималось холодное, тошнотворное чувство. Мне не нравилось узнавать подобное – о семьях, о несчастьях.

Становилось сложнее убивать.

Я снова глотнула из бутылки – на этот раз основательнее – и развернула последнее письмо.

И холодное, тошнотворное чувство исчезло.

Нашла.

Дайга
Последний шанс. Встреться с нами.
Джинду

Джинду.

Я перестала слышать стук своего сердца, вопли оголодавших птиц в сухих кронах, вой холодного ветра среди руин. Осталось только имя, что врезалось в мое сознание.

Я оторвала от него взгляд. Дальше в письме шла череда цифр, букв и символов, от которых меня сразу затошнило. Шифр, ясное дело. Я не хотела его читать. Я даже касаться его не хотела.

И, аккуратно сложив лист, спрятала в сумку. Назови ты меня сумасшедшей – я не обиделась бы. Но и не объяснила бы, зачем мне это.

По крайней мере, пока не прикончила бы вискарь. И, скорее всего, еще пару бутылочек для верности.

Этим, собственно, я и собиралась заняться, как вдруг уловила звук. Далекий, едва различимый, будто умирающий свист на несуществующем ветру. Он становился громче, он манил наружу. Он звучал для меня, словно музыка для ребенка, который впервые ее слышит, – странная, причудливая, удивительная. Словно миг, когда я наконец поняла все эти сопливые романтические оперы, которые ненавидела. Словно миг, когда мать впервые назвала мое имя.

Каждый описывает песнь Госпожи Негоциант по-своему.

Когда я выбралась из шатра, все уже началось. Тело Дайги, твердое, словно клинок, зависло в добрых трех футах над мантией. А через мгновение его глаза широко распахнулись. Рот открылся в немом крике. Вспыхнуло фиолетовым – изо рта, из глаз полился яркий свет, окрашивая день зловещими тонами.

Кожа усохла и рассыпалась, словно сгоревшая бумага. Та же участь медленно постигла конечности, торс, голову, пока Дайга попросту не распался. Он рухнул на мантию кучей фиолетовой пыли. Вот все, что осталось, когда его забрала Госпожа.

Цена магии крайне высока. И в итоге, когда тебя наконец призывают обратно, она забирает все.

Остается лишь Прах.

Есть множество теорий о том, куда уходят маги, как Госпожа с ними поступает. Я их не читаю. Что бы она с ними ни творила, это ее дело. А вот Прах?.. Ну, с ним можно сотворить многое. Мертварево, плетение на удачу, любую вещь, за которую нечестные люди заплатят честные деньги.

Я вытащила из сумки бережно завернутую в мешковину склянку. Медленно, осторожно сложила края мантии и пересыпала туда Прах. Как оказалось, склянки как раз хватило, чтобы вместить все, что осталось после Дайги. Так себе похороны, конечно, банка вместо семейного склепа, но склепы – это лишь пустая трата пространства тщеславия ради. Здесь, в Шраме, спрос есть на все, и смерть не бывает бессмысленной.

Я снова обернула склянку мешковиной и уложила так, чтобы не разбить по пути. А потом принялась рыться в шмотье Дайги и нашла еще кое-что. Пальцы зацепились за острое, выступила кровь. Я упрямо полезла дальше и обнаружила эфес.

Став предателями, скитальцы отбросили все, что связывало их с Империумом, – былые имена, привязанности, дружества, – кроме одного. Имперский кинжал – первая вещь, которую они получили, когда поступили на службу, и все, что они в действительности оставляют после себя, когда их забирает Госпожа Негоциант.

Так что, ага, если решишь, что я, сволочь такая, собиралась выручить за него кучу денег, я не обижусь.

6
Нижеград

Из чего делают имперские клинки, никто доподлинно не знает. Их секрет мастера уносят с собой в могилу. Одни говорят про скованные пластины Праха. Иные упоминают раздробленные и прошедшие закалку кости магов – тех немногих, которых покинула Госпожа Негоциант. Некоторые, впрочем, ставят на сырой севериум.

Из чего бы эти клинки ни были изготовлены, они падают на землю с весьма характерным звуком. Кинжал даже размером в половину мужской ладони звучит так, словно весит пару тонн. Мгновенно привлекает внимание.

Вот таким вниманием и одарил его штаб-сержант Рево Отважный, когда я вломилась в его Ставку, отмахнулась от стражи и вонзила кинжал в его стол.

Затем сержант поднял на меня взгляд и раздраженно вздернул кустистую бровь.

– Я определенно помню, как сегодня отдавал новобранцам приказ вымести отсюда весь хлам. А он, сдается мне, только что вернулся.

Кабинеты Ставки Командования были скудно обставлены, крохотные оконца не давали света, массивные двери не пропускали сквозняка. Сержант Отважный явно преуспевал в подобных условиях. Дюжий и крепкий, так что синий мундир трещал по швам, с усами, которые скорее напоминали насекомое, нежели растительность на лице, он отдал борьбе с имперцами и скитальцами на землях Шрама лучшие годы, и Революция щедро вознаградила его неудобным креслом и славным морем канцелярской работы – чтобы медленно, но верно в нем задыхаться.

Я взяла за правило не останавливаться во фригольдах слишком часто, не говоря уже о такой заднице мира, как Нижеград. Однако есть вещи, которые можно сделать только в этих городах, а значит, время от времени приходится сталкиваться с людьми вроде Отважного.

Вот я и сталкивалась.

Неоднократно.

И, если слушать мой рассказ внимательно, станет ясно, почему он смотрел так, будто мысленно примерял мне на шею петлю.

– Ага, ну, – я полезла под плащ, – так, мимо проезжала.

Отважный напрягся. Двое стражей по бокам от стола – высокий парнишка, короткостриженый, с приятным лицом, и низкорослая, хмурая женщина – взяли штык-ружья наизготовку. Я подняла свободную руку, мол, пришла с миром, достала свернутый лист бумаги, бросила его на столешницу.

– И я знаю, как ты любишь сюрпризы, – продолжила я с усмешкой.

– Ненавижу сюрпризы, – проворчал Отважный, но лист взял, развернул и, пробежав взглядом по буквам «СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР» вверху, фыркнул. – Что ж. Фантом мертв.

– Из твоих уст, Отважный, все звучит так обыденно. – Я уперлась одной ладонью в стол, а другой очертила в воздухе широкую линию. – Дайга Фантом, скиталец и убийца, изгой и бандит, враг в равной мере как Революции, так Империума и Обители, занял место за черным столом, пав в героической схватке с местной героиней, невероятно умной и притягательной охотницей за головами, Сэл Какофонией. – Я одарила сержанта гадкой ухмылкой. – Разве так не более захватывающе?

– Претенциозно. И ты использовала «героически» и «героиня» в одном предложении. Повторы.

Отважный читал много книг. Наверное, поэтому и был всегда такой злой.

– Скорее так: «Местная негодяйка решает прервать важные революционные дела, получает плату, а потом убирается прочь и, хотелось бы надеяться, попадает под проезжающий мимо экипаж и/или спивается до смерти там, где мне не придется возиться с ее трупом».

– Хм-м. – Я задумчиво погладила подбородок. – О моей красоте, правда, ни слова, но самая важная деталь на месте.

– Заметила, как я разнообразил варианты твоей смерти? Неплохой штрих, как мне подумалось.

– Ага, ты как всегда прямолинеен, Отважный. – Я выдернула кинжал из столешницы, повертела в пальцах, как монету. – Именно поэтому я и знаю, что Дайга – далеко не простой изгой, за которым ты отправил бы патруль. – Я подалась ближе, продемонстрировала сержанту кинжал. – Даже если он не убивал десятки солдат и не грабил склады, он был имперцем. Из числа лучших, между прочим. И даже если бы он не стал скитальцем, само его присутствие на твоей земле было оскорблением, пятном на твоей репутации, которое ты никак не мог оттереть.

С таким лицом, как у Отважного, отлично убивать, но плохо играть в карты. Губы под усами скривились уродливым шрамом. Брови с каждым моим словом хмурились все сильнее. А вена на лбу, которая появлялась всякий раз, как я оказывалась поблизости, выглядела так, будто вот-вот лопнет.

– К счастью, для этого у тебя есть прелестная дама вроде меня. – Я подкинула кинжал вверх, поймала за эфес. – Так почему бы тебе не заплатить мне то, что причитается, за твою грязную работенку? Потом можешь валить и кропать важный служебный отчет Уэйлессу, и мне без разницы, что ты там напишешь по поводу смерти Дайги.

Я знаю о драгоценной этике Революции все. Великий Генерал диктует тысячи правил – что выращивать, что есть, как трахаться и так далее. И в самом верху, как раз под «убивать всех контрреволюционеров», значится: «не связываться со скитальцами», то есть с такими, как я. Однако нельзя выжить в стольких битвах – как сделал Отважный, – не будучи человеком практичным.

Этики у человека практичного нет; у него есть обязанности. И их нужно выполнять.

Именно поэтому Отважный глубоко вздохнул. Перестал кривить губы и хмурить брови, и на лице его застыло ледяное спокойствие. Вена на лбу продолжила биться, подтверждая, что козыри по-прежнему у меня.

– За устранение врага Славной Революции Кулака и Пламени, – выдавил он так, словно каждое слово вытягивало с собой по зубу, – одобренное и засвидетельствованное офицером Ставки Командования, я уполномочен выдать награду в двадцать тысяч векселей.

– Векселей? – Учитывая, что окружали меня люди, увешанные сталью, которую с удовольствием могли бы против меня использовать, смеяться так громко, наверное, не стоило. – Это, конечно, очень любезно – предлагать мне ваши революционные бумажные деньги, но, боюсь, острой нужды подтереть задницу я пока не испытываю. А значит, – я цокнула языком, – вынуждена требовать металл.

Отважный дернул усами.

– Сколько?

– Десять наклов. И фемур. Не меньше.

– Десять?! – Ледяное спокойствие не растаяло – оно взорвалось тысячей осколков. – Ты скитальца убила, а не мертвеца из прóклятой могилы подняла! Требовать такую сумму металлом – это… это…

– Сэр?

К нему наклонился страж – высокий и миловидный – и заговорил, пытаясь шептать. Правда, голос его явно не был привычен к мягкости, поэтому я слышала каждое слово.

– Фантом и в самом деле серьезно мешал нашим действиям на этих землях. Высшее командование даже выражало недовольство нашими безуспешными попытками с ним справиться. И он, возможно, был связан со Старко…

Отважный сердито взглянул на него. Парень тут же кашлянул и, выпрямившись, уставился перед собой.

– Если цена слишком уж высока, – задумчиво промурлыкала я, – всегда могу проверить, сколько заплатит Империум. Тут, в городе, к слову, как раз есть человек Императрицы.

Люди с обязанностями, сверх того, непременно отчитываются другим. А те другие зачастую не обременены ни этикой, ни обязанностями, зато обладают непомерной гордостью, которую сильно ранит, скажем, проигрыш вожделенного трофея заклятым врагам из-за излишней бережливости.

Поэтому спустя минуту Отважный посмотрел на меня так, словно решил обойтись без петли и задушить меня голыми руками, а спустя пять минут я вышла из его Ставки с карманом, полным металла.

* * *

Шрам оправдывает свое название по сотне разных причин, но мое любимое объяснение вот какое.

Империум на востоке и Революция на западе – это пальцы, что сжимают его, пока он не лопнет. А фригольды – это кровь, что из него хлещет.

Названы они так якобы потому, что не присягают на верность ни одной из сторон; изначально они появились как пристанища бандитов, убийц и прочих отбросов, для которых Шрам был тем местом, куда можно сбежать или где можно поживиться. В конце концов эти мерзавцы обнаружили, что ремесло и коммерция куда выгоднее грабежа и работорговли, и в Шраме воцарилось подобие порядка. В каждом городе свои законы, которые устанавливает правящий барон, но есть один общий – одинаково презирать как Империум, так и Революцию.

Это не мешает им вести дела и с теми и с другими, разумеется. Фригольды позволяют имперским тайным службам и революционным ставкам действовать в своих стенах – в качестве жеста доброй воли и по крайне высокой цене. Иногда и этого мало, и одна из сторон отправляет сюда небольшую армию. Обитатели фригольдов обычно заняты тремя делами: они работают, спят и отчаянно беспокоятся о том, кто же именно придет убивать их в ночи.

Впрочем, ни один фригольд не похож на Нижеград.

Как только я вышла на улицу, меня обдало волной горячего воздуха, за что спасибо полуденному солнцу, а следом – щедрой горстью пыли из-под колес экипажа прямо в лицо. Упряжная птица злобно заклекотала, погонщик в унисон добавил красочное ругательство, и они унеслись дальше. Запыленные жители Нижеграда – работяги, чертежники, примирители, матери и дети, за которыми не трудились следить, – инстинктивно отскакивали в сторону. Каждый варился в собственном дерьмовом мире, ничуть не задумываясь о собратьях. Никто даже не поднимал взгляда, не говоря уже о том, чтобы обратить внимание на людей вокруг. Жить в Нижеграде – значит ненавидеть ближнего несколько драгоценных мгновений, а потом снова его не замечать.

Городок в моем вкусе, короче говоря.

Я затянула палантин на лице потуже и зашагала по пыльным улицам.

Нижеград жил достаточно богато, чтобы привлекать бандитов – и чтобы отгородиться от них высокими стенами. А вот чтобы замостить дороги, построить каменные здания или убрать птичье дерьмо, которое валялось повсюду, у них было слишком мало денег и слишком много пофигизма. Самой приличной постройкой в городе являлось неприветливое каменное убежище Ставки, обнесенное колючей проволокой и охраняемое мрачными стражами.

Деньги в моем кармане вряд ли привлекли бы внимание людей в городе поприличнее этого. Однако в Нижеграде я испытывала острое желание свалить подальше и поскорее по своим делам, прежде чем кто-нибудь задумается, что ради такого количества металла можно рискнуть и подействовать мне на сраные нервы.

– Мэм! Мэм!!

Кажется, сваливала я все-таки недостаточно быстро.

– Мисс! Эй! Погодите!

Послышался топот; кто-то пытался меня догнать. Он приблизился и преградил мне дорогу. Я глазом не успела моргнуть, как уперлась взглядом в высокого стража из кабинета Отважного.

В тусклом свете он выглядел обычным ретивым хмырем в приличном мундире. В безжалостном свете дня он выглядел как ретивый хмырь в довольно потрепанном мундире.

Он был по-своему красив; волевой подбородок, изящный изгиб бровей, не слишком близко посаженные глаза. Даже шрам на щеке и кривая усмешка в сочетании с кривым носом не делали его старше. Однако первым делом я обратила внимание на оружие – короткий клинок на поясе, штык-ружье на плече. Они смотрелись на нем странно, словно неудобный груз, который его телу не терпелось стряхнуть.

Не знаю, почему от этого мне стало не по себе.

– Госпожа Какофония… – начал он.

– Друзья зовут меня Сэл. – Я на мгновение прищурилась. – Пожалуй, ты тоже можешь.

– Сэл. – Он блеснул улыбкой – слишком милой для солдата. – Я лишь хотел выразить благодарность за то, что вы справились с Фантомом вместо нас. Раньше была медаль за образцовую службу за пределами гарнизона, но…

Я нарочито позвенела карманом.

– Предпочитаю вот такой металл, спасибо.

– Нет, я хочу сказать, я правда очень благодарен, – проговорил парнишка, и в его голосе зазвучала пугающая искренность. – Знаю, многие скитальцы гнусные… – Он спохватился. – Не в обиду вам.

Я улыбнулась: мол, я вежливая; но глубоко внутри начинаю орать.

– С Фантомом было трудно. Он убил по меньшей мере десять моих товарищей. Добрых мужчин и женщин, что отдали жизнь ради Революции. Не говоря уже о всех гражданских, которых он грабил и порочил. Я просто… – На лице парнишки смешались праведный гнев и радость. – Спасибо. Спасибо, что вы с ним разделались.

И тут я поняла, что мне в нем не понравилось.

Они называли себя разными именами. Они называли себя силой, что сопротивляется загниванию Империума, дабы подарить свободу и славу несчастным нолям, раздавленным пятой Императрицы. Но на самом деле Революция была всего лишь очередной армией, полной людей вроде того, что стоял передо мной.

С широкими улыбками и сверкающими глазами, глядя в которые невольно думаешь, что они и правда верят в то, что творят. Верят, что мир можно сделать лучше.

И если смотреть в глаза таких людей слишком долго, рискуешь в это поверить тоже.

Я когда-то знала такого.

– Ну а как же. – Я стянула палантин, избегая взгляда парнишки. – Всегда рада, если убийство идет кому-то на пользу.

– Кэврик. – Он помялся, не зная, пожать мне руку или отдать честь. Выбрав первое, он протянул ладонь. – Кэврик Гордый, мэм. Младший сержант Славной Революции Кулака и Пламени.

– Кэврик. – Я пожала его руку. Сильную и теплую. – Приятно.

– И я очень рад знакомству, мэм.

Думаю, если бы он знал, в какой ад превратится его жизнь после встречи со мной, он не стал бы так говорить.

– Надо возвращаться. Штаб-сержант не переносит скитальцев, а если мы с ними болтаем – и подавно. – Он рассмеялся и коротко отдал честь. – Так держать, вы молодец!

Я проследила, как он бежит обратно к Ставке, и не сдержала улыбки. Только такой, как он, мог увязать слова «скиталец» и «молодец» в одной мысли. Скитальцы не молодцы. Мы грабили, обманывали, мародерствовали, убивали. Иногда даже не мирных, несчастных, ни в чем не повинных людей, а друг друга. Подчас мир становился лучше, когда один из нас убивал другого, однако никто в своем уме не обрадовался бы скитальцу.

Я слышала даже суеверные россказни о нас. Если скиталец посмотрит на беременную женщину, ребенок умрет в два года. Если зайдет на ферму, курицы снесут ядовитые яйца. Если полить дерево кровью скитальцев, вырастут кричащие головы.

Мое любимое.

Есть и другие, но все они об одном: если скиталец подвалит к твоему жилью, он испортит тебе весь день.

Меня это, конечно, не касается.

Я испорчу тебе целую неделю.

7
Нижеград

Ты, наверное, гадаешь, зачем люди приезжают во фригольды, да еще и остаются там жить. Шрам – земля суровая, а если тебя не защищает ни Империум, ни Революция, дело совсем худо. Постоянно то один, то другая или оба сразу пытаются сжечь твой дом или водрузить на него свой флаг. А еще ведь есть звери, бандиты, кланы и, разумеется, скитальцы.

Ну и зачем открывать лавку в такой дыре?

По той же причине, по которой люди творят любые глупости: из-за секса или денег.

Секс в Шраме, конечно, ничуть не лучше, чем в более цивилизованных местах, но для коммерции есть ряд преимуществ. Например, мизерные налоги; а еще нет ни революционеров, жаждущих конфисковать и перераспределить твой доход во имя равенства, ни имперцев, которые сдерут с тебя штраф, если магу не понравится, как ты на него посмотрел. Сумел добыть, значит, оно твое.

Если, конечно, не явится кто-то типа меня и не отберет.

Поэтому я и очутилась в темном уголке Нижеграда, где стояла прямо под вывеской с изящным цветком, оплетающим слова «Аптека Черной Лилии: настойки, укрепители, эликсиры», и без толку колотила в дверь.

– Ну, давай уже! – заорала я. – Я знаю, бля, что ты там!

Получилось даже злее, чем я хотела. Честно говоря, сама не стала бы открывать, если бы за дверью стояла я.

Однако у меня было дело.

Я оглянулась и, удостоверившись, что на шум никто не спешит, отошла на десять шагов, примерилась к окну. Разбежавшись, прыгнула – ухватилась пальцами за подоконник, уперлась ногами в стену. Возиться с замком бесполезно, я знала, кто его изготовил, так что шепотом извинилась и двинула по стеклу эфесом. Мигом открыла створку, подтянулась, влезла.

То, что я сделала, меня не радовало. Как и то, что пришлось протопать по симпатичному бархатному коврику грязными ботинками. И вообще весь этот взлом с проникновением. Однако я знала хозяйку – и она не станет держать на меня зло.

Пол и стены внутри лавки были сделаны из отполированного до блеска красного дерева, правда, рассмотреть это было трудно. Каждый дюйм пола покрывали плюшевые ковры. Каждый дюйм стен занимали полки, аккуратно заставленные теми радостями, которые обычно предлагает аптека: пузырьками эликсиров, горшочками бальзамов, баночками сушеных трав, все блестят, везде скрупулезно подписаны ингредиенты и стоимость. Идеальный порядок, который настойчиво намекает, что людям, выглядящим (и пахнущим), как я, следует держаться отсюда подальше.

Но, думаю, уже давным-давно ясно, что я игнорирую намеки.

Дверь была заперта на замок и два засова – это на случай, если я еще не догадалась, что меня тут совсем не ждут. Прилавок ломился от всевозможных весов, порошков и прочих штуковин, однако место за ним пустовало. Я обошла его, стараясь ничего не уронить.

Оказавшись за прилавком, я сдвинула в сторону тяжелый стул и откинула коврик. Взору открылись доски, абсолютно непримечательные. И я поклялась бы, что это самый обычный пол, если бы не знала мастера.

Все-таки она очень любила свои секреты.

Я принялась шарить по полу ладонями, пока наконец не нашла его – почти случайно. Ноготь зацепился за краешек ловко спрятанного засова, столь крошечного, что два пальца

толком не просунуть. Я застонала, пытаясь его поддеть; дверца, напротив, сохранила гробовое молчание. Как и лестница внизу, в кромешной темноте, скользящая в пустоту под аптекой.

Я перепроверила сумку – по-прежнему увесистая, ничего не разбилось, ничего не протекло – и глубоко вздохнула. Нервы трепыхались, словно перед встречей с Дайгой. Там, внизу, ждало нечто похуже.

Темнота душила, такая непроницаемая, что я споткнулась, когда через десять футов лестница сменилась прямым туннелем. Я нащупала левую стену, прижалась к ней и скользнула вперед.

Если б ты видела, как я ползла по коридору лицом в эту самую стенку, ты сочла бы картину довольно идиотской. Вот только тебе не приходилось лихорадочно вспоминать, на какой высоте натянут шнур, который открывает западню, надеяться, что люк не стал шире с прошлого раза, и гадать, чем выпалит последняя плита-ловушка – огнем, пауками или всем сразу.

А еще там царил сраный мрак, так что ничего ты не увидела бы, хер тебе.

После двадцати футов, на протяжении которых я ощупывала, нажимала и молилась, я увидела едва заметное свечение в конце коридора. Черный прямоугольник с тоненькими гранями из желтого света. Я нашла дверную ручку, довольная, что все ловушки остались позади.

Дернула.

Услышала громкое «щелк!».

И только тогда вспомнила про пилу.

Темноту взрезала серебряная вспышка. По ушам ударил визг металла. Не сказать, что я шибко обрадовалась, шлепнувшись на задницу, но в момент, когда меня чуть не рассекло надвое крутящимся лезвием, это было охерительно кстати. Пришлось пригнуться и ждать целую вечность, пока оно не скрылось обратно в стене, разочарованно скрежетнув напоследок.

Я соскреблась с пола. Толкнула дверь. И в тусклом алхимическом свете увидела то, что стоило всей этой защиты.

В душном воздухе висел чад. Над голубым пламенем горелок бурлили пробирки и пузырьки; ядовитые смеси, перегоняясь, извергали сиреневый и зеленый пар. Вдоль стен выстроились верстаки, уставленные алхимическими приборами или погребенные под грудой разнообразных механизмов – сродни тем, что пытались меня прикончить.

Где не было инструментов или пробирок, лежало оружие. Штык-ружья, пистолеты, клинки – я даже не знала, для чего нужны некоторые, помимо грязного убийства людей – на стойках, в ящиках, в связках. И каждый дюйм металла, дерева, камня был покрыт едва мерцающими письменами на языке, на котором столетиями никто не говорил. Озаренная голубым светом алхимических свечей, не погасших ни разу за шесть лет, эта комната была одновременно мастерской, оружейным складом и – в перспективе – взрывной воронкой.

Не заметить стоящую посреди всего этого девушку – легче легкого. Твою ж мать, да я сама ее не замечала.

По крайней мере, пока мне в лицо не ткнулась ручница.

Я перевела взгляд с коротконосого дула на сжимающие рукоять бледные пальцы. Из-за прицела и огромных очков на меня настороженно взирали широко распахнутые темно-карие глаза. Пряди черных волос, выбившись из растрепанного пучка, из которого торчали писчие перья, обрамляли прелестное личико с поджатыми губами. При виде меня оно исказилось, следом дрогнули руки, и она направила оружие мне в сердце.

В ожидании повода.

Я взглянула в эти большие глаза – не мигая, не заговаривая, – и шагнула вперед. Ощутила сквозь рубаху металл, упершийся мне в грудь.

Я подняла руку, медленно накрыла ладонью ее пальцы, теплые и дрожащие. Передвинула один с крючка, направила вдоль дула.

– Вот так, – произнесла я. – Двумя пальцами курок не спускают.

Она моргнула, на лице отразилось искреннее замешательство, которое лишь усилилось, когда я выпрямила ей руки.

– Руки прямо. И упрись ногами в пол. – Я скользнула ладонями на ее талию и надавила. – На ширине плеч. Для стрельбы нужна опора. – Цокнув языком, я слегка подтолкнула ее бедра. – Да твою ж налево, прогнись в пояснице. Выпяти задницу немного.

Замешательство сменилось обидой; она открыла рот, собираясь возмутиться. Я, однако, продолжала говорить.

– И самое главное – не направляй оружие на то, во что не собираешься стрелять. И не стреляй в то, что не собираешься убить. – Я снова поймала ее взгляд. – Собираешься стрелять?

А она поймала мой. Ее глаза вновь распахнулись шире, я видела, как презрение в них борется с сомнениями, а за кулисами ждет гнев, готовый сразиться с победителем. Мгновение затянулось, мне даже стало действительно интересно, вдруг все-таки выстрелит.

Я бы не обиделась.

Но она опустила ручницу. Съежилась, и без того хрупкая, до совсем крошечных размеров, положила оружие на стол. И хмуро глянула на меня через плечо.

– Ты просто устроишь полный бардак, – отозвалась она колкой трелью. – Как всегда.

Наверное, ты сочтешь странным, что мою жизнь спасло лишь обещание уборки. Но, с другой стороны, вряд ли ты знаешь много Вольнотворцов.

– Хочешь метко стрелять – работай над стойкой, – отметила я, наблюдая, как она возвращается к верстаку. – Тысячу раз говорила, отклячь задницу.

– А я тысячу раз предельно ясно давала понять, что мой тыл в данный момент тебя никак не касается. – Она села на стул и, выдернув из волос перо, продолжила наносить на короткий кинжал те же письмена, что покрывали все вокруг. – И поскольку твой тыл сейчас находится в моей мастерской, должна потребовать, чтобы ты его отсюда убрала, причем наискорейшим образом. Иначе мне придется просить тебя подождать, пока я переобуюсь в ботинки, с которыми его познакомлю.

Тебе, наверное, стало бы интересно, почему в ответ на это заявление я усмехнулась. Если, конечно, знала бы ее так, как я.

Ну, то есть просто знать – другое дело. Так-то ты ее точно знаешь.

Тебе наверняка доводилось слышать о том, как двери Величественно Неприступных Катакомб Уэйлесса расплавили ядреной кислотой. Ее рук дело. Или о том, как фригольд Дикоречье отразил атаку имперской эскадрильи стрелами, которые взрывались с мощью пушек. Тоже ее труды. А вот про фригольд Неумолчный – вряд ли, потому что одним прекрасным весенним утром он расщепился в ничто всего за полчаса, – но и это ее работа.

Революционеры, имперцы, простой народ – любой придурок слышал о Вольнотворце, чьи смеси нагоняют жуть по всему Шраму. У нее множество имен. Тебе наверняка известно то, под которым она работает.

Двадцать-Две-Мертвые-Розы-в-Надтреснутой-Фарфоровой-Вазе.

Нехило, а? У всех Вольнотворцов такие имена. Но когда я ее встретила впервые, она назвала иное.

– Лиетт. – И его звучание нравилось мне больше. – Я тоже соскучилась.

Я подмигнула. Судя по выражению ее лица, лучше б я выстрелила. Она вновь обратила пылающий взгляд на верстак.

– Будь сие правдой, по пути сюда ты бы из приличия попала не в одну ловушку, – проворчала Лиетт.

– Сомневаюсь. Когда я была нечестна?

– Сплошь и рядом.

– В смысле, нечестна с тобой.

– Сплошь и рядом! – Она воззрилась на меня поверх очков. – Не сомневаюсь, что ты соскучилась по моим навыкам, Сэл. Соскучилась ли ты по моему обществу – вот тут вопрос.

– Разве нельзя совместить? – Я рискнула опустить ладонь на верстак, легонько задела пальцы Лиетт своими. – Никто не может сделать для меня то, что делаешь ты.

Они задержались на мгновение – под ее тоскливым взглядом, – а потом Лиетт убрала руку.

– С твоим револьвером, неважно, насколько диковинным ты его считаешь, способен справиться любой Вольнотворец.

– Да, конечно, но никто не заботится о нем так, как ты. – Я уперлась в столешницу локтем. Лиетт демонстративно его спихнула. Я пристроила на то же место сумку, не обращая внимания на попытку Лиетт прожечь во мне дыру. – Ты нравишься Какофонии. После тебя он всегда лучше целится.

Она одарила меня коротким взглядом – другим. Не улыбкой. Хотя Лиетт в принципе не расточала улыбки, в прошлом она потратила на меня их слишком много. Но губы ее дрогнули, едва заметно, призраком смеха, который я когда-то прекрасно знала – и убила.

– Оружие не испытывает чувств, – произнесла Лиетт.

– Испытывает, когда ты над ним работаешь.

– И у меня нет времени. Чего ты хочешь, Сэл?

– Мне нужна кое-какая помощь.

– Многим нужна. Тем, кто сталкивается с тобой, например. Правда, им, как правило, помощь нужна медицинская или материальная за порчу имущества. – Она, сощурившись, продолжала выводить замысловатые письмена вдоль кинжала. – И так как я не намерена соглашаться, вынуждена настаивать на твоем уходе, прежде…

– Третий закон.

А вот это уже задело ее. Лиетт вытянулась в струнку, стиснув перо так, что оно треснуло, а разъяренный взгляд, который в меня вперился, был из тех, что обычно берегут исключительно для талантливых людей, способных обоссать могилы твоей матушки, бабули и прабабули одновременно.

Лиетт ненавидела, когда я вспоминала Законы Вольнотворцов.

Несмотря на строгую независимость, сборище гениальнейших и неудержимых создателей все-таки нуждалось в некотором подобии порядка. И хотя их излюбленные Законы были заковыристы и невразумительны – их выдумала компания отщепенцев-алхимиков, механиков и прочих мастеров, что еще тут ждать, – запомнить первые семь не представляло труда.

Например, мой фаворит, номер три.

– Всякий долг между Вольнотворцом и любым, кто оказывает помощь Делу, Вольнотворец обязан уважить, – наклонилась я ближе с улыбочкой, за которую сама бы себе съездила по морде. – Уверена, что сделала для тебя достаточно. Помнишь, как я добыла тебе запретный томик имперских письмен?

– Украла, – поправила Лиетт. – Ты его украла. И я отплатила тем, что предоставила достаточно патронов для твоего оружия, чтобы разорить небольшой город. Что ты и сделала.

– А еще я убила бандитов, которые сожгли твою предыдущую мастерскую.

– Отплатила исцелением твоих ожогов после того, как ты сожгла их укрытие вместе с моим исследованием, которое они стащили.

– А как насчет трупа того барона?

– Ты сказала, это подарок, – обиделась Лиетт.

– Ну, – я вздохнула, – видимо, хорошо, что я прихватила кое-что с собой, да?

– Бьюсь об заклад, что это не извинение.

Наверное, стоило оскорбиться. Но, откровенно говоря, я ведь и правда сволочь.

Я откинула кожаный клапан сумки. Заметив блеск стекла, Лиетт мгновенно подняла взгляд. Я усмехнулась, не спеша ее обрадовать. Не могла не растянуть удовольствие. И, как только извлекла банку из толстого стекла, до краев наполненную фиолетовым порошком, по выражению лица Лиетт я поняла – оно того стоило.

Видишь ли, в мире есть всего две вещи, которые Вольнотворец любит больше секретности: то, что ему непонятно, и то, что можно превратить во взрывчатку. И в мире есть одно-единственное вещество, соединяющее эти два свойства, и Лиетт, уронив челюсть, распахнув глаза, растеряв слова, смотрела на целую его банку.

Добыча ингредиентов для Вольнотворцов приносит приличные деньги. Но большинство падальщиков либо слишком умны, либо слишком трусливы, чтобы убивать скитальцев. Любой другой Вольнотворец с легкостью заплатил бы мне по меньшей мере двадцать фемуров за то количество Праха, которое я выставила на верстак. Запроси я столько у Лиетт после всего, через что мы прошли, она закатила бы истерику.

Разумеется, когда она узнает, зачем я пришла, истерики не избежать. А то и чего похуже.

Однако эту проблему я оставила на потом. А пока – наблюдала, как изящные ручки обхватывают склянку, и необходимость быть осторожной борется со стремлением исследовать. Как в глазах за линзами очков разгорается благоговение, как Лиетт прикидывает, сколько здесь Праха, сколько всего чудесного она с ним сотворит. Наблюдала, как она вдруг вновь становится той робкой малышкой, что я встретила так давно, девочкой с застенчивой улыбкой, которая попросила у меня самую дорогую выпивку в таверне после того, как я уделала ее юбки грязью.

Я не сдержала улыбки.

Лиетт заметила это и нахмурилась. Она подхватила склянку с Прахом и унесла к сундуку. Рядом с ней он казался гигантским. Лиетт всегда была худенькой, но сейчас ее одежда – заляпанные маслом штаны и рубаха с высоким воротом и длинными рукавами – висела чуть свободнее, чем раньше. Лиетт слишком мало ела. Или спала. Или и то и другое.

Я, наверное, тоже приложила к этому руку.

Но если бы спросила, к чему именно, начались бы неприятности. Так что я прикусила язык. Лиетт убрала склянку и достала небольшой кожаный футляр, знакомо звякнувший металлом внутри, когда она поставила его на столешницу передо мной. Я приподняла крышку, улыбнулась серебряным патронам, и они улыбнулись мне в ответ. На капсулах были подписаны чары: Изморозь, Геенна, Солнцесвет, Шокхват – все мои любимчики.

– Три дюжины, – глянула я на Лиетт. – Я тебе нравлюсь, а?

– Собиралась оставить часть на следующий раз, когда ты явишься мне досаждать, – ответила та. – Однако считаю их надлежащей платой за то, что ты мне отдала. – Лиетт уселась обратно за верстак и, бросив на меня взгляд напоследок, вернулась к работе. – Если это все, можешь идти. Постарайся попасть в ловушку по пути.

– О, это не все. – Я подняла палец. – Сказала же, что я кое-что для тебя прихватила, правда?

– Но ты только…

– То было для дела, – перебила я, убирая пули в сумку и доставая оттуда свой трофей. – А это – для тебя.

Да, мое наблюдение не распространяется на всех, однако те женщины, кого мне посчастливилось встретить в жизни, следовали этому правилу.

Если нужна услуга, принеси ей цветы.

Если нужно прощение, принеси ей украшения.

А если нужно и то и другое, принеси ей книгу.

И если все это кажется тебе глупостью, значит, тебе никогда не доводилось видеть, как у человека озаряется лицо, как оно озарилось у Лиетт, когда я положила перед ней «Третью монографию Эдуарме о естественных законах и контрсложностях Шрама». Ее глаза стали

огромными, а губы сжались. Когда я показала ей Прах, лицо ее горело изумлением и пытливостью. Но когда я дала ей книгу…

В глазах Лиетт отразился голод.

– Это… – Она умолкла, сдержав порыв облизнуть губы. – Это крайне редкий текст. – Лиетт подняла на меня взгляд, уже не хмурый, но пылающий тем голодом. – Где ты его достала?

– Нашла.

Ложь, и Лиетт это знала. Не самая серьезная, что она от меня слышала. Даже не самая серьезная, что она услышит от меня в тот день, она знала и это. А еще понимала, что, раз я принесла ей книгу, значит, я в большой беде. И вот, крепко прижав эту книгу к груди, Лиетт спросила снова – с усталым вздохом, который разбил мне сердце, когда я впервые его услышала.

– Чего ты хочешь, Сэл?

И я улыбнулась. И наклонилась над верстаком. И попыталась не думать о том, какая же я сволочь.

И рассказала.

8
Нижеград

У меня давно нет дома, который я могла бы назвать своим. И мне не хватает его – собственной кровати, двери, которую я могла бы закрыть, купальни, – но больше всего мне не хватает стен, которые можно украсить.

Звучит, наверное, странно, однако есть нечто приятно… откровенное в том, чтобы открыть всю себя. Будь то военный трофей, здоровенный зверь или просто очень милая картина – это твое обращение к миру, слова, которые ты говоришь любому, кто слышит.

Для Лиетт это были бы слова в духе: «Я бы хотела предаваться любви с книгами».

Внизу, в аптеке, царили простор и порядок. А в гостиной наверху – безумие и помешательство.

Все стены были увешаны полками, и все полки без преувеличения ломились от книг. Некоторые трещали по швам, другие провисали в середине под тяжестью томов, третьи уже просто, мать их, не выдержали. Книги росли стопками и колоннами на ковре, превращая пол в лес из бумаги и кожаных обложек. Книги, открытые, с пометками на страницах, как попало валялись на столе посреди комнаты и на подлокотниках дивана перед ним.

Наверное, какой-то порядок там все-таки был – как всегда у Вольнотворцов, – но мне его не постичь. Я рассеянно потянулась к шаткой книжной башне, взяла верхний томик и наугад открыла.

– Что еще за сраный… – Я сощурилась. – Дуо… дуоде…

– Дуоденум, – донеслось из соседней комнаты. – Начальный отдел кишечника большинства существ, идет сразу после желудка. Подвержен образованию язв, в нем начинается процесс пищеварения. – Я прямо чуяла ухмылку Лиетт сквозь стены. – Читаешь «Вспомогательную анатомию» Агарнэ?

– А что?

– Я знаю, что притягивает твое внимание, – ответила она. – А у нее на обложке обнаженные люди.

– Может, я просто хотела освежить свои знания… – Я глянула на обложку. Передо мной предстал вскрытый человек. – Мертвых… мужиков. – Я поморщилась. – Ты там еще долго?

– Ты пожелала выпить.

– А я уж думала, ты наконец удосужилась завести тут шкафчик для спиртного. Это было бы гостеприимно. Втиснем, если уберешь одну полку.

В соседней комнате воцарилась гробовая тишина.

– Убрала бы, если бы предпочитала людей книгам, – Лиетт отозвалась ледяным, словно нож в спине, тоном.

Вольнотворцов объединило стремление собирать и хранить знания вдали от назойливых глаз воюющих сторон, которые могли бы использовать их в своих примитивных целях. Поэтому превыше всего они ценили знания и личное пространство.

Лиетт, как можно было догадаться по ловушке с пилой в ее подвале, ценила их очень высоко. Она всегда предпочитала людям бумагу. Люди мерзкие, утомительные, нетерпимые. Книги же давали все и взамен просили только бережного отношения.

Я находила ее приоритеты очаровательными.

– Но, так как я еще не совсем, блядь, умом тронулась, пожалуй, оставлю полки, спасибо.

Остальные – нет.

Наверное, разумнее было найти другого творца. Я знала нескольких – чуть дешевле, чуть менее враждебно настроенных, даже таких, что, возможно, меня не предадут. Но лучше нее не было.

А мне был нужен лучший.

Это было бы разумнее. Мудрее. Милосерднее. Я не в первый раз являлась к Лиетт, с подарком в руках, с улыбкой на губах. И не в последний раз уйду с пустыми словами и оставлю ее в слезах. Такие, как мы, не созданы для «и жили они долго и счастливо». Не с нашими занятиями.

«Еще не поздно», – сказала я себе.

Представила: не говорю ни слова, хватаю свой пояс с сумкой, ухожу и не оглядываюсь. Лиетт не обидится. Черт, да она будет благодарна, что не придется самой вышвыривать меня. Она не станет проклинать мое имя, не возмутится, что я ничего не сказала, она не…

Она не станет меня искать.

Больше не станет.

Уйти – разумнее. Найти помощь в другом месте – мудрее. Притвориться, что этого никогда не было, – милосерднее.

И если тебе доводилось знать человека, который заставлял тебя отказаться от того, что разумнее, мудрее и милосерднее, ты поймешь, почему я пришла к ней.

– Прости за ожидание.

Я обернулась. И с трудом узнала женщину в дверях.

Разумеется, это была Лиетт. Те же темные волосы и глаза, бледная кожа, ровные черты лица. А вот промасленная одежда сменилась изящным платьем с высоким воротом и длинной юбкой, доходившей почти до края черных ботинок. Огромные очки – изысканной оправой. Рабочие перчатки исчезли, открыв бережные, тонкие ручки, на которые я очень старалась не смотреть.

Она выглядела как леди.

Прозвучит, наверное, глупо, но, чтоб меня, иногда я забываю, что она и есть леди.

– Выкопала в недрах кухонного шкафа. – Лиетт приблизилась с парой бокалов, протянула один мне. – У меня, как правило, нет повода пить.

– Тогда у тебя, как правило, нет повода жить, – отозвалась я и отпила. Рот наполнился резковатой сладостью, и я глянула на темную жидкость в бокале. – Это что еще за вискарь такой?

Лиетт уставилась на меня, моргнула.

– Это вино.

– Вино. – Я, помолчав, поболтала его, принюхалась. – По мне заметно, что я поставила на жизни крест, или это был метод научного тыка?

– Немного культуры тебя не убьет. – Лиетт глянула на меня поверх бокала, делая маленький глоток. – Учитывая, какие помои ты пьешь, тебя вряд ли что-то может убить.

– Если бы все думали, как ты, моя жизнь была бы куда проще.

– Если бы все думали, как я, мир бы благоухал, был лучше и в нем стало бы значительно меньше кретинов. – Она протянула руку. – Впрочем, если тебе не нравится…

Я отодвинулась и назло ей жадно хлебнула. Да, вино, но я ни за что не дам повода трепаться, что Сэл Какофония взяла и отказалась от выпивки.

Лиетт закатила глаза.

– Как я понимаю, – произнесла она, – твое появление здесь связано с тем, что кто-то собирается тебя убить. Дайга Фантом, верно?

Я нахмурилась.

– А ты откуда знаешь?

– Доходят слухи.

Я не парилась с расспросами. А смысл? Нужно только подождать, неспешно глотнуть вина и…

– На самом деле на меня, благодаря систематическому шантажу и строго выверенным поощрениям, работает клерк из Ставки Командования.

Во-о-от.

– Разумеется, сперва он думал, что сумеет надавить на меня, – продолжила Лиетт. – Я настояла на необходимости исправить ошибку в его суждении и предположила, что мы оба потратим время с куда большей пользой, если он будет снабжать меня сведениями о действиях Революции.

Я спрятала улыбку за бокалом. Кто-то, думаю, сочтет подобное хвастовство неприятным. Лично я не могу не восхищаться человеком, способным прогнуть под себя несокрушимую Революцию.

К тому же когда Лиетт хвастается, ее голос становится звонким и увлеченным, и это очаровательно.

– Ох, бля, – произнесла я, – какое загляденье, ты и твои обалденные шпиончики.

– Я могла использовать шпионов, – отозвалась Лиетт, возвращаясь к привычному осторожному тону. – Или же просто-напросто услышать буквально из любого разговора о женщине в татуировках и шрамах, явившейся с огромным револьвером.

А я-то надеялась, что в этом городе не сплетничают.

– Когда ты принесла Прах, я получила подтверждение. – Лиетт скрестила руки на груди и поболтала вино в бокале, окинув меня взглядом. – Ты нашла среди добра Дайги нечто такое, что не смогла выпить, скурить, сломать или продать, но не захотела выбросить. Следовательно, ты принесла это нечто ко мне.

Если послушать Лиетт, можно подумать, что она на редкость умна. И это правда, как и то, что она – так уж вышло – весьма хорошо меня знает. А еще – она та еще сволочь. Впрочем, тогда я не собиралась ей что-либо предъявлять.

Я допила вино и отставила бокал, а потом, убрав палантин, потянулась к поясу. Извлекла свернутый клочок бумаги, подняла его в двух пальцах.

– У него было сообщение. Шифровка. Не могу прочитать ни слова.

– В этом обычно и заключается смысл шифра, да, – ответила Лиетт тоном «я-никогда-не-огребала-по-лицу». – Будь письмо революционным или имперским, полагаю, сейчас ты мучила бы их.

– Именно, и раз уж я надеюсь помучить тебя, это дела скитальцев. С простым шифром я бы пошла к любому простому ублюдку. Но тут магия. – Я протянула лист. – И мне нужен чарограф.

Слово, которое я только что произнесла, заставило Лиетт сжать губы в тонкую полоску и широко распахнуть глаза. Как Вольнотворец она навлекала на себя гнев каждой из воюющих сторон, но как чарографу ей грозила смерть. Обитель считает это искусство богохульным, Революция – нечестивым, Империум – изменой. Вольнотворца могли счесть безобидным чудаком. Тот, кто занимался чарами, был преступником.

И все же…

Лиетт долго смотрела на записку, не в силах оторвать взгляд. Любой другой увидел бы в ней лишь повод меня вышвырнуть. Но не Лиетт. Она не могла. Она дала клятву собирать все доступные знания.

И я всегда знала, что она не устоит перед вызовом.

Лиетт взяла лист двумя руками, жадно уставилась. Затем ее пальцы дрогнули – а следом и все тело. Она вдохнула, опуская взгляд.

– Сэл…

Она произнесла мое имя. Не прошипела, не выкрикнула, просто… произнесла. И я с трудом услышала, что она проговорила дальше.

– Я… я не знаю.

Я могла бы спросить почему. Могла бы умолять, упрашивать или попытаться ее обмануть. Кое-что из перечисленного дается мне весьма неплохо.

– Мы оба знаем, как все это начинается, – прошептала Лиетт, не глядя на меня. – И я знаю, как заканчивается. Тут не бывает только дел скитальцев или еще каких, одолжений или нет. Я просто… – Она покачала головой. – Извини.

Но я не могла обмануть ее. Не могла умолять и упрашивать того, кто дал бы мне все, что мне было нужно. И не могла спросить почему. Потому что она могла ответить.

И я просто кивнула. Спрятала записку обратно в пояс, поправила вокруг шеи палантин. И, повернувшись к лестнице, подумала о том, сколько ступенек пройду, запрещая себе оглядываться, прежде чем сумею притвориться, что вовсе не собиралась уходить.

И тогда Лиетт схватила меня за запястье.

Я оглянулась, но она смотрела не на меня. Вернее, не в лицо. Ее глаза опустились мимо рубахи и жилета на мой живот – и широко распахнулись.

– Что стряслось?!

– С чем? – Я тоже глянула на свою обнаженную, исчерченную шрамами кожу. – С рубахой? Ну, наверное, немного вызывающая, но там же сраная жара.

– Не это, тупица.

Лиетт подняла длинный край палантина, открывая фиолетово-черный синяк, расцветший на моем боку, словно мертвый цветок, и указала на него пальцем.

– Это.

– А-а. Это.

Я собиралась сказать что-нибудь поумнее, но, по правде говоря, сама я его не заметила. Расписанный на удачу материал способен помешать болту – даже выпущенному из грозострела – прошить легкие, но при ударе все равно жесть как больно. Я далеко не в первый раз отделывалась кровоподтеком там, где при ином раскладе померла бы. Да и у меня почти каждый день что похуже приключается, в самом-то деле.

Мне казалось странным, что Лиетт уставилась на меня в абсолютной ярости.

– Попади выстрел в тебя, ты умерла бы, – прорычала она голосом, совершенно не привыкшим к таким звукам.

– Как и большинство выстрелов, ага. Но это был всего лишь болт. Магия палантина выдержала и…

– Я дала тебе блядский палантин не для того, чтобы ты его гребаным доспехом считала, срань ты эдакая! – Лиетт выставила руку. – Дай сюда.

Я вскинула брови. У меня есть только два способа заставить Лиетт ругаться, и один – скверно обращаться с ее трудами. Как бы то ни было, я стянула палантин и отдала ей.

Лиетт расправила его, окинула взглядом не просто придирчивым, а одержимым. Затем перевернула, проверяя каждую ниточку.

– Идеален, – пробормотала она. – Все на своих местах, нет дыр, нет разрывов. Такой отметины не должно быть.

– Ну, он спас меня от смерти. Уже кое-что.

– Он должен спасать тебя от вреда, тупица. – Сердитое выражение лица Лиетт превратилось в гримасу боли, как только перед ней предстал мой кровоподтек во всей красе. – Твою ж мать, выглядит плохо.

– Нормально.

– Кто здесь гребаный доктор?

Я моргнула.

– Никто?

– Ну, будь я малость тупее, считалась бы им, так что стой, мать твою, и не двигайся.

Я действительно иногда забывала, что она леди. Правда, справедливости ради, она редко об этом напоминала. Однако она – Вольнотворец, а значит, любой обнаруженный изъян в ее творении – оскорбление куда страшнее, чем можно выразить человеческим языком. Как я забыла это, ума не приложу. Но Лиетт быстро напомнила, опустившись на колени и дотронувшись до моей кожи руками.

Я чуть не содрогнулась. Меня дырявили пулями, резали, душили, однажды даже избили рыбиной. Я ни за что не дам повод трепаться, что Сэл Какофония задрожала, когда ее коснулась девушка.

– Только посмотри на эту жесть, – пробормотала Лиетт, осторожно пробегая ладонями по синяку. Через мгновение, впрочем, желание дрожать исчезло. Тело помнило ее руки, помнило, как скользили ее нежные пальцы. И впервые за долгое время я ощутила, как мышцы расслабились, как напряжение соскользнуло с меня, словно тяжелый груз.

Я ощутила себя в безопасности.

– Как ты ухитряешься, Сэл? – Голос Лиетт стал мягче, ладонь спустилась ниже, нашла шрам на бедре – от плохо зажившей глубокой раны, – бережно его обвела. – Как, мать твою…

Она глянула на меня снизу вверх. А я на нее – сверху вниз.

И увидела не гнев, не злость, не те чувства, которые она изображала только что. Я увидела девушку с застенчивой улыбкой, которую она больше никому никогда не показывала, и огромные глаза, в которые никто не осмеливался смотреть.

И она глядела на меня.

И улыбалась нежнее всех.

– Как человек твоего ума ухитряется так пострадать?

У меня не было ответа. Не было никаких слов. Уверена, где-то они прятались, в месте, откуда я собиралась их вытащить при встрече с ней, но я просто… не могла их вспомнить. Я не могла вспомнить толком вообще ничего, кроме того, как скользнуть ладонями навстречу рукам Лиетт.

Я обхватила ее пальцы своими, мягко потянула, заставив подняться. Наши взгляды встретились, и она провела рукой вдоль моего бока, нашла испещрявшие его шрамы. Они не болели – когда она их касалась. Даже когда второй ладонью она дотронулась до моей щеки, очертила неровную линию, пересекающую глаз и…

Если тебе повезет, ты встретишь множество людей, которых будет приятно касаться. Если тебе очень повезет, встретишь нескольких людей, чьи касания будут приятны тебе. И если тебе по-настоящему повезет, встретишь одного, того самого, от чьего прикосновения ты будто выпрямишься и вдохнешь свободнее, словно до этого ты всю жизнь горбился и даже не замечал этого.

И если у тебя достаточно ума, ты будешь держаться за него как можно дольше.

Но если ты – это я, ты понимаешь, что долго не удержишь.

И я понимала, что все это неправильно, когда Лиетт, отстранившись, улыбнулась. Понимала, что буду делать так снова и снова, как всегда, как можно дольше. Понимала, что пожалею.

Она спрятала улыбку у меня на плече, прижалась, прошептала на ухо:

– Пахнешь ужасно.

9
Нижеград

Вольнотворцы действительно изобретают самые смертоносные орудия, которые виновны в миллионах галлонов крови, что орошают эту суровую землю, и в пологе из трупов, что укутывает ее плащом.

А еще один Вольнотворец изобрел душ, и это вполне уравновешивает предыдущий факт, правда?

Не пойми меня неправильно, убивать плохо, все дела. Но, чтоб меня, есть что-то особенное в предвкушении, в дребезжании бронзовых труб и в первых каплях, что смывают пыль, кровь и грязь, которые стали второй, а потом и третьей кожей.

Как только шрамы омывает вода, я на несколько минут снова чувствую себя не скитальцем, а человеком.

Но хорошего никогда не хватает надолго, верно? Виски заканчивается. Кровь высыхает. Любовники засыпают раньше тебя. Птицы жрут кроликов, а вода неизбежно становится холодной.

Я ходила сквозь снегопады и ливни – и ничего, но будь я проклята, если не подскочила от первых же холодных капель. Чуть шею не свернула, пока нащупала цепочку, которая выключает эту штуковину. Трубы перестали дребезжать. Стихло шипение пара.

Лиетт не должна была подпускать меня к своим удобствам – хотя, подозреваю, ей попросту не хотелось вдыхать все принесенные мной ароматы. В крошечной, выложенной плиткой комнате был подвешен бронзовый кран с цепочкой, стоял столик, а за деревянной перегородкой был туалет. Даже у баронов, у которых денег как грязи, не всегда были такие комнатки. И если про туалеты после их изобретения рассказали – в основном, из беспокойства об общественной гигиене, – то секрет душа Вольнотворцы до сих пор хранили только для себя.

И своих друзей, конечно же.

Я босиком прошлепала к столику. Пока приглаживала волосы, окинула себя взглядом, проверяя, не истекают ли кровью какие-нибудь неучтенные раны. Но ее в зеркале я не увидела. Я не увидела ничего, кроме кожи, татуировок птиц, туч и молний, бегущих по рукам и плечам.

И шрамов.

Я старалась на них не смотреть, но это было бессмысленно. Я все равно их чувствовала: узловатые, исчертившие мне бока, продиравшиеся вниз по ногам, и самый большой, змеившийся от ключицы к животу. Как я ни маскировала их татуировками, они всегда оставались со мной. Словно живые существа. Иногда мне казалось, что они переползают по коже.

Я разглядывала свое тело; шрамы с каждым вздохом шевелились, как живые. Смотреть на них, вымывшись дочиста, труднее. Под слоем грязи и крови их можно считать просто въевшейся дорожной пылью. Сейчас они словно вновь стали свежими, только что вырезанными.

Рука взметнулась сама собой, столик отлетел в сторону. Я вернулась к стопке своей одежды.

Надевать ее было не слишком приятно; рубаха, жилет и штаны по-прежнему смердели дорогой. Но хорошего понемногу, у меня еще куча дел.

И, как только пойму, что именно мне нужно сделать, я тут же этим займусь.

Я приоткрыла дверь ванной. Совершенно не похожая ни на тщательно продуманный убийственный хаос мастерской, ни на сумбур знаний в гостиной, спальня Лиетт была тихим и скромным местом. Мягкая кушетка со спинкой, несколько дорогих сердцу картин на стене, немного красивых нарядов в добротном комоде и большая, застланная шелком кровать, на которую я старалась не смотреть.

Книги, впрочем, нашлись и тут.

Я отбыла свое в Катаме, так что, разумеется, грамотностью не обделена. Но, как большинство вменяемых людей, читаю только вменяемые вещи: оперы, вестники, дрянные приключенческие романы и так далее. Лиетт же приберегала лучшие книги для спальни. Самые массивные и изысканные тома аккуратно лежали на столиках, на софе, а на комоде красовался самый внушительный, в черном кожаном переплете.

«Последний шепот императора», – узнала я.

Потому что сама его и принесла ей.

Что ж, еще одна вещь, на которую я старалась не смотреть. В этом доме таких, видимо, полным-полно.

Я тихо шагнула к гостиной и, увидев там Лиетт, замерла в дверях. Она стояла посреди хаоса из листов и переплетов, не подозревая, что я наблюдаю за ней.

В руках она держала мой палантин. Подняла его неуверенно, словно он состоял из острых граней, а не из мягкой ткани. Медленно обернула вокруг плеч, глубоко вздохнула, улыбнулась.

Я вспомнила, как она сделала это в первый раз. Она спросила тогда, что же я за женщина, если мне нужна подобная защита. Я ответила, что женщина честная, которая время от времени попадает в небольшие переделки.

Первая ложь, что она от меня услышала.

И не последняя.

И, если искать хоть какое-то утешение в том, что случилось на следующий день, я убедила себя, что лгала ей и похуже.

Я осторожно прикрыла дверь, громко прокашлялась. А когда наконец вошла, палантин оказался на спинке стула, а взгляд Лиетт – на открытой книге.

Рядом на столе лежал простой обрывок листа, который я нашла среди вещей мертвеца.

– Полагаю, надеяться, что ты не израсходовала всю горячую воду, вряд ли стоит? – поинтересовалась Лиетт, не поднимая головы.

– Я способна разочаровать тебя массой способов, – отозвалась я, забирая палантин и усаживаясь. – И раз уж я не притаскиваю тебе на порог трупы и не устраиваю у тебя дома перестрелки, я бы сказала, что израсходовать горячую воду – это всего лишь цветочки.

– М-м-м. – Лиетт окинула меня взглядом поверх очков. – Ты как всегда заботлива.

– Ну, я еще и прелестна, но не будем отвлекаться. – Я подалась ближе. – Прочитала?

Ответом было задумчивое «хм-м». Послание Дайге, подписанное именем Джинду, лежало в небольшом кругу из чернильниц, мешочков и перьев. Изящный пальчик Лиетт скользил от символа к символу, постукивая по листу.

– Сюда приложил руку Вольнотворец. Тоже чарограф, – произнесла она. – Знаки начертал Разочарованный-Автор-Сжигает-Свой-Дом-в-Полночь.

Я вскинула брови, впечатленная.

– Длинное имечко. Важная, должно быть, особа.

– Не пойму, это сарказм или невежество.

– Я тоже. – Я указала на чернильницы. – Значит, и это его?

– Нет. Это подарок.

Я невольно напряглась.

– От кого?!

Лиетт глянула на меня. На губах снова мелькнул призрак улыбки.

– Неважно, – отозвалась она, прекрасно, мать ее, зная, что важно. – Впрочем, ты права. Использовали не шифр. А магию, которую может прочитать лишь тот, кому предназначено послание. – Лиетт извлекла из мешочка горсть порошка, рассыпала его по символам. – Или тот, кто умнее ее создателя.

Один за другим знаки мигнули, тускло засветились. Лист дернулся, словно живой, и из него донесся едва слышный гул. Лиетт стукнула пальцем по символу, и он издал сладкозвучную ноту:

– *Приди…*

– Поющее письмо, – пробормотала я. – Думала, это искусство утрачено.

– Так и есть, – ответила Лиетт. – Для всех за пределами Империума. За исключением меня, разумеется. И того, кто это написал. И, вероятно, парочки незнакомых мне чарографов, а в остальном – да, искусство, конечно, полностью утрачено.

Лиетт простучала по остальным символам. Они, зазвенев, вывели тихую амелодичную песню.

> «*Приди к нам. Старкова Блажь, в день Шестой Жатвы. Тебя с презрением изгнали из Империума, тебя травили псы лже-Императора. Мы даруем возможность вернуть все. Твое искусство. Твою жизнь. Твой Империум. Приди к нам. Мы ожидаем*».

– Любопытно, – пробормотала Лиетт. – Старкова Блажь всего в десяти милях отсюда. Шестая Жатва была два дня назад. Я ничего не слышала, однако…

Она осеклась, заметив, что я не слушаю. Мой взгляд был прикован к листу. В ушах звенел голос письма. Не думала, что вновь услышу этот голос.

Пока не проткну клинком рот, который его исторгнет.

Два дня назад. Я разминулась с ним на каких-то жалких два дня. Если бы я выследила Дайгу чуть раньше, если бы пробила чуть больше черепов, сожгла чуть больше домов… И похер, что обо мне стали бы говорить.

Но я упустила время. Тут ничего не поделать. Я попыталась убедить себя в этом, попыталась сохранить спокойствие. Не вышло.

– Там говорится зачем?

– Нет. Только дата, место и…

Она не умолкла. Умолкают нормальные люди – когда боятся того, что нужно произнести дальше. Лиетт – не нормальный человек. Умолкнув, она встает и, мать ее, замирает.

– И что?

Пока ее не пошевелишь.

– И что, Лиетт?

– Сэл… – Ее голос был мягче лепестка, упавшего с мертвого бутона. – Почему ты пришла?

– Узнать, что в письме и…

– Нет, почему ты пришла ко мне?

Я помедлила, уставилась на нее.

– Потому что ты лучшая.

– Я не просто лучшая. – Лиетт не сводила глаз со своих изящных пальцев, лежащих на столе. – Я гениальна. Настолько гениальна, что понимаю – финал письма тебя не обрадует. Давай я просто скажу тебе забрать свой револьвер, забрать свои пули и отправляться куда подальше. Стреляй, убивай, пей, играй, как всегда. Возвращайся, когда кончатся деньги, виски, удача, неважно. Дам тебе новые пули, и будем дальше притворяться, что больше нас ничего не связывает.

Лиетт умела говорить красиво. Чего еще ждать от женщины с таким длинным именем. И она была умна – чего еще ждать от женщины с таким количеством книг. И будь у меня хоть половина ее ума, я последовала бы ее совету, забрала пули и отправилась на все четыре стороны.

Однако я женщина расчетливая.

Расчетливые женщины принимают расчетливые решения.

И мое было – сидеть и пялиться на Лиетт, как я делала каждый раз, когда мне было что-нибудь нужно. Солдаты, бандиты, скитальцы смотрели мне в глаза и ссали, выхватывая оружие, понимая, что сейчас умрут. Но Лиетт видела глаза, которыми я смотрела на нее столько лет назад.

Такими глазами я смотрела лишь на двоих.

И одного из них была готова убить.

– Что в письме?

Наши взгляды встретились.

– Имена.

Я медленно кивнула. Полезла во внутренний карман жилета. И там, у самого сердца, нащупала плотно свернутый клочок бумаги. Бережно, чтобы не порвать ветхие края, я развернула его и положила на колени.

– Скажи.

– Сэл, прошу…

– Скажи.

В повисшей тишине между нами разбилось нечто. Нечто хрупкое, нежное, о чем я никогда как следует не заботилась.

Но Лиетт подняла письмо. Провела по знакам. И его голос запел.

– Гальта Шип.

Я глянула на свой лист. Там было ее имя.

– Рикку Стук.

И его, на две строчки ниже.

– Занзе Зверь.

И он.

– Тальфо Плеть.

И он.

– Креш Буря.

И он.

– Враки Врата.

Лиетт умолкла, а затем проговорила последнее – так, как произносят проклятия.

Медленно, с великим сомнением и предчувствием смерти.

– Джинду Клинок.

В самом верху. Алыми чернилами. Самый первый, о ком я подумала, начав этот список.

Семь имен. Семь из тридцати трех. Кажется, немного. Однако в моем списке было еще одно, которое я вычеркнула ценой множества пуль, крови и трупов. Я убила бы и за одно из них.

За семь?

Сожгла бы дотла весь мир.

Я свернула лист, спрятала его обратно. Прошла к вешалке у двери. Закрепила свои ремни на поясе, пристегнула к бедру кобуру. Какофония почти прыгнул в руки, обдал ладонь теплом.

Он тоже слышал каждое имя.

– Сэл, – тихо позвала Лиетт. – Погоди.

Я, промолчав, надела палантин и закинула на плечо сумку. Я не могла слушать. Мы столько раз танцевали этот танец, что стоило музыке заиграть, как ноги уже начинали кровоточить. Не проронив ни слова, я шагнула прочь.

– Погоди!

Но Лиетт не молчала.

– Сэл, – она поднялась со стула. – Я не могу тебя отпустить.

– Оставь меня в покое, будь так любезна, – огрызнулась я через плечо. – Теперь ты собираешься толкнуть проникновенную речь о бессмысленности мести? Или цикличности насилия? В любом случае, если ты хоть немного меня уважаешь, избавь меня от этого дешевого, сомнительного оперного дерьма и…

– Я не могу тебя отпустить, – перебила Лиетт с нажимом, – потому что ты мне весь пол кровью залила.

Я шагнула в сторону. Коврик подо мной характерно хлюпнул. Опустив взгляд, я увидела темную лужу – натекшую из раны вдоль моего бока.

Больно было, не подумай.

Но Лиетт мне теперь в жизни этого не забудет.

10
Высокая Башня

На протяжении своей выдающейся карьеры на службе Революции Третта Суровая вела скрупулезный подсчет казней, к которым приложила руку.

Еще капралом она лично пристрелила шестерых солдат за трусость, двоих за кражу и одного за изнасилование. Когда ее повысили до лейтенанта, она осудила на казнь двадцать три человека за дезертирство, одиннадцать за контрреволюционные помыслы и шестерых за пособничество имперским силам. И, достигнув высокого положения военного губернатора, она лично смотрела в глаза каждого осужденного в стенах города.

Казнить – приказ безжалостный, но шла безжалостная война на безжалостной земле, и Третта не подведет Революцию и не станет уклоняться от долга. После стольких трупов она редко колебалась, давая отмашку расстрельной команде.

Но сейчас?..

У Третты впервые было столько причин казнить человека и ни малейшего понятия о том, как выбрать наиболее существенную.

Сэл Какофония, сидящая напротив, хлебнула воды, глянула поверх стакана на озадаченную Третту и вскинула белую бровь.

– Чего?

– Эти имена… – прошептала Третта.

– Которое? Лиетт? – Сэл мечтательно улыбнулась. – Красивое, да?

– Нет, кретинка! – Третта хлопнула руками по столу, который только и удерживал ее от попытки удушить пленницу. – Гальта Шип! Рикку Стук! Занзе Зверь!

– И Тальфо, и Креш, и Враки. – Сэл зевнула, вновь наполняя стакан из кувшина. – Все такие пафосные, правда? Видишь ли, прелесть Какофонии в том, что это слово интересное и длинное, но не обязательно подразумевает зло, а значит, не звучит так, будто я изо всех сил пытаюсь быть пугающей и…

– Мы знаем эти имена, – ледяным тоном произнесла Третта. – Впервые я увидела их три года назад. Они были написаны большими красными буквами в самом верху доклада посыльного, который добирался ко мне всю ночь. И с тех пор они значатся на всяком плакате и газете в Уэйлессе.

– М-да? – Сэл ухмыльнулась. – Им было бы приятно узнать, что они столь известны.

Она потянулась к стакану. Кулаки Третты вновь обрушились на столешницу. Сэл, нахмурившись, наблюдала за тем, как ее стакан летит и превращается в осколки.

– Хм, как грубо. – Она подняла взгляд. – Что же я буду пить?..

Договорить ей не дали затянутые в перчатки пальцы, схватившие ее за ворот. Третта сдернула пленницу со стула и ощерилась ей прямо в лицо.

– Я была готова признать, что ты просто очередной головорез, – прорычала она. – Очередной скиталец, который шлялся по пустыне и волею случая попал в историю не по зубам. Я была готова сделать этот разговор легким, а твою смерть – безболезненной. Пока ты не произнесла эти имена.

Сэл и глазом не моргнула, несмотря на руки Третты на своем вороте и на горячее дыхание, обдававшее лицо с каждым словом. Пленница безучастно смотрела в ответ.

– Значит, друзьями нам не стать? – поинтересовалась она.

Третта швырнула ее на стул так, что он проскрежетал по полу и с грохотом врезался в стену. Голова Сэл ударилась об стену почти беззвучно. Пленница подняла закованные в кан-

далы руки к затылку, на пальцах осталась кровь. На лице Сэл не отразилось даже намека на боль или страх. Третта ткнула в нее пальцем.

– Пока ты не произнесла эти имена, тебя ждала быстрая смерть. Но уверяю, я доставлю сюда допросчика из штаба самого Великого Генерала, и он выбьет из твоей пасти все до последнего слога, если ты сейчас не выложишь то, что о них знаешь. – Она вскинула палец перед лицом Сэл. – Единственный шанс. Не испытывай мое терпение.

Как и у всякого солдата Революции, карьера Третты Суровой измерялась не временем, а кровью. Третта смотрела в глаза имперской сволочи, подонков-скитальцев, дезертиров-контрреволюционеров и видела в них всю ненависть, злобу и страх, которые умирающий изрыгал в мир, прежде чем проронить последние капли крови в пыль. Но в тусклом свете камеры, в холодной голубизне глаз пленницы Третта увидела то, с чем прежде никогда не сталкивалась, уже второй раз за тот день.

Сэл глядела на женщину, которая могла приказать ее пытать, расчленить или бросить на съедение псам, и только безучастно и устало вздыхала.

– Ладно. – Она откинулась на спинку стула. – Полагаю, если имена тебе известны, ты слышала и о Заговоре против Короны.

Третта кивнула.

Шпионы-ноли в столице докладывали Уэйлессу о неумолимо растущем недовольстве среди магов Империи. Как только раскрылось, что будущий Император, юный Алтон, совершенно не обладает магическим даром, они подняли восстание.

Сие было доказательством, как утверждали философы Революции, неимоверного высокомерия Империума. Маги едва считали нолей людьми и не стали бы подчиняться одному из них. На одной чаше весов оказались десять тысяч лет верности империи, которую они выстроили. На другой – десять тысяч лет власти. И маги сделали свой выбор.

Они выбрали войну.

Одни открыто бунтовали и нападали на бывших товарищей. Другие без лишнего шума ускользали в Шрам, становились скитальцами, искали наживы.

Однако некоторых не устраивало ни то, ни другое.

Заговор был окутан туманом. План свержения правящей семьи и коронации полноценного мага так и не был раскрыт полностью, или его подробности не вышли за стены дворца. Известно лишь следующее: тридцать четыре мага, самых умных, самых талантливых и самых приближенных к Императрице, подняли тайное восстание, дабы убить ее, наследника и придворных, но не преуспели.

Хотя после поражения пленить их не удалось, революционеры Уэйлесса не могли не воспользоваться ситуацией. В начавшейся неразберихе Революция добилась существенных успехов – и за некоторыми стояла сама Третта.

Хорошие были времена.

Разумеется, пока эти тридцать четыре мага не появились вновь уже в Шраме, и Уэйлесс вдруг столкнулся со столь могущественными скитальцами, каких прежде еще не встречал.

– Обойдемся без пересказа, – произнесла Сэл. – Ты образованная женщина и несомненно знаешь, что стряслось с самим Заговором. – Усмешка перечеркнула ее лицо новым шрамом. – А я образованная женщина и знаю, что ваш Славный Генерал охотится на заговорщиков с тех самых пор, как они сбежали в Шрам.

– Революция полна решимости предать правосудию всю имперскую шваль до одного, – прорычала в ответ Третта. – Заговорщиков, скитальцев… – Следующее слово она и вовсе выплюнула. – Ненавистную преступницу Алое Облако…

– Алое Облако? – усмехнулась Сэл. – Ох, ну ни хера, если б я могла выдать тебе ее, мы б тут сейчас не беседовали, правда? Сложно было бы разговаривать, пока ты меня из благодарности зацеловывала бы, и все дела.

Третта сощурилась. Наверное, стоило ударить пленницу посильнее.

– Как, говоришь, твоя фамилия? – спросила Сэл. – Суровая?

Третта удивленно моргнула.

– Не припоминаю, чтобы назвала ее тебе, но да. Суровая.

– Суровая, Суровая… – Сэл задумчиво постучала пальцем по подбородку, кандалы звякнули. – Выше, чем Гордые, но ниже, чем Отважные, и куда ниже, чем Милосердные. Твоя семья, должно быть, запоздала на Революцию? – Пленница ухмыльнулась. – Поэтому Генерал дал твоему отцу имя Суровый.

– Тебе знакома Революционная история, – отметила Третта.

– Революция все еще юна, по крайней мере, в сравнении с Империумом. Не слишком долгая история. Но я определенно знаю, что ваш Генерал награждает любого, кто принесет ему сведения о заговорщиках. – Сэл цокнула языком. – Что он предложил бы тебе, военный губернатор Суровая? Новый пост? Новый чин? – Она заломила бровь. – Или новое имя?

В глазах Сэл больше не было пустоты. И Третта поняла, что сменившее ее хищное лукавство ей нравилось куда меньше.

– Продвижение по службе – это хорошо, спору нет, но с твоей смертью все кончится, верно? А вот имя… – Сэл усмехнулась, скрестила руки на груди, откинулась на спинку стула. – О, это уже новый чин для всей твоей семьи, правда? Военный губернатор Суровая достигла высот, но военный губернатор Лютая или Милосердная пробьет сраные облака, м-м? Больше продовольствия для супруга, доктора понадежней для занемогшего отца, школа получше для сына.

– У меня нет детей.

– Да плевать, я…

– И мой отец в превосходном здравии.

– Ладно-ладно, не цепляйся. Суть в том, что твой Генерал сделает из тебя по меньшей мере Отважную, когда получит сведения, что хотя бы один из заговорщиков точно мертв. А в твоих руках, милая моя, девчонка, которая может рассказать, что случилось с семерыми.

– Ты утверждаешь, что семеро из них мертвы.

– Я этого не говорила.

– Значит, живы?

– И этого не говорила.

– У меня нет времени на твои словесные игры, – прорычала Третта.

Смех Сэл прозвучал дорогим винным бокалом, разбившимся о холодные камни пола.

– Ладно, ладно. Но вот что я скажу наверняка. Убьешь меня сейчас – никогда не узнаешь, что с ними стряслось. И с Нижеградом. И с Кэвриком.

– Найдется тот, кто знает. – Третта попыталась улыбнуться, однако с непривычки вышло неловко. – Ты только что призналась в сговоре с разыскиваемой преступницей, Двадцать-Две-Мертвые-Розы-в-Надтреснутой-Фарфоровой-Вазе, и выдала ее жилище. Мы можем ее отыскать.

– Вы, безусловно, можете, кхм, поискать. Однако женщина, которая считает, что две фразы – это уже словесная игра, ее не отыщет. Что найдешь в тлеющей воронке на месте ее лавки в Нижеграде – все твое, милости просим. Ты скорее себя угробишь, чем обнаружишь хотя бы след.

– Тогда найдем по настоящему имени. Лиетт.

– Не найдете.

Третта зарычала.

– И почему же?

Усмешка Сэл смягчилась, стала отчужденной, усталой. Пленница опустила взгляд на свои руки и прошептала:

– Потому что это имя она называла только мне.

– Надо было убить тебя из принципа! – рявкнула Третта. – Столь наглое существо не имеет права на жизнь.

– Я-то не против. Но не думаю, что ваш Генерал обрадуется, когда узнает, что у тебя была возможность узнать, что случилось аж с семью заговорщиками, а ты ее похерила, убив меня.

– Не притворяйся, что знаешь, как мы действуем, – ухмыльнулась Третта. – Не веришь же ты, что Генерал хоть на мгновение задумается об очередном мертвом скитальце.

– Ну, никогда не брала на себя смелость утверждать, что постигла все премудрости вашей дивно досточтимой Революции, или похер какими прилагательными вы там ее называете. Я могу не знать, но слышать. И я слышала, что только за последний год ваш милостивый Генерал три раза проводил чистку личного состава. – Сэл лениво улыбнулась. – Человек, достаточно мнительный, чтобы трижды убить лучшего друга, способен в итоге выяснить что угодно. Или ты искренне считаешь, что твои солдаты отчитываются тебе – и тебе одной?

И тут с Треттой вновь произошло нечто, прежде не случавшееся.

Кровь застыла в жилах.

Нечто темное, неверное, просочилось вглубь головы, скользнуло вдоль позвоночника, свернулось кольцами вокруг ребер. Третта стряхнула его, убедила себя, что это лишь уловка скитальца – все они владели магией и не знали чести. Лишь очередная шутовская выходка. И Третта подалась вперед, чтобы сказать об этом Сэл.

Тыльной стороной ладони.

В этот миг вдруг скрипнула дверь. Третта оглянулась через плечо, увидела узкую полоску света. И темный глаз.

– Клерк Вдохновляющий, – выплюнула военный губернатор. – Как давно вы там стоите?

– Я не хотел вас прерывать, мэм. – Дверные петли застонали, и клерк неловко пробрался в камеру, покорно сложив руки. – Вы казались всецело поглощены, и я совершенно не желал прерывать и…

– И тем не менее прервали. – Третта потерла глаза. – Говорите уже, не тратьте мое время.

– О, в том-то и дело, мэм. Времени совсем нет. – Вдохновляющий поднял взгляд к окошку, сквозь которое сочился оранжевый свет заходящего солнца. – Пора, мэм. Расстрельная команда готова. Зрители собрались. – Под усами расцвела мерзкая улыбочка. – Близится казнь.

– Казнь свершится, когда я скажу.

– Разумеется, мэм, конечно, однако… – Клерк нервно глянул на Сэл, та равнодушно смотрела на него. – Вы ведь сообщили, что она свершится в это время. Мы дали знать населению, они собрались на расстрел. Подвести их было бы… – он облизнул усы, – позором.

Третта не могла не заметить ни паузу перед последним словом, ни намек на последствия. Дело не столько в позоре, сколько в прецеденте городского масштаба. Население Шрама под защитой Революции должно рассчитывать на две вещи: надлежащий порядок и жестокое наказание тех, кто его нарушает. Откладывание казни подрывает оба постулата, и это придаст смелости контрреволюционерам, которых Третта еще не успела искоренить.

Кроме того, рассудила она, перед ней ведь скиталец. Различались они разве что кичливыми, глупыми нарядами. В глубине души всякий скиталец все равно оставался имперцем, а значит, был грязным, высокомерным лжецом. И эта, что бы она там ни плела, точно такая же.

Лучше убить ее сейчас.

И все-таки… внутри Третты, извиваясь, скользило темное сомнение. На далеком горизонте ярко сияла надежда получить новое имя, новую жизнь для семьи. А тем временем перед глазами стояла кристально ясная картина.

Ее подпись внизу письма, которое придется отправить семье Гордых, – с сообщением, что ей не удалось вернуть их сына, Кэврика, домой.

Третта вздохнула, глянула на клерка.

– Команде оставаться наготове, – произнесла она. – Казнь переносится на два часа.

– Два часа?! – Клерк распахнул глаза. – Но к тому времени все уйдут ужинать! Люди, они…

– Отправятся есть, если захотят. Останутся, если захотят. Устроят беспорядки, если захотят, и присоединятся к пленнице у расстрельной стены. – Третта ткнула пальцем в сторону клерка. – Дайте им это понять предельно ясно. Уведомите штаб-сержанта – необходимо удвоить охрану.

– Но… но…

– Еще одно слово, клерк, станет нарушением субординации. Этим городом командует Революция, а не часы. – Третта указала на дверь. – Ступайте.

Вдохновляющий бросил на Сэл очередной встревоженный взгляд и торопливо метнулся к двери. Но затем замер, оглянувшись.

– Прошу прощения, мэм, но… касательно оружия…

– Если мне придется известить штаб-сержанта самостоятельно, клерк, я добавлю, чтобы он подыскал камеру и для вас.

Дверь тут же лязгнула. Воздух остался неподвижен. Третта вернулась к стулу, подвинула его и села, положив ладони на стол. Вперилась в Сэл спокойным взглядом.

– Что бы ты мне ни рассказала, – проговорила она, – я не гарантирую тебе жизнь.

– Я в курсе.

– Это вопрос долга. Те, кто нарушает законы Революции, должны поплатиться.

– Ага.

– Во имя славы и защиты нашего непрестанного марша нам надлежит…

– Твою ж мать, женщина, на кой ляд переносить казнь, если ты вынудишь меня удавиться, лишь бы этого не выслушивать. – Сэл вместе со стулом придвинулась к столу. – Я знала, что умру, как только меня сюда привели. Жизнь меня больше не волнует. Я уже сделала все, что должна.

– Тогда что…

– Моя история. Ты запишешь все, что я тебе расскажу. До последней сраной буквы. Передай мою историю другим. Сохрани ее в памяти. Расскажи всем, что Сэл Какофония сделала, прежде чем с хохотом отправилась в ад и оставила эту сумрачную землю вам, тупым ублюдкам.

– Почему? – сощурилась Третта.

Сэл улыбнулась.

– *Окумани ос ретар*.

– Разумеется, – закатила глаза Третта. – Опять имперские бредни. Давай без них, будь добра.

– Что ж, тогда следующая часть придется тебе по душе, – заметила Сэл. – В ней будут все, кроме имперцев…

11
Нижеград

В одной из моих любимых опер есть строка, звучащая примерно так:

«Тысяча людей, что встретятся тебе, подобны тысяче цветков, тысяче ароматов на ветру – миг наслаждения, и они пропали».

Очень уж она мне нравится. Или нравилась, во всяком случае, пока я не попала в Шрам. С тех пор я пришла к выводу, что она слишком уж превозносит людей. Как показывает мой опыт, они не очень-то похожи на цветы; скорее – на раны, на сотни мелких порезов, которые копятся всю жизнь.

Некоторые ты едва замечаешь, они исцеляются быстро, без единого следа. Другие, глубокие, заживают погано, и ты носишь шрамы до конца дней. А иные ты…

– Ай!!!

…постоянно раздираешь.

– Поаккуратнее, мать твою, пожалуйста, а?

Хотя ты хорошо знаешь, что не стоит этого делать.

Лиетт, сидевшая рядом с постелью, подняла взгляд – на ее лице не были ни капли веселья. Занесла перо, окунула кончик в светящуюся чернильницу. И продолжила выводить тончайшие письмена вокруг раны, демонстративно не обращая внимания на мою гримасу.

– Не шевелись, – пробормотала Лиетт, выписывая символы. – Ты с этой дрянью весь день проездила. Удивительно, что никакую заразу еще не подхватила.

– Ага, бля, чудо, – отозвалась я, снова морщась.

– О, хватит строить из себя дите малое. У тебя бывали раны и похуже.

Лиетт сурово глянула на меня через очки; на покрытый испариной лоб упали пряди волос, придавая ей вид очень раздраженного зверька в очень приятно пахнущих зарослях. Она потратила уже четыре часа, причем первые два ушли на то, чтобы загнать меня в постель. И, если бы в процессе она не растравила рану, я уже была бы на пути к Старковой Блажи.

Грозострел ударил куда сильнее, чем мне показалось. Палантин не дал болту прошить меня насквозь, но тот все же попал мне в бок. А потом была дорога сюда, перелезание через окно, ловушки, душ, все прочее… и эта рана не нашла лучшего времени, как раскрыться и залить все кровью сейчас.

Лиетт, конечно, говорила правду. Меня ранили и похуже. Иногда – из-за самой Лиетт. Я не имею ничего против боли. Но не выношу промедления.

Гальта Шип. Креш Буря. Рикку Стук.

Имя за именем звучали в голове. Тяжелые слова, вырубленные из железа, заточенные грубым камнем, вонзенные прямиком в мою спину.

Тальфо Плеть. Занзе Зверь.

Моргая, я видела лица. Кривые ухмылки и пространство без воздуха и света исчезали, как только я открывала глаза.

Враки Врата.

Я слышала голос.

Джинду Клинок.

Шепчущий из темноты.

«*Прости*».

И меня пронзило болью сильнее, чем от любой из ран.

Он там. Все они. Каждое имя из моего списка. И теперь, когда худшие собрались в сраном городишке Шрама, загнанные в угол, я не мчалась за ними и не совала Какофонию им в пасть. Я лежала, как хнычущий котенок, пока эта высокомерная, всезнающая засра…

– Блядь!!! – Мне обожгло бок.

– Дело хуже, чем кажется, – отозвалась Лиетт. – Но ты будешь в порядке.

– Мне не больно. Просто злюсь.

– Потому что больно.

– Потому что все это время у тебя был вискарь, и ты молчала.

Лиетт цокнула языком, с укоризной напоминая, что мне надлежит лежать смирно, пока ее перо выписывает на моей коже выверенные символы. Чаропись – искусство, и у него, как у любого другого, есть свои ученики и мастера. Уговорить меч взорваться пламенем – плевое дело. Искусство зачаровывания плоти, дабы рана милостиво затянулась быстрее, требовало скрупулезности.

И ей никак не способствовало то, что холст – то бишь я – дергался, орал и всячески матерился. Впрочем, а что еще я могла сделать? Чувствовать, как плоть сама собой стягивается – не самое страшное ощущение из тех, что мне доводилось испытать за последние несколько дней, но все-таки было охерительно больно.

– Ты и так слишком много пьешь, – пробормотала Лиетт.

– Не соглашусь. Если бы я вместо вина глотнула виски, не испытывала бы столь острой потребности тебе врезать.

– И слишком много дерешься, – отозвалась она с ноткой гнева в голосе.

– Опять же, обращу внимание на твое, как уже упомянуто, нетронутое лицо в качестве доказательства, что…

– И слишком много, мать твою, ноешь! – рявкнула вдруг Лиетт, отшвырнув перо, схватила меня за шею и рывком заставила посмотреть на мой собственный бок. – Или рану ни хера не видишь?

Рану я видела. Она зияла вокруг кровоподтека там, куда ударил болт. Обрамленная символами, выглядела она достаточно погано.

– Ты всегда так поступаешь. – Голос Лиетт вырвался злым шипением; она меня оттолкнула. – Всегда уходишь с мечом и этим… этим гребаным оружием и думаешь, что неуязвима, а потом, изувеченная, избитая, возвращаешься ко мне и считаешь, что раз тебе самой насрать, что с тобой творится, то и мне должно быть, и…

Ее ладони зависли в воздухе, пальцы подрагивали, будто хотели вырвать ответ из пустого пространства. Или впиться мне в шею и душить, пока не полегчает. Но, не сумев ни того ни другого, Лиетт стиснула кулаки и уронила их на колени. Опустила взгляд, уставилась на свои руки, способные сделать кусок шелка крепким, как сталь, словно в немом вопросе, почему они не могут сделать то, что она желает.

– Почему я не могу тебя остановить? – прошептала Лиетт.

Мне. Самой себе. Это было неважно.

Ее слова остались во мне. Не вонзенным в спину железом, но стеклом, прорезавшим душу во мне.

Я потянулась к ладони Лиетт. И, когда она отстранилась, я прекрасно поняла почему.

– Помнишь, когда мы последний раз виделись? – спросила Лиетт.

Я уронила руку. Она упала на простыни, налитая свинцовой тяжестью, безвольная. Я помнила. Отправившись в таверну за бутылкой вина для Лиетт – мне бы чего покрепче, но все-таки хотелось сделать ей приятное, – я услышала, как кто-то пробормотал имя. Я купила бутылку. Мы ее распили. За всю ночь я не произнесла ни слова. А на следующий день отправилась разузнать о том имени.

Спустя четыре месяца я нашла Дайгу.

И я его убила.

И вот я здесь.

– Когда ты вышла за дверь, я поклялась, что вижу тебя в последний раз, – проговорила Лиетт до боли тихо. – Не потому, что больше не хотела. А потому что знала, именно в этот раз ты, возможно, не вернешься, и однажды я услышу историю о том, как Сэл Какофония гниет в темной яме на просторах Шрама, где я никогда ее не найду.

– Я вернулась.

Мне хотелось произнести это с печалью. Но слова отдавали кислятиной на языке, неискренностью.

– Да. И я понимала, что ты вернешься, ведь так происходит всегда. Ты всегда приходишь ко мне, и я упрямо думаю, что вот теперь-то ты останешься навеки, но… – Лиетт закрыла глаза. – На этот раз я сказала себе, что не впущу тебя. А ты взяла и вломилась через гребаное окно, верно?

Не знаю, зачем я к ней потянулась. Может, решила, что так будет лучше, что если я дотронусь до нее, подержу за руку, то отыщу нужные слова. Но как только ее пальцы оказались в моих, все слова исчезли.

Только ее ладонь. Та, что касалась меня по ночам, когда я не могла спать. Та, что вытягивала меня наверх, когда за мной гнались толпы с мечами наголо. Та, которой я позволяла касаться моих шрамов, позволяла дать мне почувствовать, что они не часть сломленного человека…

Ладонь, которой придется штопать мои раны, а не созидать удивительные вещи, если я продолжу в том же духе.

И на этот раз отстранилась я. Поднялась с постели, и плевать на взвывший бок. Лиетт возмутилась, но я не слушала. Она права. Я все время возвращалась, я все время заливала ее порог кровью. Уйти – правильное решение. Проклятия, которыми она меня осыплет, – его цена. Я могла не обращать внимания на слова.

Но, впрочем, не на Лиетт в дверном проеме.

– Что за херню ты творишь? – вопросила она, вскидывая руки, словно они могли меня остановить.

– Ухожу, – ответила я. И вздохнула. – Ты права, мне нужно…

– …хоть раз в жизни подумать! – рявкнула Лиетт. – Да что, мать твою, в моих словах для тебя прозвучало как «давай-ка я просто выбегу из дома с тяжелой раной и получу вторую в придачу»?

– Но ты только что сказала, я…

– Ты не услышала ничего из того, что я тебе сказала, потому что ты меня не слушаешь, – прорычала Лиетт. – Никогда, мать твою, не слушаешь! Всегда решаешь, что знаешь ответ, и уходишь, не давая мне даже закончить предложение. Так что позволь выразиться предельно ясно.

Глаза за стеклами очков стали убийственно серьезными. Охереть, а они всегда были такими большими?..

– Я знаю имена в том списке. И что они сделали. И что случится с тобой, если ты за ними отправишься.

Лиетт – Вольнотворец, искатель истины. Она не умела лгать. И не представляла, что случится. Иначе поняла бы, почему я не могу остаться.

– Дерьмо из-под птицы, – прошипела я. – Тогда ты знала бы, почему это письмо означает, что дело совсем хреново. И сколько людей погибнет, если я их не остановлю. – Я сощурилась. – Ты не знаешь, что они натворили. И на что способны.

– Я… – возмутилась было Лиетт, но ее голос умолк, взгляд потух. – Хорошо. Этого я не знаю. Но знаю, что ты отправилась на поиски этих имен и была ранена. Что, услышав о них,

ты коснулась шрамов. Что иногда во сне ты шепчешь имя. – Она уставилась на меня поверх оправы. – Не мое имя.

Люди – это раны. Они болят и кровоточат. Некоторые – совсем недолго. Иные не прекратят, пока ты их не заставишь.

Лиетт всегда пыталась вылечить раны. Она не представляет себе мира, в котором она не способна все починить, исправить. Поэтому я и спросила ее имя. Выяснила ее настоящее имя. Поэтому она и встала на моем пути, раскинув руки.

Словно могла меня остановить.

Я попробовала протиснуться мимо. Лиетт толкнула меня обратно.

– С дороги, – прорычала я.

– Нет, – отозвалась она.

– Ты думаешь, что можешь мне помешать?

– Да.

– И как?

– Я – Двадцать-Две-Мертвые-Розы-в-Надтреснутой-Фарфоровой-Вазе. – Лиетт задрала нос и выпятила грудь. – Я вдыхаю жизнь в неживое и отвечаю на загадки всего сущего за чашкой чая. Я могу тебе помешать.

– М-да? – Я положила ладонь ей на голову и грубо оттолкнула в сторону. – А еще ты мелкая.

Лиетт пошатнулась, я шагнула вперед. Услышала ее недовольное бурчание. Лиетт попыталась схватить меня за руку – и случайно задела пальцами рану, и мой бок тут же обожгло болью. Я вскрикнула и, сжимая его, рухнула на колени.

– Сэл!! – Лиетт упала рядом, держа меня за плечи. – Я… прости! Я всего лишь хотела тебя остановить! Я думала… я не хотела…

– Отвали, – прорычала я и, держась за косяк, поднялась на ноги. – Я в порядке. Мне…

– Тебе больно.

– Да потому что ты ткнула мне в рану, мудила! – Я отпихнула Лиетт и опять направилась к выходу. – Дай мне уже…

Она не дала. Снова преградила мне путь. У меня, конечно, фут и двадцать фунтов преимущества, но, как выяснилось, если ты ранена и получила еще сверху, отбиваться становится сложновато.

Лиетт поймала мое запястье и с силой толкнула. Я влетела спиной в стену, сдержав крик. Нахмурилась, глядя сверху вниз на Лиетт. Та взглянула на меня снизу вверх.

И я ее увидела.

Она не воин, но сражалась со мной. Не целитель, но старалась мне помочь. Я могла отбросить Лиетт в сторону, пнуть в голень, избить, сломать, если бы только захотела. И она это знала. Она видела, как я проделывала это с другими.

И она все равно сопротивлялась. Все равно за меня цеплялась.

Что она увидела, когда взглянула на меня? Неблагодарную дрянь, или скитальца, или очередную рану, которую ей не заживить. Но она увидела меня.

И потянулась.

И шелк ее платья прижался к моему животу.

И ее губы нашли мои.

Не знаю, сколько все продлилось. Ни от какой боли это не избавляло. Но я не отстранялась. А потом взглянула на Лиетт.

– Что за грошовое оперное дерьмо… – прошептала я. – С чего ты решила, что это меня остановит?

Не знаю, правда ли она так думала. Но она отвернулась. И я не могла ей этого позволить.

Я схватила ее за плечи, рывком развернула, прижала к стене. Наклонилась, притянула ближе. Ощутила ее вкус, запах – всю ее одним вдохом, с которым не могла расстаться.

В легких не осталось воздуха. От ног отхлынула кровь. От раны тоже, наверное. Или еще откуда. Я не могла думать, да и плевать. Я рухнула на постель, добравшись до нее лишь благодаря удаче и рукам Лиетт. Мы упали на простыни, она сверху, и наши взгляды встретились.

Мы знали, чем все кончится. Знали, что счастья не будет. Не у таких, как мы. Но вдруг…

Вдруг мы оказались совсем близко к нему.

Лиетт коснулась губами шрама на моей щеке. Спустилась ниже, поцеловала шрам на шее. И еще ниже, скользнув по шраму на ребрах, горячим дыханием прошла по шраму на животе, легонько задела зубами шрам на бедре. Расстегнула ремень, стянула штаны, коснулась меня языком.

Я закрыла глаза. Я ласкала ее. Она – меня.

И ненадолго мы могли притвориться, что больше ничего нам не нужно.

12
Где-то

Помню, как впервые его встретила. Тогда, давным-давно, все тоже казалось сном.

Как сейчас.

Я была маленькой. И хотела сделаться еще меньше, забившись в угол, съежившись, прижав крошечные коленки к груди и обхватив их ручонками. Когда этого показалось мало, я уткнулась в них головой и зажмурила глаза. Как будто это сделало бы меня незаметной. На меня посмотрят, решат, что я просто вещь, которую зачем-то положили не на свое место и которая здесь, в этом огромном зале, совсем не нужна.

И тогда меня отпустят домой.

Поэтому я зажмурилась. И заставила себя уменьшиться. И прождала, наверное, целую вечность. И открыла глаза.

Я была все там же. В огромном зале, заполненном чужими пустыми кроватями и незнакомыми людьми. Его называли казармой. Я не знала, что это значит, но это был не мой дом. И никто не собирался меня вернуть туда. И я расплакалась.

Не знаю, сколько мне тогда было. Я не помнила, когда последний раз лила слезы. Не знаю ни сколько я ревела, ни как громко. Но потом на мои плечи легли ладони.

Не помню самого человека, хоть и видела его во снах. Высокий он был или низкий, толстый или худой. Только глаза. Широко распахнутые, светлые, полные страха. И дрожащие губы, произносящие слова, которые я едва могла понять.

– Не плачь, – прошипел он. – Не плачь, не плачь. Нельзя плакать. Если будешь плакать, они решат, что это я виноват. Они решат, что…

Честно говоря, я не помню, что он говорил дальше. Я мало что помню.

Кроме мальчика.

– А ну убери от нее руки!

Он возник рядом с мужчиной, на фут ниже ростом, на сотню фунтов меньше весом. Он появился из темноты зала и ладошкой залепил взрослому пощечину.

И мужик отшатнулся. Вскинул руки, словно боялся мальчишки, словно тощие ручки могли рассечь его пополам. Попятился, виновато поскуливая, пока наконец не растворился во мраке.

– Он тебя обидел? – спросил меня мальчик. Тогда голос его был мягче.

Я покачала головой. Мальчик вздохнул.

– Не позволяй нолям так к тебе прикасаться. Им этого нельзя. Нельзя так прикасаться к нам. – Я не подняла голову, но знала, что он мне улыбался. – Не волнуйся, я не сделал ему больно. Мы защищаем нолей – и вообще весь Империум. А взамен они нам служат. Так было всегда. Маги защищают. Должно быть, тебя сюда прислали потому, что ты тоже можешь защищать людей.

Я еле-еле приподняла голову, увидела его ноги. И клинок, слишком большой для него, который волочился по полу. Мальчик поправил ножны, подтянув пояс на тонкой талии.

– Дорасту до него, как говорят, – пояснил он. – Но важно уже начинать упражняться. Выглядит, наверное, глупо, да?

Я, так и не подняв взгляд, смотрела на свои колени и плакала. Мальчик переступил с ноги на ногу, снова поправил меч.

– Тебя не отправят домой. Сколько ни плачь. Я пробовал.

Я ему не поверила. Он просто недостаточно сильно плакал. А я могла еще.

– А ты хочешь… пойти чего-нибудь поесть? Кухни уже закрыты, но для магов их должны открывать.

Я покачала головой.

– Ты же голодна?

Я кивнула.

– Тогда почему не хочешь сходить?

– А что, если придет мама или папа, а меня нет? Я должна ждать их тут, – ответила я сквозь слезы.

– Но они не… – Мальчик умолк, втянул воздух. – Можно, я тогда… подожду тут с тобой? Просто чтобы тебе не было одиноко?

Я помедлила. Потом кивнула. Он сел рядом. И мы вместе принялись ждать.

Еще до того, как я поняла, что никто за мной не придет, я все-таки взглянула на него. Его лицо было спокойным, глаза – ясными. Улыбка, как и меч, казалась слишком большой.

– Как тебя зовут? – спросил он меня.

Я ответила. И спросила его о том же.

И он потянулся к моей руке. И я взяла его ладонь. И не смогла вспомнить ни когда его пальцы превратились в семь черненых клинков, ни когда они пронзили мою кожу, ни сколько крови из меня вытекло. Но когда снова взглянула в его лицо, его рот был полон клыков, глаза стали черными провалами, и он проговорил сквозь алые потоки, стекающие по его подбородку:

– Меня зовут Джинду.

Я проснулась с криком. Вот только еще этого не знала.

Я не чувствовала под собой простыней, вымокших от моего же пота. Не видела льющийся сквозь окна слабый свет луны. И не знала, чей голос рвался наружу из моей глотки.

Голова была по-прежнему полна им. И, проснувшись, я по-прежнему видела перед собой черные провалы его глаз. Ощущала пронзившие кожу семь клинков. Чуяла запах хлещущей крови.

Крик перешел в рык, ладонь сжалась в кулак. Я взбрыкнула, со всей силы ударяя в тени, где он только что был. Он был всюду, куда бы я ни била. По-прежнему улыбаясь ртом, полным крови.

Я ударила еще. Мое запястье поймала ладонь. И второе. Что-то мелькнуло в темноте, отразив свет. И сквозь свои крики я услышала голос.

– Сэл!!!

Я все колотила кулаками, но она не дрогнула. Я все кричала, но она не прекратила звать меня по имени. И лишь когда я ощутила тепло – кроме того, что источало мое охваченное лихорадкой тело, – я наконец смогла сдержаться.

Она сидела на мне верхом, и ее волосы ниспадали спутанными прядями. Глаза даже без очков казались огромными – я даже различила их в темноте. Взяв мои ладони, содрогающиеся с каждым вздохом, она прижала их к своей обнаженной коже.

– Сэл, это я, – произнесла Лиетт. – Это я.

Она повторяла эти слова, пока ее голос не стал шепотом, а тело не налилось тяжестью. Лиетт медленно сползла на постель, одной рукой притянула меня ближе, другой погладила по волосам.

Она не стала спрашивать, что я видела, не стала говорить, что это был всего лишь сон. Она не произнесла ничего, кроме тех двух слов, которые повторяла раз за разом, пока мое дыхание не успокоилось, а тени не перестали блуждать перед глазами. Лиетт держала меня в объятиях, целовала в плечо, утыкалась лбом, пока и ее дыхание наконец не замедлила дрема.

Я закрыла глаза, чтобы последовать ее примеру. Но чувствовала, как с другого конца комнаты на меня взирает пара глаз. Как сквозь кожаную кобуру горит бронза, как скалится пасть. И пусть у него не было языка, я расслышала во мраке голос.

И он смеялся.

Усилием я прогнала этот голос из головы – как и тот, что пришел из сна. Сосредоточилась на дыхании Лиетт, на ее тепле рядом, которое грело, но не обжигало. Я цеплялась за нее, пока ночь тянулась к вечности.

Придет день, принесет с собой грязные дела. Завтра я ее оставлю. И если буду милосердна – и если ей повезет, – я больше не вернусь. Если мне повезет – и если она будет милосердна, – она не спросит почему. Я дала слово той штуковине в кожаной кобуре, тому списку имен. Завтра все исполнится, завтра они умрут. А Лиетт будет хорошо и без меня.

«И жили они долго и счастливо» – не про таких, как мы.

Но когда она притянула меня ближе, уткнулась мне в шею, и я ощутила кожей ее дыхание…

Ну, притвориться все-таки приятно.

К счастью, проснулась я одна. Когда сквозь ставни просочился утренний свет, рядом остались лишь спутанные простыни. Не знаю, кто за мной приглядывал, удача или некое таинственное божество, но на благодарности все равно не было времени.

Лиетт не готовила завтрак и не ждала, когда я приду на аромат картошки с яйцами. Мы не из того теста. Лиетт удалилась в другой конец дома – чтобы я убралась, не искушая ее задать вопрос, на который я отвечу ложью.

Это было проявление ее доброты. И я не собиралась потратить его впустую.

Я тихонько оделась – натянула штаны и ботинки, рубаху и жилет. Застегнула ремень с ножнами, закинула на плечо сумку, встряхнула палантин, чтобы тот стал плащом, и завернулась в него. На мгновение было притворилась, что могу уйти без него.

Но я чувствовала жар задолго до того, как приблизилась к двери.

Помедлила, глядя на него, словно могла вот так просто шагнуть за порог, и все. Забыть его и всю кровавую расправу, которую он чинил – которую мы еще учиним. Однако я не могла поступить так с Лиетт. И не могла нарушить свое слово.

Мы заключили сделку, он и я.

Ладонь дрогнула над кобурой, и даже сквозь нее мою кожу обдало его жаром. И все же он остыл, как только я обхватила его пальцами и высвободила. Какофония глядел на меня бронзовыми глазами, широко ухмыляясь, беззвучно смеясь. И без единого слова как будто поинтересовался:

Приступим?

Я убрала его в кобуру. Пристегнула к поясу. И вместе мы шагнули за дверь, навстречу нашим темным делам.

Не знаю, кто за мной приглядывал, когда я проснулась, удача или некое таинственное божество. Но была уверена, что ни того, ни другого не было поблизости, когда я перешагнула порог дома и взглянула на женщину прямо перед собой, темное пятно на фоне бледного рассвета.

Она молча проследила, как я закрыла дверь ее лавки. Лиетт была одета в дорожный костюм – в узкий жилет поверх длинной рубахи, ниспадающую складками юбку поверх облегающих штанов, ботинки. На бедрах – пояс, увешанный футлярами для свитков и чернильницами. Волосы скручены в тугой пучок, из которого нимбом торчали перья. В руках, затянутых в перчатки, Лиетт держала поводья хмурой Конгениальности; птица издала низкую трель, недовольная, что ей не дали выспаться.

Я, не глядя на Лиетт, погладила шею Конгениальности и выудила из седельной сумки тушку кролика. Правда, это нисколько не помешало Лиетт глядеть на меня.

– Я проснулась час назад, – заговорила она. – И бóльшую часть этого времени провела в раздумьях, что же сказать, дабы убедить тебя остаться. Ведь гнаться за теми именами – безумие.

– И что вышло? – проворчала я.

– Ничего, что могло бы сработать, – ответила Лиетт. – После я мельком обдумала вариант накачивать тебя чем-нибудь до бесчувствия, пока не образумишься.

Я кивнула.

– И?

– И усомнилась, что когда-либо этот час настанет. Ты, словно хищник, в своем развитии дошла до полной невосприимчивости логики. – Лиетт поправила очки на переносице. – Но ты постоянно поглощаешь столько разной дряни, что у меня не найдется достаточно мощной алхимии, дабы тебя усмирить.

– Справедливо, – согласилась я. – Ну и как ты пришла к идее отправиться со мной вместе?

– Шестой закон.

«Твою ж мать, – подумала я. – Тот, где Вольнотворцы клянутся защищать тех, кто им помогает, или убивать тех, кто причинил им зло?»

– В Старковой Блажи мой человек, – продолжила Лиетт. – Я должна убедиться, что она в безопасности. Если заодно удастся уберечь и тебя от смерти, путешествие выйдет вдвойне выгодным. Еще тебе понадобится чарограф, а другого у тебя нет.

– Неправда, – отозвалась я. – Я могу найти другого мастера – на которого мне будет плевать, если он пострадает, – и всаживать в него пули или ломать ему кости, пока не сделает, что мне надо.

– Верно, – ответила Лиетт. – Однако сие не так просто. И не так быстро, чтобы имена из твоего списка не ушли еще дальше. Ты уже отстаешь от них на два дня. Ты не станешь рисковать и терять время на поиски нового мастера. – Она строго на меня взглянула. – Или же на драку со мной, чтобы я не смогла за тобой последовать.

Я сощурилась.

– Я крупнее.

– Но ранена.

– И я злее.

– Я умнее.

– У меня очень большой револьвер.

– Если хочешь закончить наш спор прямо сейчас, не стесняйся его на меня направить.

Я посмотрела на Лиетт. Если бы я проспала чуть дольше или глотнула виски хоть на палец, то совершенно точно придумала бы славный ответ. Ну, по крайней мере, получше, чем этот.

– Ну, блядь, ладно, – проворчала я и взгромоздилась в седло. Конгениальность пронзительно крякнула от неожиданного веса на спине. Я взялась за поводья. – Держись сзади, когда я говорю держаться сзади. Когда говорю бежать – беги.

Лиетт кивнула.

– Я приложу усилия и…

– Приложишь, – отрезала я. – Или останешься, мать твою, тут.

Она с трудом сглотнула.

– Да.

Позже придумаю, как отправить ее подальше от всей этой грязи назад к безопасности, решила я про себя. Как только будет минутка поразмыслить, соображу, как уговорить ее вернуться в этот прелестный городок, пока я буду все портить в одиночку. Пока что эта самая

минутка уже случилась, и в тот момент я была вынуждена с Лиетт согласиться. Она и правда была мне нужна. И время стремительно утекало.

Особенно когда Лиетт не приняла протянутую ей руку.

– В чем дело?

– Не могла бы ты… – Лиетт, поежившись, указала на револьвер, – …убрать?

– Он очень скоро мне понадобится.

– Знаю, просто… – Она вздрогнула, отвела взгляд. – Все время кажется, будто оно на меня смотрит.

Я закатила глаза. Времени спорить не было. Я сняла Какофонию с пояса, убрала в седельную сумку. Ему это не слишком понравилось. Ладонь не прекратило жечь, даже когда я его отпустила; ощущая жар сквозь кобуру и ткань сумки, я подняла Лиетт в седло. Она обхватила мою талию руками.

Немного нечестно, мне кажется.

Если бы он знал, сколько крови мы прольем в тот день в Старковой Блажи, ему наверняка было бы плевать, как он туда добрался.

13
Старкова Блажь

Когда я подъехала к Старковой Блажи верхом на птице, небеса были пронзительно-голубыми и ясными, а полуденное солнце сияло так, словно его свет лился лишь для меня одной.

Что стало первым признаком – совсем херово дело.

Скажи, тебе доводилось лицезреть битву? Не грызню между разными лагерями Шрама, а полноценное сражение? Мне – нет. И, надеюсь, никогда не придется, если они хоть немного похожи на картину, которую я там обнаружила.

Ее называли Рог Лита, развалину-башню, что с незапамятных времен возвышалась над ветхими казармами. Кучка паршивых построек на камнях в глубокой жопе пустыни, на которую обычно всем было насрать с высокой крыши. Но оттуда открывался обзор на тракт между двумя крупнейшими фригольдами Шрама, и люди вдруг решили, что за нее стоит сложить головы.

Двадцать батальонов Революции атаковали имперский форт, насчитывавший тринадцать магов и несколько солдат-нолей, как мне сказали. Не знаю, что между ними произошло, – я-то никогда не могла придумать стратегию сложнее, чем «стрелять, пока не сдохнет на хер», – но увидела, что осталось после боя.

В небе было столько птиц, что, казалось, наступила ночь. Падальщики внизу, распухшие от сожранной мертвечины, валились с ног на радость еще голодным собратьям. Сама земля, как будто ожившая, кишела визжащим месивом из перьев и крови. Даже не подойти – набросятся сворой. Ноль или маг, им-то до задницы.

В Уэйлессе голуби переносят послания от одного форта к другому. В Катаме в прелестных домиках павлины поют дивные песенки для миловидных девчушек. А вот в Шраме нет никого столь полезного или очаровательного. Птицы здесь заняты тем же, что и остальные, – выживают за счет других.

Ты наверняка думаешь, что чистое небо – это добрый знак?

Есть три вещи, в которые никто из Шрама не верит: добрые знаки, безвозмездные подачки и правосудие.

Когда я добралась до окраины города, похолодало. В тени домов – высоких, из твердой древесины, на каменных фундаментах, типичных для этого уголка Шрама, где зима особенно сурова, – тепло солнца ускользнуло. Словно, увидев случившееся, решило, что больше не хочет здесь оставаться.

Его можно было понять.

– Мы на месте, – произнесла я – с некоторым трудом, ведь кое-чьи руки стискивали мне ребра буквально до хруста.

Лиетт подняла на меня взгляд. Судя по ее глазам, последний раз она моргнула, когда мы только выдвинулись. Лиетт с трудом расцепила хрустнувшие пальцы и соскользнула на землю. Выдернула из волос грязное перо, посмотрела на него, потом на меня. Я пожала плечами.

– Сама захотела.

– Это существо… – начала она.

– Эта барышня, – поправила я.

– Слишком быстрое, опасное и… и оно… оно что, гадило прямо на бегу?!

– Она плотно позавтракала. – Я похлопала Конгениальность по шее. – Не так ли, мадам? Да-да-да. Вы так замечательно откушали и…

Птица перебила меня громким вскриком и, взбрыкнув, подбросила в седле. Либо она в исключительно поганом настроении, либо что-то не так. Вероятно – и то и другое, но ответа все

равно не дождаться. Когда я попыталась натянуть поводья, Конгениальность дернулась вперед и высадила меня окончательно.

Я, глухо охнув, ударилась о землю, но повод не выпустила. Клекот перешел в вопли, Конгениальность бешено рвалась прочь, топала ногами и пиналась. Так она сломала бы себе шею, вскрыла мне живот когтями или привлекла внимание того, что прикончит нас обеих. Ну и какой у меня оставался выбор?

Я разжала руки и наблюдала, как она уносится вдаль.

– И чо?! – крикнула я ей вслед. – Решила, что это над твоей фигурой так пошутили?! – Я потерла ушибленное место. – Никчемная, блядь, птица.

– Ты как? – бросилась ко мне Лиетт, беспокоясь о все еще не затянувшейся ране.

– Нормально, – отмахнулась я и натянула палантин на лицо. – Нас ждет дерьмо похуже.

Я теряла Конгениальность и раньше. Несколько раз она меня сбрасывала. Однажды я поставила ее на кон и проиграла, а еще как-то я гналась за ней, почти голая, по пылающему городу, пока не упустила из виду в дыму. Мы всегда находили друг друга вновь. Об этом я не тревожилась.

Тревога – штука, которой обычно хватает с избытком; и, тем не менее, у нее есть предел. Всю свою я придерживала для того, что ждало нас за стенами Старковой Блажи.

Я глянула на стены. Потом посмотрела на Лиетт. Она, с трудом сдержав гримасу, кивнула со всей решительностью, на которую сейчас была способна. Я завернулась в палантин плотнее. Ощутила тяжесть Джеффа на бедре, расслышала звон патронов в кармане. А Какофония…

Он дал мне знать, что готов.

Ворота были нараспашку – еще один плохой знак. Никто в Шраме – кроме мертвых или тех, кто вот-вот таковыми станет, – не оставляет дверь открытой. Я замерла, вскинув руку, чтобы остановить Лиетт, осторожно заглянула за створку. Меня встретили немощеные улицы, длинные тени и холодный ветерок. Когда я шагнула дальше, никто не попытался меня застрелить или проклясть.

Я осталась жива.

Что, впрочем, не стоило считать добрым знаком. Просто повезло.

Я медленно шла по улицам. Если назовешь меня идиоткой за то, что не искала укрытие, я прощу. Но тут меня ждала отнюдь не кучка отбросов с револьверами. Бля, даже не простые маги. А самые могущественные, что когда-либо уходили в скитальцы, – которые думали, что способны бросить вызов Империуму и победить.

Укрытие спасет от пуль. А от того, кто может вызвать ураган силой мысли?..

Ну, такой вряд ли тоже станет прятаться.

– Так тихо, – шепнула Лиетт, держась позади.

– Было, – буркнула я в ответ.

– Вряд ли это хороший знак, да? Перед явлением скитальцев мир затихает.

– Кто сказал?

– Прочитала в книге.

– Угу. И там, в этой книге, часто встречалось слово «трепещущий»?

Лиетт уронила челюсть, тут же вспыхнув негодованием. Ее губы дрогнули, готовые дать выход праведному гневу. Я вскинула руку, мол, тс-с. И через секунду все утонуло в заполнившем мой слух звуке.

Далекое, неземное завывание. Отголосок песни Госпожи Негоциант. Совсем недавно здесь растратили немалое количество магии, и следы ее все еще можно было ощутить. Не знать, что ждет впереди, – плохо. Но я знала имена в том списке. Знала, чего ожидать.

И это было хуже.

Гальта Колючка.

Мастер заживления. Я скользила взглядом по улицам, стенам, карнизам – везде, где может притаиться почти неуязвимый убийца.

Занзе Зверь.

Мастер масок. Я пыталась уловить в воздухе миг затишья, которое обычно предшествовало прыжку чудовищной пантеры, налету исполинского ястреба, удару великого змея – он мог стать любым из них.

Рикку Стук.

Мастер дверей. Я вслушивалась в ожидании звука – едва уловимой ряби, что предупредит о портале за спиной, над головой, там, где я его не жду.

Тальфо Плеть.

Мастер мрака. Я следила за тенями, вглядывалась в те, что казались темнее прочих, что могли расцвести вокруг меня лесом кошмаров.

Джинду Клинок.

Этот…

Ну, к Джинду никак не подготовиться.

Но шаг тянулся за шагом, под ногами поскрипывал песок, и уже почти с полчаса ни меня, ни Лиетт не расшвыряли, не взорвали, не выпотрошили. За что я была благодарна, не пойми меня неправильно, просто никак не ожидала.

Я знала имена из списка. И они знали меня. Я ждала, что уже буду убита – ну, или глубоко в процессе убиения.

Однако, если не считать далекого отголоска песни Госпожи, холодного ветра и тяжести Какофонии у меня на бедре?.. Противников не было.

Или мне так казалось.

Краем глаза я уловила движение. И все думающие органы тут же схлопнулись; тело знало, как делать то, за чем не успевала голова. Рука рванула к поясу. Какофония прыгнул в ладонь, обдал кожу горячим нетерпением. Я вскинула его вправо. И, одновременно с тем, как большой палец лег на курок, а указательный – на крючок, мой взгляд уперся в прицел. Дыхание замедлилось.

Великолепное зрелище.

Уверена, что упитанный черный петух, который с кудахтаньем выкатился из двери, оценил его по достоинству.

Жирная мелочь вышагивал так, словно он тут сраный хозяин, оскорбленный моим вторжением в его владения.

– Потрясающе, – пробормотала рядом Лиетт. – И будет он молвить о сем дне, и всякая домашняя птица на шесть лиг окрест прознает, что негоже гневить Сэл Какофонию.

– Ой, да ну тебя на хер, – буркнула я.

Добавила бы кое-что еще, но по руке пронеслась вспышка боли. Перед глазами вспыхнуло алым, мышцы прошило иглами. Я дернулась, чуть не заорала. Чуть – потому что рука пылала невидимым огнем.

– Сэл!!! – бросилась ко мне Лиетт.

– Нормально, – процедила я сквозь зубы. Соврала, ничего не нормально. Но это пройдет.

Я вытащила Какофонию из-за курицы. Не скитальца, даже не бандитишки. Из-за сраной курицы. Вот он, понятное дело, и бесился, что его таланты столь бесполезно растрачивают.

Если бы я выстрелила в проклятую срань, он бы, скорее всего, эту руку мне оторвал.

– Это все он, да? – Лиетт провела по моей ладони своей, как будто ледяной. – Зачем он тебе вообще? Зачем нужно оружие, которое ранит тебя же?!

Ответить я не могла. Во-первых, поставь я под сомнение пользу Какофонии, он снова возмутится. А во-вторых, такого оружия, что в конечном счете не ранит своего владельца, попросту не существует.

Боль поутихла, и я убрала Какофонию в кобуру. Руку, впрочем, напоследок остро кольнуло. Он предупреждал. В следующий раз я его достану для неимоверного месива.

А вот Джефф?.. Джеффу плевать, что протыкать.

Он парень покладистый.

Я вытащила клинок и шагнула к птице. Застыла, когда мне в руку вцепилась Лиетт. Свирепо глянула на нее, почти ожидая вопроса, в самом ли деле я вознамерилась устроить поединок с петухом, который меня взбесил, и всецело собираясь ее заверить, что все именно так. Однако смотрела Лиетт не на меня. Она указала. Я проследила за ее рукой.

И увидела труп.

Мы прокрались в затхлое помещение. В крошечных поселениях типа Старковой Блажи годных таверн не найти. Вот и эту промозглую комнатушку, забитую столами, стульями и пыльными бутылками, сложно было таковой счесть. Даже стойка слишком мала, чтобы скрыть лежащее тело с вытянутой длинной, худощавой рукой.

Держа Джеффа наготове, я затаила дыхание. Прошло две минуты – и ничего не выстрелило, не вонзилось, не взорвалось. На время успокоившись, я подобралась к стойке и заглянула за нее.

На меня смотрели белые глаза мертвой женщины. Не просто широко распахнутые, а буквально – белые. Ни зрачка, ни радужки. Кожа сморщилась, тело усохло. Повидай я на своем веку меньше, решила бы, что передо мной глубокая старуха. И будь судьба милостива, я повидала бы меньше.

А что я там говорила про благотворительность?

– Ох, Отпрыски…

Я оглянулась на Лиетт.

– Твой человек?

Она молча протиснулась вперед и, оставив меня следить за входом, опустилась рядом с мертвой на колени. Провела пальцами по коже, висящей на костях так, словно кто-то выжрал из-под нее всю плоть.

– Выборочное поглощение, – забормотала Лиетт, явно ничуть не смущенная зрелищем. – Оно выело важнейшие части – органы, костный мозг, мышцы, – и оставило все прочее. Словно… – Она нахмурилась. – Ты когда-нибудь видела плащ без человека в нем?

Я не ответила. Лиетт все равно разговаривала сама с собой.

– Магия, очевидно. Но я никогда не встречала чары, способные на такое.

А я – да. Однажды.

Мне не понравилось.

И я, чтоб меня, не могла отделаться от мысли – что же творилось в голове несчастной в тот момент? Верила ли она, что ее спасет стойка? Что думала, когда мышцы усыхали, когда жизнь утекала из тела? Чье имя она кричала, когд…

Блядь.

Ну, суть ты улавливаешь.

Я тоже кое-что улавливала – то, что улавливать мне совершенно не хотелось. Что бы тут ни стряслось, что бы они ни планировали, я опоздала. Я знала это еще на подходе. Была готова увидеть весь ужас, который они заварили. Но до сих пор не понимала, что именно это был за ужас, помимо того, что боли он причинил много.

Скрип с верхнего этажа.

Далекий шепот песни Госпожи.

Гулкое нетерпение Какофонии в кобуре.

Магия. И близко.

– Что там?

Голос Лиетт упал до шепота. Чарографы, может, и талантливы – и все-таки они не маги. Лиетт не слышала, не умела слышать песнь. Но заметила, что ее услышала я.

Я жестом приказала ей оставаться на месте.

Переложила Джеффа в левую руку, правую опустила на Какофонию. Прижалась к стене и медленно пошла по ступенькам, не сводя глаз с верхней площадки, где располагались комнаты. Тени не выпрыгнули. Не ударили чары. Когда я поднялась, меня не встретило ровным счетом ничего, кроме слегка приоткрытой двери в конце коридора.

Неплохо.

Я осторожно ее толкнула, сунула нос внутрь. Передо мной предстала скромная комнатушка: пара кроватей, письменный стол и еще один поменьше, с непочатой бутылкой на нем. На колышках висела пара теплых дорожных плащей. Уютненько; ровно то, что в подобных местах и ищут.

Ну правда. Прелесть этой комнатушки почти не портил лежащий посреди нее труп с раздробленным горлом.

– Еще один, – мрачно заметила Лиетт, которой явно наскучило ждать внизу.

Я не стала ее останавливать. Она протиснулась мимо меня и опустилась на колени рядом с мертвецом. Я и не думала беспокоиться, пока Лиетт не шарахнулась от него. Она никогда не шарахалась.

– Ох, Отпрыски… – прошептала она. – Взгляни на его шею, – указала Лиетт на месиво красной плоти, которое только притворялось шеей. – Ее как будто раздавили.

– Наверное, другой агент постарался.

– Какой еще агент? – подняла на меня взгляд Лиетт.

– Он революционер, – отозвалась я.

– Чушь. Где тогда мундир?

– Ну, херовый был бы тогда из него шпион, м-м? – Я кивнула на кровати, безукоризненно заправленные, и ровненько стоящие рядом ботинки. – Солдат может сбросить мундир, но не привычки. И смотри, – я указала на непочатую бутылку вина. – Революционеры не пьют.

– Не самое убедительное доказательство.

– Ну да. Скорее – чутье. – Я сняла один плащ с колышка, взвесила в руке. Проткнула Джеффом его край и достала пачку аккуратно свернутых писем. – А доказательства – вот.

Скажешь, это странно, что я знала, где их искать? Ведь обычно весь смысл потайных карманов заключается в том, что никто не знает, где они. Думаю, для подавляющего большинства людей эти плотные плащи ничем не примечательны. Однако блистательное меньшинство обитателей Шрама, которые сталкивались с революционными агентами, переходили им дорогу или становились их целью – меньшинство, к которому я, так уж вышло, принадлежу, – знают, куда смотреть.

Я мельком пролистнула бумаги. Куча бреда. Очередной сраный шифр. Причем такой, что быстро и ловко, как магический, не разгадать. Революционное дерьмо из-под птицы. Я могла кое-что разобрать – в моей работенке с этими мудаками приходилось сталкиваться не раз и не два, – но общий смысл улавливала в лучшем случае очень смутно.

– Сюда отправили двоих, – пробормотала я, вчитываясь. – Для наблюдения. Они искали интересующую их личность. Скитальца. – Я сощурилась, словно ответ прятался от меня за этой дурацкой мешаниной символов. Ничего не нашла и выбросила послания. – Кого именно – не говорится.

– Может… одного из них? Из имен в твоем списке?

Я покачала головой. Отвернулась.

– Да хер знает.

Лиетт глянула на мертвеца.

– Вот этот знает, например.

Меня как ледяной водой окатило.

– Ты же не всерьез.

– Дело не в моей серьезности, – отозвалась Лиетт. – А в твоей. И если ты решительно настроена отыскать тех, кто в твоем списке… Если… – Она поколебалась, вздохнула. – Если так тебе станет лучше… то есть способ. – Лиетт снова многозначительно глянула на труп. – Он достаточно свежий.

Как я упоминала, чаропись – это искусство, что наделяет неживую материю новой сущностью. Сталь может стать мягкой, словно шелк; шелк может обжечь, словно пламя. Исход зависит от мастерства чарографа, нанесенных символов и особенностей материала, но, в теории, что угодно можно убедить стать чем-то другим.

Даже труп.

Мне это не нравилось. В нашем убогом мирке мало на что можно положиться, однако к одной вещи я все-таки привыкла: к тому, что мертвые остаются мертвыми. Ну, или должны оставаться. Правда, если знать подходящего чарографа и найти вескую причину рискнуть, это можно изменить. Лиетт – лучший чарограф. А причин у меня было семь.

И каждая стоила риска.

Я неохотно кивнула. Лиетт выдернула из волос перо, сняла с пояса чернильницу. И принялась выводить символы на лице мертвеца аккуратными, выверенными движениями. Она знала, как опасно облажаться.

Но Лиетт – лучшая. И, как только она вывела последнюю черточку, глаза мертвеца распахнулись. Почерневшие от крови, сгнившей изнутри, они смотрели в никуда. Губы задрожали, и с них сорвался едва слышный, словно звучащий издалека, напряженный голос.

– Неумолимый, – охнул мертвец. – Это ты?

Я не знала, к чему это он, но не собиралась спрашивать. Все равно не услышит. Мертвопись способна заставить достаточно свежее тело пережить его последние мгновения. А более сложные чары обычно заканчиваются… грязно.

– Брат мой, – прошептал он. – Что с твоим лицом? Я слышал на площади шум. Что стряслось? Туда вели людей. Ты видел нашу цель? Ты видел Враки?

Была лишь одна вещь, способная заставить мою кровь похолодеть в жилах. Это имя. Имя, которое возвращало меня к беспросветной тьме, тихому перешептыванию и крови, стекающей на ледяные камни пола. Имя, которое вызывало у меня желание развернуться и бежать прочь.

Я его сдержала. Я продолжила слушать.

– Неумолимый? Ты не… Погоди, вернись. ВЕРНИСЬ!!! БРАТ, ЭТО!.. ЭТО… ЭТО…

Лиетт поспешно стерла со лба мертвеца символы. Он рухнул на пол, снова став нормальным покойником.

– И все?

– Начал повторяться. Значит, больше его труп не вспомнит.

– Дерьмо из-под птицы, – проворчала я. – Ты куда больше добивалась от тела, я видела.

– Ты видела. – Лиетт одарила меня пустым взглядом. – Помнишь, чем дело кончилось? – Она покачала головой. – Если тебе недостаточно, Сэл, считай это доказательством, что весь твой замысел – блажь. Их здесь нет. Они сотворили такое, чтобы избавиться от преследования. – Лиетт указала на раздробленное горло мужчины. – Что тебе еще нужно?

Я уставилась на труп, прокручивая про себя его последние слова. Лиетт смотрела на меня, надеясь, выжидая, когда я наконец уступлю, признаю, что затея моя бессмысленна, когда я образумлюсь.

Разочаровывать ее мне было не впервой.

Да это, чтоб его, даже не самое страшное ее разочарование в тот день.

– Что он там сказал, – спросила я, – о городской площади?

14
Старкова Блажь

Раньше магия была полна таинства.

Когда она впервые открылась человечеству, ноли принялись сжигать ранних магов заживо. Те, в конце концов, начали сжигать нолей в ответ, и ты знаешь, что в итоге из этого всего вышло. Магия стала наукой: ее можно измерить, воспроизвести, предсказать. Маги вычислили, что в точности нужно отдать, чтобы получить желаемое. И с тех пор мы все время от времени себя убеждаем, что управляем магией.

А потом внезапно случается нечто такое, и ты понимаешь, что это только иллюзия.

А потом ты вдруг видишь то, что открылось мне в тот день на площади Старковой Блажи. И тогда ты понимаешь, что ни хера не знаешь. Ни о магии. Ни о людях. Ни о том, на что способны магия и люди.

Я знать не знала об этой площади до появления в городе семи заговорщиков. О женушках, что сплетничали и смеялись у колодца. О детях, которые наверняка там играли. О стариках, ворчавших под карнизом лавки о тяжкой жизни.

Но их мертвые тела не оставили мне выбора.

Деревца. Они походили на бледные деревца. Усохшие руки стали чахлыми веточками. Обрюзгшие ноги вросли сучковатыми стволами в почерневшую землю. Тела оказались изогнуты, изломаны под неестественными углами.

Сам воздух был пронизан неправильностью. Там, на площади, померк солнечный свет. Дома покосились, потрескались. Дерево вместе с птицей, на нем сидевшей, раскололось на две идеально ровные, обескровленные половины. И царила вонь похуже гниения – словно тысяча трупов в запертом склепе разом обратились в прах, стоило двери открыться.

Всю эту гнусность, весь дух этой мерзости источал круг.

Вырезанный в земле с невозможной, неземной точностью, какую не могла создать рука человека. Он поглотил всю площадь, выжег землю до черноты, превратил ее в гладкий обсидиан. А внутри него замерли деревца, которые раньше были людьми; их ступни утонули в черной земле, тела скрючились в тщетной попытке сбежать, спастись, а лица неотрывно смотрели в центр, не в силах отвернуться.

Тела усохли. Плоть сгнила. Они умирали медленно. В мучениях. В страхе. И остался лишь адский пейзаж, лишенный света, лишенный всяких звуков.

Кроме характерного бульканья.

Я оглянулась и увидела, как Лиетт, привалившуюся к стене, тошнит на дорогу, как она дрожит и судорожно вдыхает воздух между приступами.

– И как мы там поживаем? – поинтересовалась я.

– Погоди чуть… – Лиетт, не поднимая головы, вскинула руку. – Я сейчас… – Если она хотела сказать что-то кроме «выблюю все, что съела за последние пару суток», можно смело назвать ее врунишкой. – Что… что тут стряслось?!

– Призыв, – ответила я. – Не самый лучший.

Конечно, они не считались благим делом. Вскрыть между мирами рану – мягко выражаясь, искусство неточное. Интуитивная, животная магия, даже в случае успеха оставлявшая язвы – язвы, которые вызывали у большинства приличных людей, включая Лиетт, вот такую реакцию.

Мне, впрочем, было плевать. В первый раз все равно воняло куда хуже.

– Что?! – Лиетт, пошатываясь, встала рядом, вытерла рот платком. – Они на такое способны?

– Один из них, – пробормотала я, рассматривая застывший во времени ужас. – Его зовут Вратами не потому, что он любит придерживать дамам дверь.

– И… и что же он призвал?

Я не хотела отвечать. В хороших руках призыв может быть довольно безобидным – ну, по крайней мере, если безобидными окажутся губительные существа из иного мира, которых вытащили в наш. Иногда это стрекоза с крыльями из витражного стекла, иногда – кошка с шестью лапами и человеческими глазами, иногда – человекоподобное создание, которое умеет взрываться.

Но не в этом случае. Потому что руки Враки – не хорошие.

И если ты слышала о Заговоре против Короны, ты знаешь и его имя. А значит – и слухи.

Он – Дарование, как говорят, рожденный любимцем Госпожи Негоциант, которому не нужно платить за силу Меной. Говорят, он и создал Заговор, призвав в наш мир черных духов. Говорят, он выпотрошил свою фаворитку за то, что она недостаточно громко ему аплодировала во время дружеской дуэли. Говорят, он…

Ну, о нем многое говорят, но я не всему верю.

Тому, кто знает его, известно, что это все лишь россказни.

А еще – что правда намного хуже.

– Что бы ни явилось, – произнесла Лиетт, указывая вдаль, – оно было огромным.

На другой стороне площади стоял симпатичный маленький домик, который определенно был бы куда симпатичнее без здоровенной сраной дыры в стене. Сквозь нее виднелась разгромленная кухня. За ней – еще одна дыра в следующем доме, и так далее, вплоть до крепостной стены, сквозь которую тоже, удирая, пробилось нечто.

Кровь застыла в жилах – и отнюдь не от вида разрушений. Щербатые разрывы и раздробленные доски я могла бы объяснить чем угодно. Однако эти дыры были выгнутыми, гладкими, словно дерево и камень, ужаснувшись увиденному, по собственной воле отчаянно спешили убраться с его пути.

И на это способно лишь одно создание.

Ну ни хера ж. Я знала, что Заговор опрометчив. Знала, что Враки отчаян.

Но даже представить, сука, не могла, что он способен призвать Скрата.

Если б меня спросили, что они такое или почему мысль о том, что один из них теперь шляется по Шраму, вызвала у меня желание развернуться и бежать что есть сил в противоположном направлении, я не ответила бы.

Просто обвела бы рукой его творение – превращенных в деревца людей, ужасающее совершенство разрухи вокруг и то, как все живое стремилось спастись от его явления, – и любой здравомыслящий человек не стал бы повторять вопрос.

– Не может быть.

Как выяснилось, здравомыслие тут было редкостью. Лиетт, справившись с тошнотой и со страхом, осторожно подкралась к месту призыва. Держась подальше от мертвецов – и явно избегая их пустых взглядов, – она принялась изучать руины.

– Не похоже ни на один вид магии, о котором я читала, – прошептала Лиетт. – Чего этим добивались?

– Ничего, – отозвалась я. – Что-то пошло не так.

– Например?

Ответить ей я не могла. Не могла объяснить, что раз Скрат сбежал, значит, призыв не сработал как надо и Враки утратил над ним власть. Не могла ей ничего рассказать, ведь если она спросит, откуда я это знаю, после моего ответа она больше никогда не захочет взглянуть мне в глаза.

– Слишком много лишних жертв, – наконец нашлась я. – Выполненный правильно призыв будет чист. Относительно чист, во всяком случае. – Я прошла между мертвецами, раз-

глядывая почерневшую, гладкую землю. – Но призыв существа столь внушительного требует колоссального количества магии. Магии, которой не обладает даже Враки.

– Вероятно, он использовал концентрирующий объект.

– Почему ты так решила?

– Потому что только что его нашла.

Лиетт держала в руках то, что прежде было обелиском. Или его подобием. Теперь он раскололся на три части и стал бесполезен, однако раньше был средоточием, редкой вещицей, способной усиливать чары. Однако в приличных местах вроде Империума их не встретить. Лишь там, где магию не отшлифовали, среди шаманов, знахарей и…

– Обитель, – прошептала я. И указала на письмена, вырубленные в камне. – Он из Обители. Это их безумные религиозные бредни.

– Давай не будем спешить с выводами? – нахмурилась Лиетт. – Религиозное не обязательно значит безумное. – Она задумчиво хмыкнула, изучая письмена. – Впрочем, здесь безусловно произошла какая-то извращенная херня. Обитель не расстается со своими сокровищами добровольно. Можно сказать, вообще не расстается.

– Значит, за ними придут. – Я забрала у Лиетт осколки, спрятала их в сумку. – А это прекрасная причина убраться, пока они не…

Лиетт меня не слушала. Даже в мою сторону не смотрела. И то, что она делала, заставляло скучать по тем временам, когда она, согнувшись пополам, блевала.

Лиетт подошла к человеку, высокому деревоподобному мертвецу. Сняла с пояса чернильницу, вытащила из волос перо. Обмакнула его в чернила, присматриваясь к лицу, выискивая подходящее место.

– Нет, – с нажимом произнесла я, догадавшись, что она удумала. – Мертвопись – дело дурное и без того, что эти трупы изуродованы немыслимой, неизвестной магией.

– Именно поэтому и стоит выяснить, – отозвалась Лиетт, выбрав место на щеке. – Мы еще никогда не сталкивались с такой магией. Мы должны узнать, как она работает. Рассказать могут лишь мертвые.

– Женщина, тебе могу рассказать я! – Я раскинула руки, указывая на разрушения вокруг. – Кто-то наложил заклятие, призвал жуткую сущность, а потом случилось вот это все дерьмо. На кой тут нужны научные исследования, когда…

– Второй закон.

Я нахмурилась. Потому что знала – ее не переубедить. Если любопытство я еще могла пресечь, то свои клятвы она любила сильнее, чем меня.

Среди Законов Вольнотворцов, коих бесчисленное множество, нет столь же непреклонного, как второй. Он повелевал им перечить империям, обострять революции, неотступно следовать за знаниями любой ценой.

– То, что запретно… – начала Лиетт.

– Всенепременно необходимо, – закончила я.

Огляделась. Городок был безлюден, а если запретное искусство даст мне ключ к поискам Враки, я это переживу.

– Только давай побыстрее.

– Чаропись – искусство деликатное, – отозвалась Лиетт куда высокомернее, чем можно было ожидать от женщины, готовой расписать труп, и занесла перо. – Если бы процесс можно было, как ты того желаешь, ускорить, тогда мы все…

И тут мертвец ее схватил.

Почерневшие пальцы сомкнулись вокруг запястья. Лиетт закричала, но поняла я это лишь по ее открытому рту и ужасу на лице. Все звуки утонули в вопле мертвеца.

– ГДЕ ОНИ?! – взвыл он. – ПРОШУ, СПАСИТЕ ИХ!

– Сэл!!! – взвизгнула Лиетт, силясь вырваться на свободу.

Я метнулась к мертвецу – если сейчас его можно было так назвать – за спину и воткнула ему между ребер клинок. Острие пронзило черную плоть насквозь, но существо даже не дрогнуло.

– ИХ ЗАБРАЛИ! ОНИ ЗАБРАЛИ ДЕТЕЙ! – выл мертвец, подтягивая Лиетт к себе. – ОН СКАЗАЛ, ДЛЯ ПРИЗЫВА НУЖЕН СОСУД! ОН ЗАБРАЛ ДЕТЕЙ!

Лиетт билась изо всех сил – я остервенело пыталась выдернуть меч, – но мертвец не обращал на нас совершенно никакого внимания. Правда, он не пытался ни укусить ее, ни оцарапать, ни еще чего там можно ожидать от трупа. Он схватил ее за плечи, заставил смотреть ему в лицо. И, когда в бесцветных глазах отразился свет, я поняла, что никакой это не мертвец.

Это существо было живо.

– СПАСИ ИХ! – взвыл он. – Спасиспасиспасиспасиспаси…

Меч выскользнул. Потекла кровь, почерневшая, густая, как подлива. Мертвец – теперь уже настоящий – обмяк, жизнь в нем угасла, голос утих. Но его слова звучали у меня в голове.

Дети. Сосуд. Дань.

Я и подумать не могла, что Враки способен на такое. Он забрал не только жизни.

Я глянула на Лиетт, но та по-прежнему не сводила глаз с мертвеца. Раскрыв рот, пытаясь то ли найти слова, то ли вдохнуть, она содрогалась всем телом, держась за запястья, которых коснулся мертвец.

– Лиетт, – позвала я, потянувшись к ней.

Взгляд Лиетт метнулся ко мне, и в больших стеклах очков я увидела ее ужас, увеличенный в несколько крат. Она уставилась на меня – с грязным клинком, с заляпанной черной кровью кожей, – и затряслась так сильно, что могла бы рассыпаться. Моя рука опустилась, голос утих. Я застыла. На меня однажды так смотрели.

Она – никогда.

Лиетт отвернулась. Побежала. Скрылась за домом.

Я не стала кричать ей вслед. Не сумела найти слова. Несмотря на все, с чем мы вместе сталкивались, я иногда забывала, что она не такая, как я. Она не видела то, что видела я. И она не сталкивалась ни с чем подобным. Я не могла осудить ее за побег.

– Вы слышали это, братья?

Пока не раздались шаги. А вот теперь я ее осуждала.

Я метнулась к углу таверны и выглянула на улицу, которая вела к главным воротам. Мельком заметила обнаженную кожу, черные татуировки, алую ткань и, что самое главное, клеймо огромного, багрового глаза.

И, к своей чести, умудрилась не обосраться.

Я развернулась и рванула обратно, так быстро, насколько осмелилась, к площади. Лиетт нигде не было. А у меня не было времени ее искать.

Потому что в мою сторону шли обитатели.

Я вспомнила, что видела постройку с крепкими дверями – чтобы бандиты не совались. Нашла ее, протиснулась внутрь, закрыла эти крепкие-но-не-настолько-чтобы-выстоять-против-тех-одержимых двери и задвинула засов. Скользнула к окну, прижалась к стене рядом, вытащила Какофонию, убедилась, что в барабане есть патрон.

Со стороны, наверное, выглядело перестраховкой.

Но тот, кто так бы подумал, вряд ли знал, что это были за люди. Ну конечно. Нельзя понять гончих Обители, пока не увидишь их в деле. Тот, кто видел, как правило, умирает.

Лиетт понимала. И я надеялась, что кто-нибудь там меня услышит и она догадается спрятаться и не высовываться.

Сквозь пробитую в стекле дыру доносились звуки: шарканье ног, треск пламени, надсадный кашель. И дребезжащий, безумный голос.

– А-а, узрите, – хихикнул пронзительный, явно женский голос, – ересь.

На площадь вышли трое мужчин, одетых только в штаны, ботинки и плотные красные платки, повязанные поверх глаз. Каждый дюйм обнаженной кожи покрывали кровавые раны; на груди было вытравлено изображение рыдающего кровью глаза. Несмотря на ясный, солнечный день, они держали горящие факелы.

Огонь нужен им не для освещения.

Среди них была женщина в алой мантии, изможденная и скрюченная, несмотря на юную, гладкую кожу. Не возраст заставлял ее опираться на посох. И уж точно, блядь, не возраст выскоблил ей глаза, оставив взамен лишь зияющие алым дыры.

Процесс превращения в легендарных Незрячих сестер, кровавых гончих Обители – тайна, но никто не становился после него симпатичнее.

Женщина окинула черный круг в центре города пустыми глазницами и улыбнулась, обнажив острые зубы.

– Нас благословили грязью, братья, – прошипела она. – Созревший кладезь гнили, который надлежит очистить. Видящий Бог доволен нашей службой.

Я никогда не завидую вере в божественное. Мне встречалось слишком много людей, верящих, что боги хранят их, но Шрам – место суровое. Кому не хватает вискаря, держится за богов. Раньше здесь было около сотни мелких культов, посвященных тому или иному божеству, сулившему спасение от зверей и бандитов. Пока Обитель не возвела стены и не превратилась из чудаковатого сборища крошечных поселений в армию охотников на ведьм, жаждущих сжечь любого, кто не разделяет их веру.

– Что там, почтенная сестра? – спросил один. – Я не вижу.

– Разве? – отозвалась женщина. – Позволь пролить свет.

Раздалось тихое шипение. И в черных провалах, где когда-то были глаза, занялись огни – алые, словно факелы. Женщина окинула площадь взглядом.

– Воздух неподвижен. Солнце холодно. Даже для птиц сие место сверх всякой меры нечисто. – Она постучала посохом по твердой черной земле. – Однако сию магию не способны породить смертные руки, неважно сколь грешные. Чуете, братья? Здесь семь душ призвали врага. – Она помедлила, пронизывая пространство пылающими глазницами. – Он удрало. Двое бросились в погоню. Третий таился поблизости, но ушел. Четверо увели из сего смиренного места жизни заблудших ягнят. И для сего они использовали сокровище Зрящего Бога…

Что бы ни превращало храмовых дев Обители в зубоскалящих, искалеченных Незрячих сестер, эти ритуалы были загадкой для всех, кроме них самих. Все, что известно, – они остаются напрочь блаженными, но получают особый дар вынюхивать все магическое. Хоть мага, хоть Прах, хоть Реликвию.

Например, как ту, что была у меня.

Блядь.

– Сюда призвали великую мощь, – пробормотала сестра. – Сотворили великую ересь.

– Вся магия – ересь, – проворчал второй ее спутник. – Лиходею, что скрывается, надлежит узреть свет. Зверю, что крадется, надлежит страшиться дня. Мужу, что ведет дурные речи, надлежит очиститься пламенем.

– Священное писание однозначно, брат, – забубнила женщина. – Но есть ересь и есть мор. Одно следует за другим, подобно тому, как птицы следуют за падалью. В этом месте высвободили великое зло, – она медленно обвела площадь огнями глазниц, – и оно по-прежнему не рассеялась.

На единственный жуткий миг она уставилась прямо на меня. Мой взгляд встретился с ее горящими глазницами. Я пригнулась.

Блядь.

Как я уже говорила, о Зрящем Боге мало что известно. Доподлинно ясно только одно: он кое-что подарил своим последователям. Нечто древнее, могущественное. То, что не способны

объяснить талантливейшие ученые Империума. И я бы сейчас с удовольствием обошлась без его попыток прикончить меня.

К слову, дарованные силы меняются от одного последователя к другому. Неизменна лишь способность чуять магию, как птицы чуют мертвечину. Но Слепая ведь не могла учуять Какофонию, правда?..

Револьвер потеплел в ладони, словно отвечая. Я вообще бы не удивилась, если бы он принялся их сюда зазывать.

Я взвела его курок. Затаила дыхание, ожидая шагов, звона стекла, удара в двери.

Но раздался надсадный, хрипящий кашель.

– Сестра? Что такое?

– Слишком много гнуси в воздухе, – ощерилась та. Огни погасли, глазницы вновь потухли. – Не могу найти источник скверны. – Она окинула поселение скрюченной рукой. – Ищите, братья. Ищите извращение, что оскорбляет нашего Господа. И если ускользнет, – прошипела Слепая сквозь гнилые зубы, – сожгите все дотла.

Шаги. Ворчание. Я, выглянув, увидела, как обитатели расходятся, принимаясь за дело. Что может оскорбить обитателя – сложно сказать, но сколь бы ни были многочисленны их тайны, объем их внимания крайне мал. У них сотни вопросов, но лишь один ответ, и наверняка они быстро кого-то найдут, причем не меня.

Мне нужно было отыскать Лиетт.

Убедившись, что обитатели скрылись, я приоткрыла дверь и устремилась обратно к главной улице. Судя по звукам, за мной никто не бросился. Не послышалось ни воплей, ни цитат из священных писаний, или что там их обычно возбуждает. Таверна была самой высокой постройкой в городе. Можно залезть на ее крышу, пробраться по верхам, найти Лиетт. И точно так же оттуда убраться.

Великолепный план.

Обидно, если, хм-м, скажем, именно сейчас на огонек решит заявиться шайка революционеров.

Стон колес. Скрежет железа. Рев двигателя. И облако черного дыма, возвестившее прибытие жуткого чудища из метала и гари, которое выкатилось из-за линии горизонта и понеслось прямиком на меня. Железная повозка на огромных колесах, перемалывающих землю под собой, изрыгала пламя и дым из душников по бокам, с ревом летя вперед.

Я догадалась, что это, раньше, чем его увидела. Но проклятая дрянь двигалась так быстро, что уже через мгновение можно было различить клеймо на его торце. Шестерня с двумя перекрещенными саблями.

Революционный Железный Вепрь.

Я уже говорила, что не верю в бога, – и, по большому счету, это правда. Я не думаю, что где-то есть великодушное создание, которое не дает нам творить несправедливость и хранит нас от зла. Но, с другой стороны, не все же боги великодушны, верно?

А скажи ты мне там и тогда, что есть божественное существо неизмеримой власти, которое намерено поиметь меня лично?

Во-о-от в это я бы поверила.

15
Старкова Блажь

Первого Железного Вепря бросили в бой каких-то десять лет назад. Жуткое чудовище, изрыгающее пламя, пробило ворота имперского гарнизона и выплюнуло из себя отряд революционеров, которому удалось половину местных убить, а остальных взять в плен. Для Империума это стало неожиданностью; там считали, что изобретательность механиков Революции давно исчерпана.

Разумеется, позже мы узнали, что для создания проклятой дряни Великий Генерал угробил две тысячи рабочих, добывавших железо. Во время закалки погибло еще шестьдесят мастеров. Трое механиков, ее сконструировавших, позже получили клеймо контрреволюционеров и были вздернуты. Столько своих людей Революция сгубила ради того, чтобы прикончить чуть больше сотни врагов.

Но это реальность. Она не играет роли в войне. То ли дело – легенды. И в тот день родилось две из них. Первая – сам Железный Вепрь, машина столь огромной скорости и страшной разрушительной силы, что каждый форт Империума в Шраме запросил укрепление. А вторая?..

Легендарная способность Великого Генерала класть еще больший хер на своих людей, чем противник.

Моя собственная легенда, по сравнению с этим, чуть скромнее, но я понадеялась, что в конечном итоге выйдет что-то в духе: «Стояла на пути шестнадцатитонной железной твари и НЕ свернулась в клубок, ожидая смерти».

Я юркнула в таверну и захлопнула за собой дверь. Запирать на засов не стала, не было времени. Вместо этого – рванула в конец коридора на втором этаже. Думала я только о том, чтобы убраться как можно дальше.

Вепрь со стоном замер. Заскрежетали колеса, содрогнулись стальные бока, с грохотом распахнулись дверцы. Замелькали штык-ружья и синие плащи; к городским воротам, выпрыгивая из чрева машины, заспешили мужчины и женщины.

Они бросились по укрытиям, а затем, убедившись, что главная улица пуста, все шестеро встали ровным квадратом – штык-ружье на плече, значки блестят, не придраться.

Отдам должное революционерам: после всей вашей пропаганды с промывкой мозгов строй выходит отменный.

– Главная улица – чисто, сержант! – гаркнула юная барышня в старом мундире. – Ждем приказов!

Спустя мгновение в воротах показался знакомый силуэт – высокий парень в грязном синем мундире, с потертым штык-ружьем, с потемневшими от гари волосами и кожей. В сумрачном свете Нижеграда он показался мне даже красивым. Пришлось признать, что в холодном свете Старковой Блажи он выглядел чуточку лучше: волевой подбородок, ясные глаза, шрамы там, где они бывают у честных людей.

Как там его звали?

– Врагов не замечено, сержант Гордый! – снова гаркнула девушка.

– Ни одного? – уточнил Кэврик, встав перед строем.

– Ни одного.

Кэврик хмуро окинул взглядом пустую улицу.

– Ни врагов, ни мирных, ничего, – пробормотал он. – Да мы своим грохотом и мертвых бы подняли. Кто-то должен был выйти на разведку. – Кэврик потряс головой. – Если Неумолимый и Карающий по-прежнему здесь, значит, они или скрываются, или…

– Не страх ли я чую, младший сержант? – донесся из Вепря рокочущий голос, и следом показался человек ему под стать. На землю ступил громадный верзила, на котором трещал по швам мундир, с лицом, будто вытесанным одним камнем из другого. Он был выше и шире всех здесь собравшихся, такое телосложение позволило бы ему разорвать человека пополам, и таким нравом, который позволил бы ему съесть останки.

Но не это было в нем самым пугающим.

А оружие в его руках.

Если, конечно, ты догадаешься, что это оружие. Он держал его двумя руками, длинное и увесистое, словно ружье, созданное без капли металла. Оно казалось каменным – не вытесанным, но сотканным, словно кто-то достиг самого сердца древней скалы и принялся лепить, пока не получил вот это. На конце того, что можно было принять за ствол, вместо дула блестел гладкий кристалл.

Я имела несчастье увидеть несколько таких штук вблизи и все равно не представляю, как описать революционные Реликвии. Никто вне Революции до сих пор не знает, откуда они взялись и как действовали, – но их мощи хватило, чтобы разношерстная горстка бывших рабов сумела сдержать магический натиск Империума.

Так что – м-да, я не слишком была рада ее видеть.

– Страх есть плодородная почва для плуга контрреволюции, – прогудел мужик, вперившись в Кэврика взглядом. – И такими мыслями вы помогаете делу, младший сержант?

Солдаты вытянулись в струнку с куда большим рвением и трепетом, нежели перед Кэвриком. Младший сержант лишь наклонил голову, не желая отводить взгляд первым.

– Хранитель Реликвии Тягостный, – отозвался он. – Я всего лишь излагал возможности.

– Агентов Неумолимого и Карающего сюда, для наблюдения за этим поселением, направил сам Великий Генерал, – проговорил Тягостный. – И я, – он похлопал по своему чудовищному оружию, – на пару со Сплоченным Кулаком Непререкаемой Истины был послан вернуть их обратно. Неужто вы сомневаетесь, что Великий Генерал избрал бы хоть одного из нас, если бы помышлял о неудаче?

Кэврик выразительно посмотрел в сторону.

– Я так не считаю, хранитель.

– Необходимо служить примером. – Тягостный окинул взглядом улицы. – В последний раз скитальцев заметили именно здесь. Мы не уйдем, пока они не будут мертвы – или Неумолимый и Карающий не будут найдены. – Он снова уставился на Кэврика. – Возражения, младший сержант?

Кэврик промолчал. Хранителей для своих орудий Великий Генерал назначает лично. И на такой вопрос этого военачальника есть лишь один правильный ответ.

Ну, формально, их два – если посчитать за ответ издаваемые тобой крики, пока тебя разрывают на части орудия, которых не должно существовать.

– Желания Великого Генерала ясны. – Тягостный зашагал вперед. – Всякий, кто не присягнул на верность Революции, умрет.

– Свирепый, Прилежный, – подал голос Кэврик; двое солдат в конце строя вытянулись в струнку. – Занять позицию у ворот. Бить тревогу, если кто войдет или выйдет. – Он сделал знак еще двоим: – Блистательный, Вдумчивая. Прочесать улицы, проверить подходы, найти, где он мог скрыться. – И кивнул оставшимся: – Способный и Великодушный, вы со мной. Сбор через пятнадцать минут на главной площади, скорректируем план. Будьте начеку. Будьте бдительны. Будьте осторожны. Десять тысяч лет.

– Десять тысяч лет! – гаркнули солдаты как один и отправились выполнять приказ.

Я скорчила гримасу, расслышав, как лязгнули их штык-ружья, переведенные в положение для стрельбы. Примитивное оружие – неточное, неизящное, немногим больше причудливого копья, способного выстрелить единственной пулей.

Но когда в пуле лежит заряд севериума, изящество и точность не нужны. Вне Революции его встретишь нечасто, и он способен прорвать броню, щиты и – в неосторожных руках – плоть самого стрелка.

Так что – ага, и это дерьмо тут совсем не добавляло радости.

– И, во имя милости Генерала, не упускайте друг друга из виду, – крикнул вслед Кэврик. – Если кто-то пропадет, поднимайте тревогу. Неумолимый ни за что меня не простит, если во время его поисков я допущу гибель собрата.

Я проследила, как они разошлись. И, честно сказать, осталась под впечатлением. Большинство знакомых мне революционеров – либо фанатики с промытыми мозгами, либо нечистые на руку чинуши. Я и не думала, что однажды увижу того, кому не насрать на своих солдат.

Красив, честен и добр вдобавок. А этот младший сержант Кэврик Гордый казался человеком вполне достойным похвалы.

Очень жаль, если придется его убить.

Если он настолько умен, как я надеялась, или настолько туп, как выглядел, до этого не дойдет. А я, если буду осторожна, сумею выбраться отсюда живой.

Мне только надо отыскать Лиетт…

А еще – избегать революционеров…

И их мощных штык-ружей…

И орудия, что изрыгает смерть…

И рыщущих вокруг безумных сектантов – охотников на ведьм…

И…

В общем, пора было приниматься за дело, пока я не задумалась о том, насколько все плохо.

Я потянулась за Джеффом, как бедро вдруг обожгло. Какофония едва ли не выл, страстно желая выбраться наружу. Я не собиралась тратить здесь пули, не говоря уже о магических, но жжением сквозь кобуру и ткань штанов Какофония настойчиво требовал внимания.

Иногда приходится его баловать.

Револьвер буквально прыгнул мне в руку, уже не такой тяжелый, обдал жарким нетерпением. Я загнала еще одну пулю – Руину – в барабан, защелкнула его. План по-прежнему заключался в том, чтобы свалить по-тихому, однако мне еще никогда так не везло. А если придется наделать шуму…

Ну, бля, уж лучше тогда пошуметь на славу, верно?

Когда революционеры скрылись из виду, я беззвучно спустилась вниз по лестнице и выглянула из таверны. Вокруг было столько глаз, что по разгуливать по крышам слишком рискованно. Дозорные стояли ко мне спиной, остальные убрались. Выскользнув за дверь, я как можно тише и быстрее нырнула в ближайший переулочек.

Я попыталась представить Старкову Блажь. Поселение достаточно большое, чтобы ворота не были единственным выходом – еще одни, скорее всего, расположены с тыла, на противоположном конце. Лиетт, догадавшись об этом, направится именно к ним. Я, вероятно, могла пробраться туда закоулками прежде, чем дозорные появятся и там, а потом дать деру.

И вот, увлеченно пробираясь между домами, я вдруг услышала сдавленный шепот.

– Мать твою через колено…

Я выглянула за угол в очередной переулок, выходивший прямиком на площадь с ее изломанными мертвецами и черной землей.

Кэврик и двое солдат, растеряв запал и дисциплину, взирали на жуткое творение Враки. Позабыв про штык-ружья, широко распахнув глаза в отвращении, непонимании, разинув рты в…

– Блядь… бля-а-адь…

…явной нехватке слов.

– Сержант, – прошептал солдат. – Не может ли среди них…

– Ни один не похож на Неумолимого. – Кэврик потряс головой. – Но… твою ж… Вот за чем его отправили. И мы слишком поздно… – Дыхание его вырвалось вздохом, полным холода и отчаяния. – Слишком, блядь, поздно.

– Имперцы – животные, сэр, – прорычал второй солдат. – Скитальцы, не скитальцы, любой маг – сраный психопат. Нужно вернуться с полным батальоном, сжечь каждый дом дотла и…

– У нас другой приказ, – перебил Кэврик. – Огонь не поможет найти наших людей. И он… – Сержант в последний раз взглянул на жертвенник и отвернулся. – Он не спасет этих людей. Смотрите в оба, курки взвести. Если найдутся выжившие после… после этого… их необходимо обнаружить и обезопасить.

– Но сэр, Хранитель Реликвии не давал нам приказа спасать мирных.

– Это само собой разумеется.

Как уже говорила – будет очень, очень досадно, если придется его убить.

Но я девушка расчетливая. Я не трачу зря еду, я не трачу зря выпивку, и я не трачу зря пули.

Кэврик стоял на открытом месте. И смотрел в другую сторону от моего укрытия. И его голова попадало ровненько в прицел Какофонии. Я взвела курок.

Это был правильный ход, разумный. Цепь субординации, что связывает Революцию воедино, сделана из стекла: жесткая, негнущаяся – и хрупкая. Годы пропаганды ничем не помогли им научиться думать своим умом. Убью Кэврика сейчас, и без командира остальные в панике разбегутся. В суматохе я с легкостью найду Лиетт и уберусь отсюда.

Да мне, мать его, даже не нужно в голову целиться. Попаду в тело, Руина вынесет легкие из грудной клетки. Один выстрел, и все, на хер, можно отсюда хоть прогулочным…

Рука дрогнула. Глаз дернулся. Палец на крючке напрягся.

Одной Госпоже ведомо, почему я не спустила курок.

Может, в Шраме осталось слишком мало честных людей. Может, я убила слишком многих. Или, может, я попросту такая, блядь, дура.

Так или иначе, я опустила Какофонию. Стиснула зубы от боли, когда он вспыхнул в ладони, взбешенный тем, что я не дала ему убить. Пекло, впрочем, слабенько, вполсилы; он и сам явно не считал Кэврика достойным убийства.

А может, где-то в глубине души мы оба романтики.

Убирать его далеко я все-таки не стала и, нырнув назад в переулок, прошла между домами. Пятый по счету переулок привел меня к широкой дороге. Стоило мне выглянуть, как губы сами собой растянулись в усмешке. Вот они, всего в сотне футов – вторые ворота, деревянные, распахнутые, прямо-таки ждут меня.

А потом усмешка померкла. Как только я увидела на пути к ним хрупкую девочку, которая обхватила себя руками и глядела вниз.

– Лиетт! – крикнула я, бросаясь к ней.

Никакой реакции. Пока я не опустила ей на плечо ладонь. Лиетт отскочила, вскинув руку и оцарапав мне щеку ногтями. Я схватила ее за плечи.

– Тихо, – прошипела я. – Полегче!

Спустя миг судорожных вздохов и еще три – дрожания Лиетт успокоилась и смогла поднять взгляд и посмотреть на меня. Но страх из ее глаз не ушел. Она высвободилась из моей хватки. Отвернулась.

– Ты цела, – заметила я, выискивая на ней кровь и не находя оной. – Я тоже, если вдруг тебе интересно. – Я пощупала щеку, по которой она мне саданула. – Мне, конечно, льстит, что ты запомнила мои советы целиться в глаза, но в следующий раз – они немного выше.

Лиетт не произнесла ни слова. Она не шелохнулась. А у меня не было времени ждать, пока она все переварит.

– Слушай, – начала я, снова приближаясь. – Понимаю, ты увидела полный пиздец, но нам нельзя тут оставаться и…

– Это Враки?

Ее голос прозвучал так тихо, так неуверенно – как будто и не Лиетт вовсе, чуть было не подумалось мне.

– Его магия сотворила такое с людьми? – Она повернулась ко мне. Ее молчание давалось мне куда проще, чем слезы в глазах. – Он сотворит такое и с тобой?

На это у меня была тысяча хлестких ответов. Тысяча угроз, тысяча бахвальств, тысяча заверений, что я не боюсь погибнуть от его рук. Но Лиетт не поверила бы ни одному.

Она знала мои сны.

– Для этого ты уходишь? – спросила Лиетт. – Гнаться за теми, кто способен на… такое?

– Ты видела, что они натворили. Я не позволю им повторить это.

– Нет, не поэтому. Не поэтому ты за ними мчишься. Не поэтому… – Лиетт скрипнула зубами, сжала голову ладонями, силясь выцарапать оттуда ответ. – Как ты можешь так стремиться следовать за этим?! Как ты только… только…

Я привыкла слышать мольбы людей перед тем, как убить их. Видеть на их губах ненависть, с которой они клянут мое имя. Видеть, как обнажают клинки, как созывают армии, дабы меня одолеть. И представить не могла, сколько боли способна причинить, пока Лиетт не взглянула на меня со слезами в глазах и не заговорила.

– Что же я делаю не так, если ты выбираешь это вместо меня?

Где-то, наверное, были слова, которые могли бы объяснить, почему мне так нужно отыскать их и остановить – слова о том, что здесь случилось, слова о пропавших детях, слова, которые не отдавали на языке птичьим дерьмом. А времени их искать – не было.

– Ну давай, – буркнула я. – Нельзя здесь оставаться. Городишко кишит врагами, с которыми нам никак нельзя сталкиваться.

Какофония вскипел в ладони, угрюмый, но и только. Я направилась к воротам, Лиетт – за мной следом. Не пойми меня неправильно, в списке того, что я ненавижу, пункт «расстраивать мой изрыгающий геенну огненную револьвер» находится довольно высоко. Правда, жуткая смерть от рук охотников на ведьм или ружей фанатиков все равно значится повыше.

А на самом верху этого списка?..

– Эй вы! Стоять!

Совпадения.

Еб вашу ж мать, как я их ненавижу.

Я рывком развернулась, заслонив Лиетт, и посмотрела сквозь прицел Какофонии на юную девицу в пятнадцати футах от меня. С такого расстояния выстрел оставит от нее только пятно.

Да ну на хер, надо было спустить курок.

Призывной возраст Революции – пятнадцать. Как только дети учатся говорить, их начинают дрессировать. На детство им отводят лишь два коротких года; затем Уэйлесс принимается превращать их в солдат. Как только ребенку исполняется три, он узнает, что однажды примет скверную, жестокую смерть. Та девчонка – не исключение.

И я, увидев слишком широко распахнутые глаза и чуть приоткрытый рот, понимала, что если сейчас выстрелю, от моей легенды останется лишь рассказ о том, как Сэл Какофония убила перепуганную маленькую девочку, которая не знала лучшей жизни.

Я не была готова вписать в книгу своей жизни такую главу.

– И… и-именем… и-именем Р-рево… – заикнулась девчонка. Штык-ружье тряслось; она впервые навела его не на учебную мишень.

– Мелкая, – произнесла я. – Еще хоть пять секунд поцелишься в мою сторону этой штукой, и Революция не вспомнит твоего имени. – Я медленно взвела курок; он выразительно щелкнул. – Я сотру его с лица Шрама вместе с твоей тушкой.

Лиетт сверлила мой затылок взглядом, но я не могла остановиться. План-то работал. В глазах девчонки занялось сомнение, укоренился страх. Кровь, грохочущая в груди, наливала руки усталостью, ноги – слабостью. Еще миг – и малявка уронит оружие, а я уберусь отсюда.

– Ни с места!

Как выяснилось, этот миг нужен был и ее товарищам, чтобы испортить мой план. Щелкнули курки, и меня окатило холодом, который обычно приносит с собой осознание, что на тебя направлено дуло. Я развернулась и увидела их. В переулке, из которого я вышла, стояли двое солдат. Топот сзади подсказал, что путь к отступлению нам отрезали еще двое.

Чары в палантине могли выдержать выстрел. Если я закрою собой Лиетт, она останется невредима. И если повезет, выживем мы обе. Да и мысль о том, что все могло быть куда хуже, служила некоторым утешением.

– Не стрелять! Не стрелять, чтоб вас!

Но, видимо, таким, как я, даже некоторые утешения не светят, м-да?

В переулке показался Кэврик. Он окинул взглядом открывшуюся ему сцену, вник в происходящее. И пусть сержант, судя по выражению лица, определенно не ожидал увидеть тут меня, он заметил здоровенный револьвер, направленный на его подчиненную, и быстро сделал правильные выводы.

Ну, по крайней мере, сюда пока не явился Тягостный с его громадной сраной Реликвией.

– Давайте сохранять спокойствие, – проговорил Кэврик умиротворяющим тоном, который явно намекал, что у него не так уж много опыта в ситуациях, когда нужно заставить людей опустить оружие.

Само собой, солдаты его не услышали; я буквально чуяла, как у них чесались руки.

– Сэл, – повернулся он ко мне, – что ты тут делаешь?

– Ох, ну знаешь… – Я хмыкнула. – Всякое по мелочи.

– Ужасно большой револьвер для «всякого по мелочи».

– У меня очень длинный список дел, сержант Гордый, – отозвалась я, не сводя глаз с девчонки. – Сейчас твои детишки опустят свои игрушечки, и я вернусь к нему, не добавляя туда пункт «вышибить мозги кучке тупых говнюков».

– Сержант, она что-то знает, – подал голос один из солдат. – Я уверен. Она что-то знает про Неумолимого. Зачем бы еще скитальцу тут шляться?

Кэврик затаил дыхание.

– Сэл, если ты успокоишься и пройдешь с нами, мы…

– Только коснись меня – и похоронишь тут своих ребяток, сержант.

Он с тревогой глянул поверх моего плеча на Лиетт.

– Твоя спутница, она…

Лиетт съежилась. Я выставила руку, прикрывая ее, и ощерилась.

– Коснись ее – и хоронить будет нечего.

Кэврик плохо меня знал. Но выражение его глаз подтвердило: он верил, что я не лгу.

– Не стоит усугублять ситуацию. – Он окинул взглядом своих солдат. – Если мы все просто опустим оружие…

Я мало понимаю в хитросплетениях революционной субординации. И все же надо полагать, что именно из-за этого мягкого тона, которым он предложил подобный выход своему отряду вместо того, чтобы просто взять и приказать, Кэврик был младшим сержантом.

Сзади щелкнул взведенный курок.

– Солдаты, – предупредил Кэврик. – Так мы Неумолимого не отыщем. Опустите оружие.

Кто-то шагнул ближе.

– Милостью Генерала, не надо!

Солдаты не слушали. Не слушала и я. Мы все проигрывали эту сцену в голове, сотню ее концовок, все до одной поганые. Я напряглась, палец на крючке дернулся. Я приготовилась спустить курок и бежать.

Сзади грянул выстрел.

Раздался крик.

И на землю рухнуло тело.

Я рывком развернулась. Увидела, как дымится ствол ружья, как солдат лежит на земле. Увидела, как течет кровь из раны, зияющей на его груди. Увидела, как блестит алым длинный, тяжелый нож в руке татуированного, полуголого обитателя с безумной улыбкой на лице.

– Ну и ну… – прохрипела Слепая сестра, прошаркав вперед. К ее приспешнику подбежали еще двое. – Какие богатства нам ниспослал сегодня Видящий Бог. Еретичку, избыток безбожников и…

В меня вперились ее пустые глазницы. Сморщенные губы вздернулись в оскале. Рот разинулся в пронзительном визге и…

Ну, знаешь, как бывает, когда встречаешь нового человека и не знаешь его имя, а он твое – да? Неловко выходит.

– Убить еретиков!

И когда они хотят тебя прикончить?

– Принести мне орудие! Принести Какофонию!

Ага.

Именно.

16
Старкова Блажь

Сущая правда то, что после похищений, сжиганий на костре, разрушений целых городов совсем немногие обитатели Шрама отзываются о добром народе Обители ласковым словом. Но если проведешь с ними чуток времени, ты узнаешь, что у них немало и хороших качеств.

– ИЗДОХНИ, ЕРЕТИК!!!

Например, их рвение.

Здоровяк с окровавленным ножом сиганул через корчащегося на земле солдата. Воздух окрасился алым, обитатель бешено замахал клинком, ринувшись ко мне с криком и кровью на губах. Даже мимо революционеров пронесся, как будто их там не стояло.

Пока они, конечно, не начали стрелять.

Загрохотали штык-ружья. Заклубился дым. Я услышала, как у моего уха просвистела пуля – и пробила человеческий череп. На коже обитателя расцвели пять красных бутонов, самый большой и яркий – в самом центре лба.

Я оглянулась. Кэврик по-прежнему смотрел в прицел своего штык-ружья и следил за обитателем.

И это оказалось хорошей идеей. Ведь когда вокруг моего горла сомкнулись руки, я поняла, что здоровяк не совсем умер.

– Издохни… издохни… издохни… – зарычал он, то ли про меня, то ли про себя, я так и не поняла.

Чтобы удушить меня, он выронил оружие, позабыв про тактику в безудержном стремлении убить, пока его не оставили силы. Но кровь неумолимо вытекала из ран, и хватка слабела.

Но он все же ощутил перо, которым подбежавшая Лиетт проткнула ему вену на запястье. Обитатель заорал. Я вскинула Какофонию, врезала рукоятью ему по черепу. Хрустнула кость, и ублюдок наконец понял намек – рухнул на землю, неподвижный. А револьвер в моей ладони приятно потеплел.

Эта сцена ему понравилась.

А следующая рисковала понравиться гораздо больше.

– Огонь! Открыть огонь!

Кэврик кричал скорее для себя, чем для солдат. Те, перезарядив пылающее оружие, палили по обитателям. Бездумно, зажмурившись, до смерти перепуганные, как в первый раз на задании, не целясь и даже не глядя.

Так что убраться с дороги становилось, мать их еб, очень трудно.

Пригнувшись и схватив Лиетт за руку, я метнулась на другую сторону, в очередной закоулок, который, как выяснилось, упирался в городскую стену. Лучшего места, чтобы нас зажали, я выбрать не могла.

– Стоять тут, – рявкнула я, вталкивая Лиетт вглубь закоулка.

Она не стала задавать вопросов, только едва заметно кивнула. Даже если она знает, в какую мышцу надо ранить человека, чтобы он разжал хватку, Лиетт – не воительница. Я, впрочем, тоже.

Я и револьвер в моей руке?.. Мы – убийцы.

Когда я развернулась и выглянула, Какофония уже гудел, ожидая, когда ему дадут волю. Среди гвалта, криков фанатиков и грохота выстрелов он явно сотворит еще больше хаоса. Однако хаос – штука полезная лишь в том случае, когда он от тебя подальше. А тут вся улица буквально ожила от летящих пуль.

– Смерть еретикам!

Не то чтобы обитателей это тревожило.

Ближайший к нам революционер, пятившийся посреди улицы в отчаянной попытке добраться до товарищей, спустил курок. Пуля просвистела, взрезала окровавленную руку. Обитатель даже ничуть не замедлился и, прыгнув, повалил солдата на землю.

Взвыл металл, взметнулась кровь; фанатик механически вонзал нож, пробивая тщетные, суматошные попытки защититься парня, кричавшего о помощи.

Я понадеялась, что товарищи его услышали. Потому что сама была совсем не в настроении помирать.

Опять брызнула кровь, очередная пуля угодила обитателю в ребра. Она должна была его прикончить. Понятия не имею, почему этого не произошло. Как и солдат, который стрелял. Несчастный революционный придурок тупо глядел, уронив челюсть; обитатель подхватил свой вечно горящий факел и метнул его солдату в лицо.

Тот заорал и упал на колени, хватаясь за обожженную плоть. Другой наклонился, чтобы ему помочь. Достойно восхищения, но неразумно. Они не увидели, как обитатель одним прыжком оказался рядом и проткнул их обоих клинком.

Воздух пропитался страхом, кровью, пулями. Двое революционеров рухнули с криками, бестолково взмахнув оружием. Их товарищи вонзили в бока обитателя штыки. Тот взвыл от ярости, не обращая внимания ни на что, кроме крови на клинке и тел под ним.

С едким запахом дыма смешалась вонь страха и испражнений.

Я выскочила из переулка, надеясь, что за этим разнузданным смертоубийством и стрельбой никто не заметит, как я бегу к воротам. План, разумеется, казался отменным – пока я не вспомнила, что обитателей было трое.

Я затормозила как раз вовремя; чуть-чуть – и попала бы под летящий клинок. Обитатель взревел и снова замахнулся. Я по большей части не различаю фанатиков, но этого узнала. Вернее, узнала раны на его лице. Я же сама этому мудаку чуть череп не проломила.

Так какого ж хера он до сих пор держится?

Он ринулся ко мне. Джефф в моей руке вскинулся навстречу его массивному клинку. Приняв удар на крестовину, я от души пнула здоровяка коленом в пах. Когда и это не сработало, я двинула туда же Какофонией.

Латунь ударила ему между ног, и обитатель, пошатнувшись, свалился. Но намек не понял даже после пинка в челюсть. Он уже соскребался обратно на ноги.

Я огляделась. Земля была залита кровью обитателей, а вот трупов этих самых обитателей рядом почему-то не было. Они продолжали сражаться, с дырами от пуль, с рваными ранами от штыков – и без следов усталости, не говоря уже том, чтобы наконец сдохнуть.

За всем этим блеском крови и стали я с трудом различила пару адских огней в пустых глазницах. Сестра стояла неподалеку, опираясь на посох, скаля острые зубы в кривой усмешке.

Она. Какой бы ебнутой магией сестра ни владела, это она держала своих бойцов на ногах. Если убрать ее, поняла я, у меня будет шанс покончить с этим. Я припала на колено, вонзила меч в землю. Расслышала звон патронов, крики умирающих…

– Великий Генерал с нами, братья.

И, прорезавшийся сквозь них звук, возвещающий, что дело резко становится хуже.

На другом конце переулка появился Хранитель Реликвии Тягостный. Ничуть не обеспокоенный месивом вокруг, он перешагнул через тела павших братьев. Встал во весь рост, вскинул Реликвию, это чуждое орудие, и прицелился. И оно, странное, каменное орудие, не выстрелило – а зашевелилось. Реликвиям не свойственны столь примитивные действия вроде стрельбы.

О нет.

Это орудие пробудилось.

И взвыло.

Однажды мне уже не повезло оказаться под прицелом Реликвии. И пусть мне повезло выжить, я никогда не забуду звук, который она издала. Стон земли под ногами. Скрежет камня, что рвался оттуда наружу. Звук, заставивший меня вжаться в землю, лицом вниз, и закрыть голову руками.

Словно это могло помочь.

Кристалл на конце Реликвии вспыхнул ослепительным светом. А затем исторг жуткий град снарядов. Из пасти орудия вылетели тонкие световые иглы, ярче солнца, похожие на затвердевшие разряды молнии. Они неслись с хриплым свистом, оставляя за собой дым и пробивая сквозные, идеально ровные дыры в древесине, в земле…

И в плоти.

Обитатели разинули рты, крича и изрыгая проклятия. Звуки мучений утонули в скрипе и стоне, хриплых присвистах пронизывающего их света. Обитатели падали один за другим. Первый – разрубленный на две части, второй – на шесть, третий – с огромной дырой в груди.

Ну, или так мне показалось. Считать снизу было сложновато. Как и расслышать что-либо. Поднять голову я не осмеливалась. По крайней мере, пока звук не стих и в неподвижном воздухе не повисла лишь вонь паленой плоти.

Ни дыма. Ни огня. Ни новой крови. Реликвии – не для резни. Реликвии – для зачистки. Их держат не для того, чтобы убивать. А чтобы стирать с лица земли.

Обитатели остались лежать там, где рухнули; их раны были обескровлены, словно кто-то просто-напросто вырвал из них кожу, кости, органы, оставил одну оболочку. Революционеры – из тех, кто еще держался, – лежали неподалеку. А тем, кто в мучениях пал от рук обитателей, наверное, даже повезло – в отличие от несчастных, которых разорвал на куски собственный товарищ.

Откуда взялись эти Реликвии, знал только Великий Генерал. Они могли с сотни ярдов попасть птице в глаз, не проронив и капли крови. Но лишь в том случае, если они в руках умелого стрелка. А если стрелку было плевать, куда он попадет…

Взгляд зацепился за знакомый силуэт. В луже крови, у стены, лицом в грязь лежал Кэврик. Его ладони по-прежнему тщетно цеплялись за штык-ружье, словно он все еще не был готов сдаться, даже сейчас. Я не могла понять, убила ли его Реликвия или обитатели.

– Ах ты ж, твою мать…

Не знаю, почему я так сказала. Или почему меня это задело. Что бы вы ни болтали про защиту простого люда Шрама, революционеры такие же жестокие и злобные скоты, как и те, против кого вы сражаетесь. Меня не должна была волновать очередная кучка ваших мертвецов.

Но, блядь, он ведь казался таким… хорошим, понимаешь?

Я хотела подползти ближе, чтобы проверить, вдруг обошлось. Или, может, просто закрыть ему глаза. Не знаю. Неважно.

– Не лей по ним слезы.

Но у меня была иная проблемка.

Я ужом перевернулась на спину и вскинула клинок. На меня упала тень. А следом – тяжелый ботинок, который наступил на мой локоть и вдавил его в землю. Я заорала; сустав прошило болью, рука с клинком была обездвижена.

– Величайшая цель для всякого революционера – отдать жизнь за Устав. – Надо мной возвышался Тягостный; оружие в его руках до сих пор подергивалось, живое. – Они должны гордиться, что лицезрели исполнение воли Великого Генерала. И оскорбиться, что их смерть оплакивает скиталец вроде тебя.

И он направил на меня Реликвию. И знаю, прозвучит безумно, но я почему-то подумала, что проклятая дрянь ухмылялась.

– Сэл Какофония.

– Вижу, слышал обо мне, – отозвалась я, морщась от боли.

– Революции известно твое имя, твои гнусные деяния описаны, и твое вероломство легендарно.

– Преувеличиваешь.

Раздался топот. Мы с Тягостным отвлеклись друг от друга и увидели, как из закоулка вылетела Лиетт с окровавленным пером, которое теперь предназначалось Тягостному. Тот сощурился, не зная, что ему делать с этой вдруг выскочившей хрупкой девушкой.

Я, впрочем, прекрасно представляла, что делать.

Рывком развернулась, вскинув ноги и держа голову подальше от пасти Реликвии. Тягостный опустил взгляд как раз когда я обхватила своими ногами его левую ногу и лишила опоры. Он заорал, пытаясь направить на меня оружие. Свободной рукой я сдернула палантин и, обернув его вокруг запястья Тягостного, отвела ствол Реликвии в сторону. Второй рукой я вскинула меч – и вонзила хранителю под мышку.

Оружие выпало из его рук. Неподвижный воздух содрогнулся от вопля. Тягостный, истекая кровью, лежал на земле.

– Будь мое вероломство поистине легендарным, – заметила я, – ты ожидал бы чего-то в этом духе.

Я глянула на Лиетт, которая встревоженно смотрела на меня. Но, прежде чем я успела выдать хоть слово, послышался иной голос.

– Ну и ну…

Слепая сестра, шаркая, подобралась ближе, ничуть не впечатленная резней, ничуть не затронутая огнем Реликвии. Тяжело опираясь на посох, она устремила пылающие глазницы на наименее изуродованного собрата.

– Признаюсь, к своему бесконечному стыду, что слухи о твоих способностях чинить насилие столь несоразмерны действительности, – проговорила сестра, острозубо улыбаясь. – Какофония. Наши писания преисполнены сказаниями о твоих злодействах.

Забавно, что во всех этих россказнях ни разу не упомянута моя красота.

– Знала бы, воззвала бы к нему скорее.

Она ткнула концом посоха в лоб мертвого брата. И, хоть я и думала, что повидала немало, чуть не блеванула, когда он зашевелился.

– Сестра… – прохрипел фанатик, потянувшись дрожащей рукой к ее усохшим пальцам. – Я… я его подвел. Я подвел Господа…

– Да, брат, – отозвалась та. Потрясла головой, возложила на его лоб ладонь. – Однако скоро ты пред ним предстанешь. И твоя бессмертная душа даст ему ответ. Но плоть…

Сестра широко ухмыльнулась. Посох засветился.

– Этот сосуд ему еще послужит.

Алый свет, озаривший ее тело, влился в плоть фанатика. Окоченевшее тело вытянулось, как палка. Кулак в груди, что был его сердцем, засиял багряным, свечение разлилось по венам. Ухмылка сестры на алом фоне казалась черной.

Я попятилась, не понимая, с чем имею дело, но уверенная, что ни хера не хочу досматривать эту сцену до конца. Не успела я сделать и трех шагов, как сзади раздался звук. Стон камня, хриплое ругательство с губ умирающего.

– Десять тысяч лет! – просипел Тягостный.

Я развернулась. Он держал оружие в целой руке. Реликвия вздохнула, оживая, и выстрелила. Молния прорезала небо. Я прыгнула в сторону и покатилась, уворачиваясь от удара. Слепая рухнула – с пробитой в горле дырой и застывшей на лице ухмылкой.

Единственный миг. Ровно столько понадобилось, чтобы ее убить. Так быстро.

И слишком, блядь, поздно.

Когда тело сестры подкосилось, ухмыляющееся, безжизненное, обитатель уже поднимался. Его сердце продолжило биться, сияние, что мчалось по венам, с каждым слышимым

ударом разгоралось ярче. Он согнулся, издал гортанный, надсадный вой. Схватился за живот, как будто его вот-вот вывернет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.